

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. Мархоцкий

ИСТОРИЯ
МОСКОВСКОЙ
ВОЙНЫ

РУССКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Н.Мархоцкий

ИСТОРИЯ
МОСКОВСКОЙ ВОЙНЫ

Подготовка публикации,
перевод, вводная статья, комментарии
Е.Куксиной

Москва
РОССПЭН
2000

ББК 63.3(2)45
М 29

Мархоцкий Н.

М 29 **История Московской войны.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 223 с., илл.

Записки поляка — участника событий Смутного времени живописуют ход военных и политических батальей этого трагического периода в истории нашей страны. Н.Мархоцкий подробно освещает участие польских войск в интервенции, описывает политические интриги, планы и устремления Польши, а также участие различных слоев русского общества в борьбе с захватчиками. Книга содержит обширные сведения по внутривнутриполитической истории Русского государства начала XVII века.

На русский язык переводится впервые.

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

© Е.Куксина, подготовка публикации, перевод, вводная статья, комментарии, указатели, 2000.

ISBN 5-8243-0005-4

ПЕРОМ И САБЛЕЙ

Событиям начала XVII века, а именно о них пойдет здесь речь, посвящены сотни книг. Россия и Польско-Литовское государство, сходные генетически и подверженные сильному взаимному влиянию, практически одновременно оказались перед выбором исторического пути. Как ни различались между собой государства-соседи, — беды их были очень похожи. Противоречия, уже давно зревшие внутри общественного организма, требовали разрешения. Пресечение правящих династий явилось тем внешним поводом, который привел в движение все общество сверху донизу. Традиционный порядок государственной жизни вдруг сменился хаосом, и лишь спустя какое-то время, переболев, общество приобрело силы для новой жизни.

Начатое прежними правителями Руси и продолженное Иваном Грозным дело создания самодержавного государства не было доведено до конца. Инерция российского общества, не имевшего четкой социальной градации, не позволила оформиться властным структурам, способным помешать будущей смуте. Усугублялось положение и тем, что либо на престоле оказывался безвольный правитель (такие, как последний из Рюриковичей Федор Иванович, боярский царь Василий Шуйский), либо и вовсе самозванец, а Борису Годунову, несмотря на политический опыт, не хватило времени что-либо изменить.

Не менее сложно и противоречиво шло развитие и Речи Посполитой, в состав которой входили разнородные территории, сохранившие значительную автономию. Важнейшей особенностью этого государства являлось могущество феодального сословия, создавшего своеобразную дворянскую республику, все дела которой вершил сейм и два его «сословия» — магнаты и шляхта. В 1572 г. со смертью короля Сигизмунда II Августа пресе-

лась династия Ягеллонов. После кратковременного, номинального, правления Генриха Валуа, сбежавшего в Париж, чтобы занять французский трон после смерти своего брата Карла IX, польская корона досталась семиградскому воеводе Стефану Баторию, а внутренние противоречия нашли выход во внешней экспансии на восток, в земли Московского государства. Внезапная смерть короля Стефана привела к поиску нового кандидата на трон — им стал шведский королевич Сигизмунд III Ваза. Однако проводимая Сигизмундом III политика насаждения католицизма и борьба за возвращение шведской короны не оправдали ожиданий большей части польско-литовской шляхты.

Ситуация в России и Речи Посполитой была схожа не только династическим кризисом. Дворяне — основная вооруженная сила обоих государств, требовали увеличения жалования, наделения поместьями. Крестьяне попадали в еще большую кабалу к своим господам. Усиление крепостной зависимости привело к бунтам и бегству крестьян на окраины, где они пополняли ряды казаков. Бурное распространение казачества очень скоро стало государственной проблемой как в России, так и в Польско-Литовском государстве.

Время перемен вывело на историческую сцену огромное число безвестных прежде людей, которые в одночасье стали вершителями чужих судеб. К счастью, сегодня мы можем судить о тех смутных временах, не только исследуя грамоты и деловую переписку. Голоса современников донесли до нас в разнообразных повествованиях как соотечественников, так и иноземцев: поляков, французов, голландцев, немцев.

И все же произведение, которое мы представляем на суд читателя, выделяется из их числа. Это мемуары польского ротмистра Николая (Миколая) Мархоцкого под названием «История Московской войны». О личности автора известно немного. Родился он около 1570 г., вероятно, в небогатой дворянской семье, проживавшей в Малой Польше, в родовом владении Мархочицы. С 1608 по 1610 г. Мархоцкий воевал в армии Лжедмитрия II, сначала под командованием князя Романа Рожинского,

затем служил в полку Александра Зборовского уже на стороне короля Сигизмунда III. Вернувшись на родину в 1612 г., Мархоцкий получил должность цехавского старосты. Известия о его судьбе обрываются после 1625 г.

Хронологически записки охватывают период с 1602 по 1612 г. Однако основное повествование начинается лишь с 1607 г., т.к. все, что происходило ранее, автор описывает кратко, возможно, с чужих слов, и только для того, чтобы ввести читателя в курс дела. Далее же Мархоцкий сознательно включил лишь те события, в которых он был либо участником, либо наблюдателем. Анализируя текст, можно высказать предположение, что в его основу легли какие-то дневниковые заметки и документы, сохраненные ротмистром несмотря на все превратности военной жизни. Часть этих документов он поместил в приложении к мемуарам как свидетельство своей добросовестности. Окончательный вид записки получили не ранее 1619 г.

В отличие от своих соотечественников, оставивших свои впечатления в форме необработанных дневниковых или путевых записей, ротмистр Миколай владел пером не менее искусно, чем саблей. Его произведение имеет законченную литературную форму, написано выразительно и живо, с яркими вкраплениями народной речи. Колоритный стиль Мархоцкого, возможно, был одной из причин недоверчивого отношения к нему историков (активно привлекал к работе «Историю Московской войны», пожалуй, только С.Ф.Платонов). Действительно, причины для скепсиса были: это и сравнительно небольшое количество точно указанных дат, и кажущаяся мозаичность повествования, смесь одновременных и разноплановых фактов. Однако, стоит чуть внимательнее вчитаться в текст и эти недостатки оборачиваются достоинствами: искусный рассказчик как бы переносит читателя в самую гущу событий — на крепостную стену, на поле битвы (лицом к лицу с неприятелем), ведет в хоромы самозванца или шатер коронного гетмана. К несомненным достоинствам записок следует отнести стремление Мархоцкого избежать малейших домыслов. Благодаря такому подходу его свидетельства почти во всех случаях поддаются

проверке или уточнению по другим источникам. Большая часть информации уникальна: это сведения о происхождении Лжедмитрия II, о начальном этапе формирования его войска и маршруте следования к Москве. Интересны факты, касающиеся взаимоотношений лидеров гушинского войска, характеристики Р.Рожинского, И.Заруцкого, С.Жолкевского и др. Еще более важны свидетельства Мархоцкого как военного человека о битвах с войсками царя Василия Шуйского у р. Ходынки (в 1608 и 1609 гг.) и под с. Клушино (1610 г.), сражениях за Иосифо-Волоколамский монастырь, занятии Москвы полками гетмана С.Жолкевского и сражениях с отрядами Первого ополчения в 1611 г. Интересна «История» и с другой стороны: пожалуй, ни один источник того времени не дает столь яркого представления о солдате-наемнике. Невольно ротмистр набросал и собственный портрет — человека, стремящегося к славе и обогащению, для которого война — это просто работа, а за «кровавое дело» платить следует щедро. И так ли уж важно, чье это будет золото — польского короля, московского царя или самозванца. У ротмистра и его «товарищей» есть и характерный для наемника кодекс «рыцарской чести», не чужды им понятия долга, славы, доблести и заслуг. При случае Мархоцкий не забывает отдать должное своему противнику (впрочем, скорее для украшения своих подвигов, ибо победа над слабым врагом не делает чести герою). Он восхищается военными хитростями москвитян, стойкостью крепостных сидельцев; с равным уважением говорит о Р.Рожинском, А.Голицыне, И.Заруцком, М.Скопине-Шуйском. С грустной иронией бывалого воина повествует о губительных последствиях алчности своих соотечественников, о склоках и зависти в тушинском войске, кремлевском гарнизоне Гонсевского и войске короля Сигизмунда III.

Знакомство с «Историей Московской войны» представляет редкую возможность вместо безликих «интервентов» увидеть реальных людей и их военные будни. И еще раз отдать должное мужеству защитников больших и малых русских крепостей, которые выстояли против сильного врага, отбросив «шатость» ради спасения своей земли.

Поскольку многие значительные события, происшедшие в России и Речи Посполитой в начале XVII в., освещены Мархоцким недостаточно или упоминаются вскользь, предлагаемый краткий очерк Смутного времени поможет читателю сориентироваться в сложной панораме прошлого (с этой же целью в приложении и комментариях помещен ряд документов, существенно дополняющих основной источник).

В 1584 г. в России умер царь Иван IV Грозный. Страна была разорена Ливонской войной, набегами крымских татар, произволом опричников. Слабоумный сын Грозного Федор не мог править самостоятельно. Еще один наследник — сын последней жены Ивана IV Марии Нагой, царевич Дмитрий был очень мал и находился в Угличе, пожалованном ему в удел. Борьба при дворе за влияние на немощного царя Федора завершилась победой царского шурина Бориса Годунова. «Большой боярин» Годунов много устроил в Русском государстве «достохвальных вещей»: прекратились массовые казни, с 1589 г. во главе русской православной церкви встал патриарх. Вскоре последовали успехи во внешней политике: были отвоеваны русские земли на Балтийском побережье, захваченные шведами во время Ливонской войны. Отражены набеги крымцев, укреплена безопасность южных рубежей, отстроены города и крепости на Нижней Волге и в Сибири. Но эти успехи народ оплатил не только серебром, но и собственной свободой. В 1592/93 г. был издан указ о запрещении крестьянам покидать своих хозяев в Юрьев день, а через пять лет увеличен срок сыска беглых. Возросли государственные подати.

Неясным казалось и будущее царского дома. Брак Федора Ивановича с Ириной Годуновой был бездетным, но наследник подрастал в Угличе. Гибель 15 мая 1591 г. царевича Дмитрия стала для царской династии роковой. Виновником трагедии в глазах всего народа стал Борис Годунов, сотворивший «убийственной рукою Ирода, неправедное заклятие ... незлобивого отрока царского племени». Расследовать обстоятельства гибели царевича отправилась специальная комиссия во главе с боярином

кн. В.И.Шуйским. Вскоре был составлен официальный отчет, в котором говорилось, что царевич «поколослся ножом» в припадке падучей болезни. В том, что произошло тогда в Угличе, нет ясности до сих пор. Как бы то ни было, смерть Дмитрия действительно помогла Годуну занять трон. Борис имел титул конюшего, был ближайшим родственником царя, — обладая всей полнотой власти и огромным состоянием, после смерти Федора он стал главным претендентом на корону.

17 февраля 1598 г. Земский собор избрал Годунова царем. А по прошествии нескольких лет на государство посыпались беды. Два года подряд, — 1601 и 1602, выдались неурожайными. В 1603 г. в стране начался страшный голод. Бедствия, внезапно поразившие страну, привели людей к мысли о наказании за грехи — за то, что позволили пролиться невинной крови и доверили царство убийце. Слухи о чудесном спасении царевича Дмитрия кружили в народе давно, теперь же они стали шириться и обрастать новыми подробностями. Вскоре в образе «убиенного» царского сына объявился реальный человек — Григорий Отрепьев (в миру Юрий), беглый монах Чудовского кремлевского монастыря. Еще в начале 1602 г. Григорий отправился за литовскую границу, всюду рассказывая о своем «царском» происхождении. Однако встретил в Польше лишь насмешливое отношение. Заинтересовался монахом-расстригой лишь князь Адам Вишневецкий, он же и сообщил все подробности королю Сигизмунду III.

Известие о появлении «наследника» московского престола вызвало настороженное отношение сенаторов: многих беспокоила перспектива нарушения мирного договора, заключенного между Речью Посполитой и Россией в 1600 г. Тем не менее из появления самозванца король решил извлечь максимальную выгоду. Интересную версию относительно планов Сигизмунда III излагал австрийский посол Г.Логау в письме к императору Рудольфу II: «быть может, надеются при помощи и содействии днепровских казаков побудить московский народ к отпадению от Бориса и вызвать в стране против него восстание со знатнейшими боярами и дворянами во главе, с тем,

чтобы Дмитрий мог достичь власти, прогнать Бориса и подчинить Москву польской короне». Организацию похода король доверил сандомирскому воеводе Ю.Мнишку. С согласия же Сигизмунда III «царевича» обручили с дочерью воеводы Мариной. Мнишек набрал для самозванца три тысячи разношерстных ратников. Затем к ним прикнули отдельные казачьи отряды, возглавляемые своими атаманами.

В октябре 1604 г. Лжедмитрий I перешел границу Московского государства и двинулся в Черниговскую землю. Гарнизон небольшой крепости Моравска сдался без боя, присягнув «истинному царю Дмитрию Ивановичу». Армию самозванца пополнили 10 тысяч запорожских и донских казаков, и теперь можно было предпринять более крупную операцию. Для занятия Чернигова не понадобилось много усилий: местный воевода И.Татев был схвачен самими горожанами и выдан самозванцу. Шедшие на подмогу Татеву московские стрельцы во главе с князем Н.Трубецким и окольным П.Басмановым, узнав о падении Чернигова, заперлись в Новгороде-Северском. В ноябре 1604 г. войско Лжедмитрия I осадило и эту крепость. Тем временем на сторону «царя» Дмитрия стали переходить другие северские города: Путивль, Рыльск, Севск, Курск, Кромы. Лишь в середине декабря к осажденному Новгороду-Северскому подошла царская рать под командованием боярина кн. Ф.И.Мстиславского. Несколько сражений под стенами крепости показали войску самозванца, что легкой победы не будет. В начале января 1605 г. недовольные трудностями предприятия поляки и часть казаков отказались повиноваться Лжедмитрию I и ушли в Польшу. Потеряв самую боеспособную часть своего войска, самозванец бежал в Комарицкую волость. Войска кн. Мстиславского и кн. В.И.Шуйского (приведшего новые подкрепления) двинулись следом и 21 января наголову разгромили Лжедмитрия I под с. Добрыничи. Сам Отрепьев едва спасся и бежал в Путивль.

Когда вести из России достигли Кракова, польский сейм осудил предприятие «господарчика» и рекомендовал королю приложить все усилия к сохранению мира с Московским государством, а тех, кто готовил «дивер-

сию», считать изменниками. Послам Годунова объяснили, что с Лжедмитрием пошли «своевольные люди», за которых Речь Посполитая отвечать не может.

Однако военные действия в Северной земле затянулись. В тылу полков Мстиславского сторону самозванца держала крепость Кромы, а сам «Дмитрий» собирал войско в Путивле. Рать Годунова была лишена продовольствия, дворяне бросали свои полки и разъезжались по домам. Наконец, из Москвы последовал приказ: отступить к Кромам. А 13 апреля 1605 г. внезапно умер царь Борис. Говорили, будто он принял яд, страшась встречи с царевичем Дмитрием, но это были пустые слухи: смерть наступила, вероятно, от апоплексического удара. В Москве спешно была устроена присяга Федору Годунову, для поддержания авторитета которого были вызваны из-под Кром первейшие бояре — Ф.Мстиславский и В.Шуйский. 7 мая в войске под Кромами вспыхнул мятеж: часть воевод (И.Голицын, П.Басманов, М.Салтыков) перешли на сторону Лжедмитрия, остальные бежали в Москву или в свои поместья. Полки самозванца, не имея никаких препятствий, двинулись к Москве. А в самой столице произошел переворот: Годуновы были сперва взяты под стражу, а затем убиты. 20 июня Лжедмитрий I торжественно вступил в Москву. Однако правление нового государя оказалось недолгим. Непоследовательное поведение самозванца в отношении знати, православной церкви, увеличение податей, непомерные расходы на развлечения и подарки польскому королю и семейству Мнишек стали вызывать раздражение не только бояр и духовенства. Разнузданность польских отрядов переполнила чашу терпения простых горожан, тем более что в мае 1606 г. в столицу прибыла невеста самозванца Марина Мнишек с огромной свитой. Гнев против поляков готов был в любую минуту прорваться наружу. Этими настроениями и воспользовался кн. Василий Шуйский, организовав заговор против самозванца. 17 мая заговорщики подняли город набатным звоном («поляки, де, бьют государя»), и пока толпа громила польские дворы, расправились с Отрепьевым. Через пару дней Василий Шуйский был избран на царство.

Не успели улесться страсти после переворота, как снова возникла молва о спасении «Дмитрия», в городах невесть откуда стали появляться якобы подписанные им грамоты. Вскоре кн. Г.Шаховской, посланный царем Василием Шуйским на воеводство в Путивль, поднял город за «вора». Северские города вновь продемонстрировали свою враждебность Москве. В движении против «государева изменника Василия Шуйского» приняли участие самые разнородные слои общества: служилые люди Северной Украины и южных рубежей (Тулы и Рязани), казаки, посадские, крестьяне, холопы, дворяне. Во главе путивльского войска встал И.Пашков, рязанцев возглавил П.Ляпунов. Правительство В.Шуйского спешно собирало рати для подавления мятежей, охвативших весь юг страны.

После появления в Путивле другого «большого воеводы» — И.И.Болотникова, прибывшего с большим отрядом запорожских казаков, все войско двинулось на Москву. Отряды И.Пашкова выбрали иной путь — через Елец, Ряжск — в рязанские земли, где действовал П.Ляпунов. В августе 1606 г. войска В.Шуйского потерпели два крупных поражения под Кромами и Ельцом. На сторону Болотникова перешли Калуга и Серпухов, в конце октября войска повстанцев укрепились в пригороде Москвы с. Коломенском. Выступив под лозунгом возвращения престола законному царю Дмитрию Ивановичу, болотниковцы ожидали его со дня на день, но Дмитрий все не показывался. Зато из Нижнего Поволжья с небольшим отрядом казаков явился некто «царевич Петр».

В начале декабря войско, возглавляемое кн. М.Скопиным-Шуйским, сумело оттеснить болотниковцев от Москвы. Повстанцы отступили в Калугу, не удержавшись и там, ушли в Тулу. На осаду города-крепости Василий Шуйский отправил все свои войска. 10 октября 1607 г., изнуренная многомесячной осадой, Тула открыла ворота. Сотни повстанцев были казнены (в том числе и Лжепетр), Болотников сослан в Каргополь и вскоре убит. Победа над болотниковцами не принесла Василию Шуйскому долгожданного покоя. Близ литовской границы уже маячила тень Второго Лжедмитрия: в мае 1607 г. в Стародубе таинственным образом явился новый само-

званец. Начало похода Лжедмитрия II совпало с мятежами в Польше: против короля поднял оружие краковский воевода Миколай Зебжидовский. Рокош начался в августе 1606 г., когда под Сандомиром собралось около 50-ти тысяч шляхтичей, недовольных политикой короля. Однако и на стороне Сигизмунда III были значительные силы. В июле 1607 г. гетманы С.Жолкевский и Я.Ходкевич разбили армию рокошан под Гузовом, затем стороны склонились к примирению, а толпы вооруженных дворян, оставшись без жалования, хлынули в пределы Московского государства искать счастья с новым самозванцем.

К весне 1608 г. армию Лжедмитрия II пополнили значительные силы польской конницы и казаков. Гетманом войска был избран кн. Р.Рожинский. Казачьи полки возглавили И.Заруцкий и А.Лисовский. Против «вора» Василий Шуйский снарядил тридцатитысячную рать во главе со своим братом Дмитрием. 30 апреля 1608 г. противники сошлись в окрестностях Болхова. Первое столкновение с войском Лжедмитрия II у д. Каменки едва не закончилось полным разгромом царского войска. На следующий день сражение состоялось уже под стенами города, но ни одна из сторон не могла похвалиться победой. Д.Шуйский решил не испытывать военное счастье и, оставив в Болхове пятитысячный гарнизон, приказал отступать к Москве. Через два дня гарнизон Болхова сложил оружие и присягнул самозванцу. Соединенное войско через Козельск, Калугу и Можайск двинулось к Москве, и в начале июня остановилось у д. Тушино. 25 июня Р.Рожинский внезапно ударил на царскую рать, стоявшую к северу от с. Хорошово за р. Ходынккой. На этот раз «воровские» полки были оттеснены, но Москва оказалась в осаде.

В самой же столице с октября 1607 г. шли переговоры с польскими послами С.Витовским и кн. Я.Друцким-Соколинским. Польский король, оказавшись в трудном положении из-за рокоша, не желал раньше срока разжигать конфликт с московским царем. Заинтересован был в успехе переговоров и Василий Шуйский. В августе договор об отпуске всех задержанных после гибели Лжедмитрия I

поляков был подписан, и пленников под охраной стрельцов отправили к границе. Но в пятидесяти верстах от литовского рубежа кортеж был настигнут тушинскими отрядами, и Мнишков завернули в воровской стан, где Марина согласилась играть роль «супруги царя Дмитрия».

К зиме 1608/09 г. власть самозванца признали Псков, Астрахань, Ярославль, Переяславль-Залесский, Кострома, Вологда, Ростов, Владимир, Суздаль и др. Тушинский лагерь превратился в многолюдный город. Войско Лжедмитрия II, состоявшее прежде только из польского «рыцарства» и казаков, пополнили отряды из русских городов. Потянулись в Тушино дворяне и родовитые князья, недовольные правлением Василия Шуйского. Лжедмитрий II завел у себя штат придворных, вскоре в таборах появилось свое правительство — боярская дума, заработали приказы. Плененный тушинцами Ростовский митрополит Филарет (Ф.Н.Романов) был возведен в сан патриарха, «воровскую думу» возглавляли боярин М.Салтыков и кн. Д.Трубецкой. Здесь же заседали боярин кн. Г.Шаховской, дьяк Б.Сутупов, М.Молчанов, чин боярина был пожалован И.Заруцкому. Русским боярам и дворянам, польским шляхтичам от имени царя Дмитрия жаловали земли с крестьянами, выдавали грамоты на сбор податей.

В сентябре 1608 г. отряды тушинских полковников Я.Сапеги и А.Лисовского подступили к Троице-Сергиеву монастырю, представлявшему собой сильную крепость с огромными запасами оружия и припасов. Падение Троицы сделало бы положение Москвы почти безнадежным. Однако Сапега увяз под стенами монастыря на долгих шестнадцать месяцев, сняв безрезультатную осаду в январе 1610 г.

Зимой же 1608/09 г. тушинское воинство, опьяненное успехами и легкостью обогащения, вело себя все более бесцеремонно. Сбор средств на содержание рати уже давно принял форму открытого грабежа. По городам Севера и Верхнего Поволжья прокатилась волна возмущений, в Вологде, Галиче, Устюге, Костроме посад изгнал тушинских сборщиков и взял власть в свои руки.

Правительство Шуйского пыталось расправиться с самозванцем при помощи иноземных войск, для чего 28 февраля 1609 г. в Новгороде М.Скопин-Шуйский подписал соглашение со Швецией. В обмен на присылку наемного войска Россия уступала шведам г. Корелу с уездом и отказывалась от притязаний на Ливонию. Наемное войско под командованием Я.Делагарди весной 1609 г. прибыло в Новгород. В мае Скопин-Шуйский вместе со шведским войском выступил на помощь Москве. В июле объединенная русская и иноземная рать освободила Тверь. Однако наемники оказались крайне ненадежной силой. Не получив от Скопина жалованья в срок, шведский корпус почти в полном составе ушел к границе. Я.Делагарди всего с тысячью иноземцев пошел вместе со Скопиным через Калязин, Переяславль и Дмитров к Троице-Сергиеву монастырю.

Польский король, внимательно следивший за обстановкой внутри Московского государства, решил, что настал удобный момент напасть на ослабленного врага. 19 сентября 1609 г. армия короля появилась в окрестностях Смоленска, а через неделю город уже отражал штурмы неприятеля. С появлением королевского войска в пределах московского государства Тушинский лагерь распался. Часть «воровской» думы вела тайные переговоры с Василием Шуйским, другая слала гонцов к королю. Польское рыцарство требовало от самозванца денег и размышляло — не переменить ли «царика» на более состоятельного хозяина.

В декабре 1609 г. в Тушине появились посланники короля, который соглашался принять желающих на службу. Положение Лжедмитрия II становилось все более угрожающим, и он решил искать спасения в бегстве. Тем временем русские тушинцы снарядили под Смоленск посольство во главе с М.Салтыковым с предложением королю дать на московский престол королевича Владислава. Главным условием выставлялось крещение и коронация королевича по православному обряду. 4 февраля под Смоленском Сигизмунд III подписал соответствующий договор.

В январе 1610 г. под ударами войска М.Скопина-Шуйского Я.Сапега снял осаду Троице-Сергиева монастыря и ушел в Дмитров. Москва наконец освободилась от осады. В марте 1610 г. жители столицы с ликованием встречали своего избавителя — князя Скопина-Шуйского. Но радость была недолгой: через несколько недель 23-летний полководец внезапно скончался. Никто в городе не сомневался, что это дело рук его дяди — Василия Шуйского.

Праздновать же победу было рано. Лжедмитрий II пытался собрать новое войско в Калуге, а Р.Рожинский, решив перейти на сторону короля, захватил Иосифо-Волоколамский монастырь. Коронная армия во главе с гетманом С.Жолкевским направилась из-под Смоленска к Москве. Против столь многочисленных врагов царю Василию Шуйскому удалось к лету 1610 г. собрать 30-тысячную рать, во главе которой был поставлен Д.И.Шуйский, уже стяжавший славу бесталанного воеводы. Затем к его полкам присоединились иноземный отряд Я.Делагарди и новые подкрепления из Швеции — около 10 тысяч человек во главе с П.Делавилем и Э.Горном. Однако все это войско, собранное с таким трудом, 24 июня в битве под с. Клушино было наголову разбито гетманом Жолкевским. Столица осталась без защиты. 17 июля Василий Шуйский, при участии московских дворян и посада, был сведен с престола и пострижен в монахи. Власть перешла в руки боярского правительства во главе с кн. Ф.И.Мстиславским.

Положение в Москве было критическим: среди простых горожан было все еще популярно имя доброго «царя Дмитрия». Свою борьбу за обладание престолом вели знатнейшие бояре. Опираясь на пропольски настроенные круги знати, С.Жолкевский торопился заключить соглашение об избрании на трон королевича Владислава. Сторонников этой кандидатуры в Кремле было немало (в том, что русским царем станет принц иноземной крови не было ничего зазорного), важнейшим условием его избрания было принятие православия, сохранение традиций, законов и государственного порядка России. Однако Сигизмунд III, подписавший подобное соглашение с тушин-

скими боярами, резко изменил свои намерения: коронная армия стояла у стен Москвы, Смоленск, казалось, вот-вот падет. Король лелеял честолюбивый замысел лично занять московский престол. Поэтому С.Жолкевский получил инструкции добиваться присяги как королю, так и его сыну. Гетман считал подобный шаг ошибкой, и на свой страх и риск продолжил переговоры с боярами на прежних условиях. В Кремле опасались не только войск тушинского вора, но и волнений московского люда. Стремясь заручиться поддержкой польского войска для борьбы с самозванцем, бояре 17 августа 1610 г. подписали договор об избрании русским царем королевича Владислава. Выполняя условия договора, гетман двинул войска против рати Лжедмитрия II, в результате чего полк Я.Сапеги ушел в Северскую землю, сам же самозванец вновь бежал в Калугу. Избавившись от опасности, боярское правительство отправило под Смоленск к королю «великое посольство» во главе с авторитетнейшими лицами — патриархом Филаретом и кн. В.В.Голицыным.

Однако боярская верхушка настолько скомпрометировала себя сотрудничеством с врагом, что потеряла власть даже в пределах столицы. Опасения нового мятежа вынудили бояр согласиться на введение в Москву польского гарнизона. 1 октября 1610 г. Жолкевский разместил свои войска в Кремле и Китай-городе, а также на башнях Белого города. Ожидалось, что скоро прибудет Владислав и необходимость в войске отпадет. Но из-под Смоленска приходили неутешительные вести: король отказывался выполнять самые важные условия договорной записи и не торопился с присылкой сына. Чувствуя бесполезность своих усилий, Жолкевский вернулся в распоряжение королевской армии, оставив вместо себя в Москве А.Гонсевского. Король же считал себя полновластным хозяином Московского государства, смело награждая своих сторонников чинами и поместьями. И в столице власть постепенно переходила в руки начальника польского гарнизона. Изредка Гонсевский посылал отряды против Лжедмитрия II, но реальной опасности самозванец уже не представлял. Из тушинских бояр с ним остались кн. Д.Трубецкой и Г.Шаховской. Основную часть войск

Лжедмитрия II составляли казаки И.Заруцкого, роль телохранителей выполняли касимовские татары. 11 декабря 1610 г. самозванец был убит начальником своей стражи П.Урусовым. В Москве скоро дознались, что так Урусов отомстил за смерть касимовского царя Ураз-Магомета, казненного по приказу Лжедмитрия II. Калужане присягнули новорожденному сыну Марины Мнишек «царевичу» Ивану Дмитриевичу. Но это имя, как впрочем и имя любого другого «наследника», уже никого не воодушевляло. Народ устал от многолетних бедствий и чехарды правителей, все больше укрепляясь в мысли об изгнании врагов из столицы и избрании «природного» государя.

Зимой 1611 г. в окрестностях Москвы появился отряд казаков во главе с А.Просовецким, в рязанских землях собирал против поляков войска П.Ляпунов. Затем к ним присоединились отряды из Тулы и Калуги во главе с Д.Трубецким и И.Заруцким — это были первые шаги патриотического движения. Постепенно налаживая взаимодействие с другими городами и друг с другом, ополчение продвигалось к Москве, в марте 1611 г. встав у самых стен города, где уже несколько месяцев москвичи тайно вооружались, готовились к сражениям на улицах. Ожидание неумолимой развязки было так тягостно, что любая уличная ссора могла привести к вооруженному столкновению. По одной из версий, восстание горожан началось 19 марта, после стычки с поляками в Кремле. Чтобы отбросить москвичей от стен Белого и Китай-города, поляки применили огонь. «Пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день, — писал польский ротмистр С.Маскевич, — а горевшие дома имели такой страшный вид, и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить аду, как его описывают».

Подошедшие отряды ополчения Гонсевский пытался разбить по частям. Против казаков А.Просовецкого выступил полковник М.Струсь (специально прибывший на помощь осажденному гарнизону из Можайска), но рассеять отряд казаков ему не удалось. К концу марта по рязанской дороге пришли главные силы ополчения — П.Ляпунов с рязанцами, Д.Трубецкой и И.Заруцкий со

своими отрядами — и расположились у Симонова монастыря. К началу апреля 1611 г. поляки были оттеснены от стен Белого города и заперты в Китай-городе и Кремле.

3 июня пришла весть о падении после долгой осады Смоленска. Польский гарнизон Кремля рассчитывал на помощь коронной армии, но Сигизмунд III, выслав на помощь Гонсевскому гетмана Я.Ходкевича, вернулся в Польшу. Не смог пробиться к Кремлю и вернувшийся из Северской земли Я.Сапега. Положение иноземных полков в столице становилось все более тяжелым, а тем временем под стенами города складывалось земское правительство.

Власть в земском подмосковном ополчении осуществлял постоянно действующий орган власти — Совет всей земли. П.Ляпунов, Д.Трубецкой и И.Заруцкий образовали своеобразный триумvirат — боярскую комиссию. 30 июня Совет всей земли утвердил приговор, регулирующий порядок управления земским ополчением. Были образованы органы приказного управления. И все же до необходимого порядка было далеко: войско нуждалось в продовольствии и вооружении, а денег в земской казне не было. Рассылаемые по городам и весям сборщики податей почти всегда переступали за рамки своих полномочий. Особенно трудно было обуздать казаков — не помогали самые строгие взыскания и казни. Казаки негодовали на строгости П.Ляпунова, в войске поселился разлад.

Неурядицы внутри ополчения ловко использовал в своих интересах Гонсевский, подбросив через пленного казака письма, составленные якобы Ляпуновым, в которых тот призывал местных урядников безжалостно расправляться с казаками. 22 июля Ляпунов был вызван для объяснений в казачий круг и после ссоры зарублен. Гибель Ляпунова привела к тяжелым переменам в земском ополчении: «отойдоша все от Москвы прочь койждо по своим градом».

Ослабленное войско не смогло плотно блокировать Москву, в результате чего Гонсевский получил подкрепления от Сапеги и Ходкевича. Но отбросить ополчение от стен Москвы литовскому гетману не удалось. Зима 1611/12 г. оказалась суровым испытанием для земской

рати. Между Заруцким и Трубечким не было согласия, А тут еще пришло известие о новом воскресении «царя Дмитрия» — на этот раз в Пскове, куда пришлось выслать целое посольство для опознания «царя». Под нажимом псковичей казаки составили грамоту, подтверждающую его подлинность, и 2 марта казачьи полки под Москвой присягнули «псковскому вору». С этого момента подмосковный лагерь практически перестал представлять какую бы то ни было силу.

Центр освободительного движения переместился в Нижний Новгород, где посадский староста Кузьма Минин начал сбор денег на содержание земской рати. Воеводой нижегородцы избрали князя Д.Пожарского — он имел опыт ратного дела и «во измене не явился». В начале марта 1612 г. основные силы Второго ополчения выступили в поход к Ярославлю, а в начале апреля этот город стал «столицей» войска. Вскоре на сторону ополчения и земского правительства перешли почти все территории к северо-востоку и востоку от Москвы.

Северные же земли российского государства были заняты шведами. Иноземные гарнизоны стояли в Новгороде и Тихвине, затем были захвачены Орешек и Ладога. Ради захвата русских земель Речь Посполитая и Швеция заключили между собой перемирие. Стараясь не допустить конфликта со Швецией, Д.Пожарский провел сложные дипломатические переговоры с новгородцами, а само ополчение в июле выступило из Ярославля на выручку Москве.

Польский гарнизон держался в Кремле из последних сил. «Рыцарство» считало, что король бросил их на произвол судьбы, и негодовали, узнав об отказе Сигизмунда III оплатить их труды. Чем дальше, тем более бессмысленным становилось «московское сидение». Еще в июле 1612 г., сдав командование полковнику М.Струсю, ушел из Кремля с частью войска Гонсевский, увезя с собой царские регалии и сокровища московской казны. Спустя лишь три месяца, 26 октября, польское войско сдалось на милость победителя, а власть в Москве стал осуществлять «Совет всея земли».

Через несколько месяцев Сигизмунд III попытался вернуть упущенное. Королевская армия вторглась в пре-

дела России и подступила к Волоколамску. Посол А.Жолкевский тщетно пытался склонить москвичей к признанию Владислава. Не сумев захватить Волоколамск и убедившись в бесплодности переговоров, король повернул в Польшу.

В январе 1613 г. Земское правительство созвало Собор всей земли, который 21 февраля избрал на царство шестнадцатилетнего Михаила Романова. Земский собор же и начал восстановление системы государственной власти и возглавил борьбу с неприятелем. Весной 1613 г. шведы были изгнаны из Тихвина, затем освобождены Порхов и Гдов. Новое правительство попыталось вернуть Новгород, но войско Д.Трубецкого потерпело поражение от шведских войск во главе с Я.Делагарди. В июле 1615 г. серьезному испытанию подвергся Псков: осаду крепости возглавил сам шведский король Густав Адольф. Проведя серию штурмов, король простоял под Псковом до середины октября, а затем снял осаду.

Долго продолжались «нестроения» на южных и юго-восточных окраинах государства. И.Заруцкий сбежал из-под Москвы, узнав о приближении нижегородской рати и пытался поднять рязанские земли «за царевича Ивана Дмитриевича». Не получив поддержки, Заруцкий ушел в Астрахань, а затем, опасаясь подхода правительственного войска, бежал на р. Яик. Там же на Яике атаман был схвачен и казнен в Москве.

Осенью 1617 г. под стенами Москвы неожиданно появился королевич Владислав, желавший вернуть себе русскую корону. На этот раз полякам не удался ни один из предпринятых штурмов: Владислав не смог захватить ни Можайск, ни Троице-Сергиев монастырь, ни саму Москву. Передышка наступила лишь когда в декабре 1618 г. между Россией и Речью Посполитой было заключено перемирие на 14,5 лет.

* * *

Смутные времена уходили в прошлое, народы налаживали мирную жизнь. Наступил час раздумий и воспоминаний. Впечатления очевидцев ложились на страницы

летописей, хроник, сказаний. И в России, и в Речи Посполитой летописцы по крупицам собирали свидетельства как соотечественников, так и иноземцев. Невероятные происшествия в Московском государстве вызвали в Польше жгучий интерес к участникам военных походов. Зачастую польские хронисты просто переписывали наиболее интересные фрагменты дневников в свои сочинения, при этом особенной популярностью пользовались записки Миколая Мархоцкого. Материалы «Истории Московской войны» использовал неизвестный автор компиляции, известной под названием «Дневник Мартина Стадницкого». Павел Пясецкий при составлении своей хроники включил целые страницы из мемуаров Мархоцкого. Труды П. Пясецкого хорошо знали в России, но рукопись самого Мархоцкого была найдена в архиве и опубликована лишь в 1841 г. Это издание, выполненное по рукописи, хранящейся в Библиотеке Чарторыйских под № 345, давно стало библиографической редкостью, а на русский язык не переводилось ни разу. С целью восполнить этот пробел, сделав источник доступным широкой публике, и предпринят настоящий перевод. Он выполнен по изданию: Marchocki M. Historia wojny Moskiewskiej. Poznan, 1841. При переводе на современный русский язык были исправлены некоторые неточности в передаче имен собственных, появившиеся в тексте, возможно, в результате неразборчивой записи в рукописи или опечаток (подобные исправления оговорены в комментариях).

ПРИЧИНА МОСКОВСКОЙ ВОЙНЫ

Московская война, на которой довелось побывать полякам, имеет началом вот какой случай.

Иван Великий¹, Московский князь и царь, с которым воевал польский король Стефан², оставил после своей смерти двоих сыновей от двух жен. Федора (от первой жены) — он был уже взрослым и потому унаследовал престол, и малолетнего Дмитрия³. Федор⁴, став великим князем, взял в жены сестру Бориса Годунова⁵. Тот, породнившись с царем, стал конюшим⁶, а затем приобрел такую власть, что, можно сказать, сам правил государством. Федор был очень тихим и набожным, находя больше отрады в церковных делах, чем в государственных.

Борис Годунов, видя, что детей у царя нет, задумал, используя свою власть, стать государем. Сначала он погубил Дмитрия, послав к нему в Углич злодеев. Федор очень горевал и, желая найти изменников, приказал провести тщательный розыск. Исполнять же это пришлось тому, кто и готовил убийство: дело, конечно, легко сбыли с рук, якобы не сумев ничего найти. Со временем Годунов отравил Федора⁷ и, изведя московских князей, стал государем и царствовал в Москве⁸. Во время его правления некий Грицко⁹, боярский сын, подался в Польшу, выдумал, будто он и есть царевич Дмитрий, которого убили в Угличе; рассказывал, что был чернецом, что вместо него убили кого-то другого, он же остался невредим, ибо его милостью Божией спас учитель и вместе с ним долго прятался в безопасных местах. Оказавшись у князя Адама Вишневецкого¹⁰, [Грицко] объявил себя истинным Дмитрием. Затем он перебрался к князю Константину Вишневецкому¹¹, а от него — к Ежю Мнишеку, сандомирскому воеводе¹². Тот выхлопотал у е. в. короля разрешение, набрав войско, проводить Дмитрия, уверявшего, что москвитяне к нему тут же пристанут, в Москву.

Несколько человек и правда пробрались к Дмитрию с обнадеживающими вестями¹³. И наши, рассчитывая на удачу, зимой, на исходе 1604 года, пошли с ним к Москве¹⁴. Пришли под Новгород-Северский. Туда же направил немалое войско и Годунов. Наши, желая взять город, завязали сражение, в котором причинили неприятелю немалый урон и даже вытеснили с поля, но рассеять не смогли. Москвитяне ушли к своему обозу, стоявшему у леса¹⁵. Наши же долго задерживаться в том предприятии не захотели, ибо денег им заплатили только за одну четверть¹⁶. Поэтому они вернулись в Польшу, а московское войско разошлось.

Дмитрий к нам уже не вернулся, а, набрав немного охотников из прежнего войска, подался в Путивль¹⁷. Жители с готовностью его приняли и укрыли у себя. Вскоре внезапно умер Борис Годунов, — говорят, у него прямо на троне из носа полилась кровь¹⁸. После его смерти москвитяне вызвали Дмитрия в столицу и признали царем. Утвердившись, он пожаловал, в благодарность за помощь, сандомирского воеводу: отправил в Польшу своих послов с богатыми дарами и попросил в жены его дочь Марину¹⁹. С королевского согласия ему ее дали и тут же снарядили посольство, в котором были малогощский каштелян Николай Олесницкий²⁰, литовский референдарий Александр Гонсевский²¹ и другие. Послам поручили договориться с новым царем обо всем, что касалось Речи Посполитой. На свадьбу, по желанию самого Дмитрия, надо было набрать военных людей²². А пан воевода взял с собой только приятелей и всего три гусарские хоругви²³.

Когда же состоялась свадьба, царь перестал нравиться москвитянам: они стали подозревать, что он самозванец, приверженец поляков и их веры, и задумали измену, хотя до этого считали наших неодолимыми. Воспользовались изменники тем, что Дмитрий собрал под столицей московские войска, готовясь к войне с Крымом²⁴. Главой заговора стал Василий Шуйский, который привлек на свою сторону еще нескольких человек. Короче говоря, подняли тревогу, якобы из-за пожара, ударили повсюду в колокола. А по их обычаю выехать должен был сам

царь²⁵. Случилось это рано утром. Москвитяне с князем Шуйским ворвались во дворец, убили Дмитрия, убили и наших из числа тех, кто разместился в городе. Царицу и сандомирского воеводу заключили под стражу, то же постигло коронных и литовских послов²⁶. Содеяв все это, и стал князь Василий Шуйский царем²⁷.

1607

Второй Дмитрий

Во время правления Сигизмунда III, в 1607 году, под час рокоша²⁸, явился новый вымышленный Дмитрий²⁹, сын боярина из Стародуба. Появился он в Литве, на Белой Руси, в местечке Пропойске, где его поймали, приняв за шпиона, и неделю держали в тюрьме. Там он назвал себя свояком убитого в Москве царя Дмитрия [Андреем] Андреевичем Нагим и объявил, что прячется от Шуйского, который уничтожил все «дмитриево племя», а по-нашему — родичей. Он просил отослать его в Стародуб — северский город и крепость. Подрядился некий Грицко, лавочник из местечка Пропойска (его я потом знал при Дмитрие в подскарбиях³⁰), и другой — Рогожинский, бургграф³¹ того же Пропойска. Вдвоем они привезли его в Стародуб и там оставили. Немного погодя этот человек послал некоего москвитянина Александра (который был с ним заодно), чтобы тот разгласил по северским крепостям, что Дмитрий жив и находится в Стародубе. Расчет оправдался: люди готовы были поверить, ибо Северская земля и Рязанское княжество не признали Шуйского государем, и все северские крепости Шуйский брал силой³². Побывав в разных крепостях, Александр пришел с этой новостью в Путивль. Жители Путивля схватили его и с несколькими десятками бояр³³ отправили в Стародуб, чтобы он им показал Дмитрия, которого выкликают, пригрозив пытками, если все рассказанное ими окажется неправдой. Испугавшись [Александр] указал на того человека, который его послал. Тот стал отказываться, что ничего не знает. Они и ему пригрозили пытками, если не признается (у них пытки те же муки, что и у нас), и, после препирательств, приготовились это исполнить. Тогда, рассердившись, он схватил палку со словами: «Ах вы, блядины дети, вы еще не узнаете меня? Я — Государь!» Этой

смелой выходкой он добился того, что его признали царем и сразу пали в ноги, винясь за ошибку и приговаривая: «Виноваты мы, Государь, перед тобою!»³⁴

А там и стародубцы признали его своим государем³⁵, дали ему, какое смогли, содержание и разослали от его имени по другим крепостям грамоты, которыми оповещали о прибытии государя и призывали переходить на его сторону. Написал [Дмитрий] письма и к пограничным литовским городам: «Как в первый раз я занял столицу с литовской помощью, так и теперь прошу выручить». Вскоре собралось к нему москвитян до трех тысяч — все же войско, хоть и не очень хорошее. Когда пришел поляк Меховецкий³⁶, он стал их гетманом.

С этим войском двинулся Дмитрий к Карачеву. В это время восемь тысяч людей Шуйского, старшим над которыми был Матиаш Мизинов³⁷, пытались взять крепость Козельск. Дмитрий скрытно пошел к ним от Карачева, застав врасплох, разгромил войско, и пленил самого Матиаша Мизинова. Когда Дмитрий вернулся в Карачев, литва, желая уйти с добычей, взятой под Козельском, стала бунтовать. Дмитрий, видя, что удержать их трудно, вырвался с тридцатью самыми преданными из своих людей (москвитянам он тоже не доверял) и уехал в город Орел. Из поляков был с ним лишь один, звавшийся Круликовским. В Орле [Дмитрий] находился в такой опасности, что приказывал Круликовскому спать у себя в ногах. Однажды Дмитрий лег спать, а один москвитянин, решив, что он уснул, встал, зажегши свечу над ним, и уже поднял нож для удара. Дмитрий разбудил Круликовского, толкнув ногами, а москвитянин, выронив свечу, улегся как ни в чем не бывало и притворился спящим. Дмитрий же встал, перешел на другое место и уже там дожидался рассвета.

Меховецкий сначала не знал, куда исчез царь. Расспрашивая, дознался наконец, что он в Орле, и послал к нему гонца с просьбой вернуться, объясняя, что присутствие царя поможет ему удержать войско. Но и на этот раз укрепиться Дмитрию не удалось, и он, не доверяя свою жизнь одним москвитянам, снова тайком уехал с преданными людьми. На этот раз он направился прямо в

Путивль, именно там рассчитывая найти спасение, потому что, как я уже упоминал выше, этот город поддерживал и первого Дмитрия, который после смерти Бориса Годунова оттуда был взят на царство³⁸.

Князь Рожинский прибывает на помощь Дмитрию II

Сбежав лишь с тремя или двумя десятками человек, Дмитрий набрел на Валявского³⁹, который шел к нему с Киевской Украйны. Его послал князь Роман Рожинский⁴⁰ с тысячью украинцев (ибо Дмитрий еще до этого сносился с князем Рожинским по поводу сбора людей и припасов). Потом он встретил Самуила Тышкевича⁴¹ с тысячью польских людей. Дмитрий, конечно, не хотел называть им своего имени, но затем должен был сознаться, что он и есть царь. Рассказав обо всем, что недавно с ним произошло, он объяснил им причину своего бегства в Путивль. Его утешили, сказав, что явились к нему на службу, а следом ожидают и князя Рожинского, у которого польского войска намного больше.

Итак, Дмитрий получил подкрепления и мог рассчитывать на князя Рожинского. Тем временем прибывали со своими отрядами и другие поляки, как то: житель Киевского воеводства князь Адам Вишневецкий, из Брацлавского воеводства — Мелешко и Хруслинский⁴². Собрав все войско, Дмитрий вернулся под Карачев, но город ему уже изменил, перейдя на сторону Шуйского. Поэтому он двинулся к Брянску и расположился неподалеку от города. Здесь и застала его зима. Меховецкий вернулся к нему и до прихода князя Рожинского командовал войском. К Брянску же подошли и люди Шуйского и расположились по другую сторону крепости. Войско Дмитрия провело с москвитянами несколько сражений, но лишь потеряло время, Брянск взять он так и не смог и ушел на зимовку в Орел⁴³.

Посольство к Дмитрию II

Когда в Московском государстве происходили эти события, князь Роман Рожинский постарался собрать как можно больше людей, и в этом ему помог случай: после рокоша остались целые отряды людей, сражавшихся как на стороне короля, так и на стороне рокошан. И когда прошел слух, что Дмитрий жив, к князю Рожинскому отовсюду потянулись люди. Всех нас собралось около четырех тысяч⁴⁴. В этом году, под Рождество, князь Рожинский подошел к Чернигову и стал ожидать сбора всех людей. К находившемуся в Орле царю войско отправило послов, которые должны были сообщить о нашем вступлении в Московское государство и объявить условия нашей службы. Сами мы двинулись следом в начале нового года. Послов мы встретили уже под Новгородком⁴⁵ и там, на льду реки, они отчитались перед нами о делах посольства. Некоторые из наших засомневались: тот ли это царь, что был в Москве, или не тот? Они отвечали уклончиво: «Он тот, к кому вы нас посылали».

От Новгородка мы пошли спешно и прибыли к Кромам (город находился в шести милях⁴⁶ от Орла, где была царская резиденция). Там, в Кромах, ожидали мы конца зимы. В то же самое время войско Шуйского собиралось под Болховом, который лежал в восьми милях от Орла в сторону Москвы. Из-за очень глубокого снега, укрывшего землю на семь пядей⁴⁷, это войско не могло сойтись с нами. Встав в Кромах, мы снарядили послов (среди них был и я) в Орел к царю Дмитрию. Мы вновь объявляли о своем прибытии, сообщали свои условия и требовали у него денег (было нас в этом посольстве человек тридцать). Явившись к царю, мы, по обычаю, накануне справили приветствие, а затем и само посольство⁴⁸. От имени Дмитрия нам отвечал Валявский, его канцлер. После

речи пана Валяевского он сам пожелал нам ответить и сказал на своем московском языке: «Я был рад, когда узнал, что идет пан Рожинский, но когда получил весть о его измене, то желал бы его воротить. Посадил меня Бог в моей столице без Рожинского в первый раз, и теперь посадит. Вы требуете от меня денег, но таких же как вы, храбрых поляков, у меня немало, а я им еще ничего не платил. Сбежал я из моей столицы от любимой жены и от милых друзей, не взяв ни деньгí, ни грошá. А вы собрали свой круг на льду под Новгородком и допытывались, тот я или не тот, будто я с вами в карты игрывал». После таких слов разгневались мы и сказали: «Знаем, — ты не тот уже хотя бы потому, что прежний царь знал, как уважить и принять рыцарских людей, а ты того не умеешь. Ей-Богу, жаль, что мы к тебе пришли, ибо встретили только неблагодарность. Передадим это пославшим нас братьям — пусть они решают, как быть». На этом мы с ним и разошлись. Потом прислал он к нам с просьбой остаться на обед и передал, чтобы мы на его речь не обижались — мол, говорил так нарочно. Задумались мы, а потом поняли, что прежний ответ был делом Меховецкого. Тот попал в трудное положение, ибо чувствовал, что придется уступить князю Рожинскому. Мы благосклонно приняли приглашение на обед, и на следующий день отправились уже в лучшем настроении. Вернувшись в Кромь, мы при отчете разъяснили все, что случилось. Большинство наших сошлось на том, что надо вернуться обратно в Польшу. Те же из наших, кто был с Дмитрием в Орле, просили нас задержаться, обещая, что все будет иначе, только бы сам князь Рожинский приехал и снесся с Дмитрием.

Князь Рожинский ссылается с Дмитрием в Орле

Князь Рожинский, не мешкая, выступил к Орлу. Одних лишь товарищей⁴⁹ ехало с ним до двух сотен, да своей пехоты он вел с собой три с половиной сотни. Все наши выехали из Орла ему навстречу (было это в пост⁵⁰). Мы вошли в Орел и переночевали, а на следующий день князю Рожинскому передали, чтобы он ехал к

царской руке. Когда же мы собрались и уже тронулись с места, вдруг приказали вернуться и подождать, пока царь займет свое место: он, мол, еще моется. Такая у него была привычка — каждый день мыться в бане. Он говорил, что так сбрасывает свои заботы; короче, нежился и оберегал здоровье. Князь Рожинский, не желая возвращаться, продолжил путь. Пришлось нам войти в царские покои до начала приема. Потом завязался спор между нами и царскими урядниками: они требовали, чтобы мы вышли из избы, пока царь войдет и займет свое место, мы же для приветствия должны были войти после. Князь Рожинский уступить не захотел, так что после долгого спора царь вынужден был пройти мимо всех нас. И шел он, стараясь не смотреть в ту сторону, где стоял князь Рожинский. Когда царь сел на свой табурет, князь Рожинский обратился к нему с речью и поцеловал руку, за ним пошли к руке и другие. После приветствия царь пригласил князя Рожинского и всех нас на обед. Рожинский сидел с ним за одним столом, а мы за другими. Во время и после обеда царь много беседовал с нами: спрашивал он и о рокошах, и о том, были ли среди нас рокошане. Наслушались мы и таких речей, и эдаких, даже и богохульства: говорил он, что не хотел бы быть у нас королем, ибо не для того родился московский монарх, чтобы ему мог указывать какой-то Арцыбес⁵¹, или по-нашему — Архиепископ. Наши отвечали ему на это, кто как мог. Этот день завершился пиром, а на следующий день Рожинский потребовал встречи с царем с глазу на глаз. Царь медлил день, медлил и другой, после чего Рожинский собрался уезжать; уже вышла его пехота, выезжали и мы. Тем временем прибежали ротмистры и товарищи старого набора, они просили Рожинского и всех нас подождать до завтра и сказали: «Мы соберем у себя круг и, если царь по-прежнему не выкажет вам уважения, мы тоже уйдем, а Меховецкого низложим. Нашим гетманом будешь ты, князь Рожинский, — веди, куда хочешь наше войско, мы на все готовы». Вняв их уговорам, мы выехали из города и до утра остались в предместье.

На следующий день они, верхом на конях, собрались на круг, вызвав князя Рожинского и нас: сместили Мехо-

вещкого, наложив на него и на некоторых других bando⁵² (те должны были покинуть войско, а если кто ослушается, любой волен будет их убить). Князя Рожинского выбрали гетманом, составив при нем список, а царю от себя передали: если он хочет, чтобы войско осталось с ним, пусть назовет тех, кто обвинял в измене князя Рожинского и его людей. Царь не захотел назвать их имена по-слам, а предложил приехать в круг лично. А перед этим приехал князь Рожинский (ибо на круге он уже всем распоряжался) и попросил всех нас быть терпеливыми и речь его не прерывать, сказав: «За вас во всем буду отвечать я».

Дмитрий в рыцарском круге

И вот приехал к нам царь в златоверхой шапке, на богато убранном коне; с ним прибыло несколько бояр, а рядом с конем следовало более десятка пехотинцев. Когда он въехал в круг, поднялся какой-то гомон. Как я понял, он решил, что спрашивают, тот ли это царь, и поэтому напустился с бранью: «Цыть, сукины дети, не ясно, кто к вам приехал?» Пожалели мы про себя, что обещали [Рожинскому] молчать, но сдержались. Затем наш доверенный, кажется, это был пан Хруслинский, взял от нашего имени слово и сказал: «Мы отправляли послов к Вашему Царскому Величеству для того, чтобы узнать имена тех, кто представил изменниками и гетмана, и его войско». Мол, раз царь приехал, хотели бы мы от него самого это услышать. От своего имени царь приказал говорить одному москвитянину, а когда речь тому не удалась, сказал: «Молчи, ты не умеешь на их языке говорить, вот я сам буду!» И начал так: «Прислали ко мне вы с тем, чтобы я вам назвал и выдал моих верных слуг, которые меня кое в чем предостерегали. Не пристало московским монархам выдавать своих верных слуг. И касается это не только вас, но если бы сам Бог, сойдя с небес, приказал мне совершить подобное, — и то я не послушал бы».

Тут уж слова понеслись отовсюду, говорили ему и такое: «А ты, что ж, желаешь иметь таких слуг, которые лишь языком тайно прислуживают? Или войско, готовое служить саблей и собственной кровью? Если ты не вы-

полнишь наше условие, войско уйдет». А он отвечал так: «Как хотите, хоть и прочь подите». При этих дерзких словах поднялся возмущенный шум, войско смешалось. Его стрельцы стали нас толкать и, достав оружие, наносить удары; мы оборонялись, теснили конями самого царя. Одни кричали: «Убить мошенника, зарубить!», другие — «Поймать! Ах ты, такой-сякой сын, разбойник! Поманил нас, а теперь платишь такой неблагодарностью!»

Он был настолько храбр, что в этом разброде раз или два оглянулся, поворачивая коня, а потом уехал в город, в свое расположение. Чтобы царь не сбежал, мы прямо на круге выбрали стражу и поставили при нем. От отчаяния он решил себя уморить и выпил немислимо сколько водки, хотя всегда был трезвым. В течение этого дня и ночи урядники его двора — канцлер Валявский, маршалок⁵³ Харлинский, конюший князь Адам Вишневецкий — бегали между ним и войском, стараясь привести стороны к согласию. Что поделаешь, хоть мы и были разочарованы, но согласились на объединение. На другой день царь приехал к нам в круг и оправдывался, что те слова — «Цыть, сукины дети» — сказал не нам, а своим стрельцам. Сошло ему и такое оправдание. Потом, оставив при царе тех, которые стояли в Орле, мы вернулись с князем Рожинским в свое расположение в Кромы. Тем временем кроме нас прибыли и другие отряды: тысячи три запорожских казаков и, во главе с Заруцким⁵⁴, пять тысяч казаков донских. И до этого у Дмитрия была пара сотен донских казаков, во главе которых он поставил Лисовско-го⁵⁵ (с ними Лисовский много раз тайно нападал на москвитян, а со временем сподобился и до кое-чего худшего).

Но, как я уже упоминал выше, из-за глубокого снега мы были вынуждены всю зиму пережить с этими людьми. Войска Шуйского сходились к Болхову и к весне собралось больше ста семидесяти тысяч человек⁵⁶. Их гетманом был Дмитрий Шуйский⁵⁷, родной брат Василия, ставшего в Москве царем. По весне, как только сошел снег и стала подсыхать земля, — а она там сохнет быстро, — снова двинулись мы из Кром под Орел — там собиралось все наше войско. Когда мы пришли к Орлу, от чьей-то неосторожности загорелся город, а с ним сто-

рел и царский двор, так что царю пришлось перебраться в наш обоз.

Испытание царя

Там, улучив момент, Тромбчинский, приятель (позже он служил вместе со мной) из хоругви князя Рожинского, затеял с царем разговор. Хотелось ему дознаться, тот ли это царь, что был вначале, или не тот? Хотя никто из нас, а особенно те, кто не знал первого, не сомневался, он упрямо твердил: мол, даже если все станут говорить, будто это тот самый царь, я не дам себя убедить, ибо первого хорошо знал еще будучи с ним под Новгородком. Впрочем, таких, как Тромбчинский, было немало, но одни пребывали в заблуждении, другие же покрывали обман, ибо это было им выгодно. Тромбчинский напомнил Дмитрию некоторые дела первого царя и все рассказывал ему наоборот, а не так, как было. Царь во всем его поправлял, указывая, что не так и как было на самом деле. Испытав его несколько раз, задумался Тромбчинский и сказал: «Признаю, Милостивый Царь, что я здесь в войске был единственным, кто не дал себя убедить. И Св. Дух меня просветил, верю — ты царь тот самый». Царь же на это усмехнулся и отъехал прочь.

Был еще один человек, знавший первого царя, — монах-бернардинец⁵⁸, — который говорил, что в Самборе жил с ним в одной келье. Но он убеждал нас, что это не тот царь, а потому и война эта несправедливая. Он говорил: «Я должен вас об этом предупредить». А потом, во время Болховской битвы, когда мы сопровождали царя, этот монах завел с ним беседу и, поговорив, уверовал, что это не другой, а тот самый царь. Так и он каким-то образом был сбит с толку.

Войско приходит под Болхов и завязывает битву

Находясь под Орлом, мы привели в порядок войска и выступили к Болхову навстречу неприятелю⁵⁹. Стянув войска, неприятель тоже двинулся к нам и расположил свой обоз в двух милях от Болхова. Заметив наше при-

ближение, москвитяне на мило выдвинулись из обоза и 10 мая мы встретились (было это в субботу). Сражение было нелегким, но какая из сторон сильнее, было еще не ясно. Наше войско потеряло лишь одну хоругвь некоего Тупальского⁶⁰, когда он, увлекшись, погнался за москвитянами (да и ту на следующий день он вернул). Было уже поздно, наши кони были утомлены дорогой, решительной битвы не получилось, поэтому мы вернулись к своему обозу, а москвитяне — к своему. После этого сражения царь изменил свое мнение о нас в лучшую сторону, и когда мы, по обычаю, напомнили ему о пожалованной четверти, он вместо одной признал за нами две.

На следующий день, 11 мая, москвитяне ожидали нас, переправив свое войско за небольшое, но непроходимое болото, расположенное прямо перед их обозом. Они рассчитывали, что мы будем настолько глупы и неосторожны, что пойдем к ним, не разузнав местности. В тот же день мы сняли обоз и двинулись к ним, а приблизившись, увидели, что эта позиция для нас неудобна. Мы остановились и послали людей высмотреть повыше более пригодное место для переправы. Во время остановки наши войска, если взглянуть издали, встав в шестнадцать, а то и более рядов, заняли все поле, а среди возов наши придумали укрепить хоругви. Глядя на эти хоругви, возы и клубившуюся пыль, москвитяне решили, что перед ними большое и свежее войско, а потому, испугавшись, двинули свой обоз и арматы⁶¹ к Болхову, о чем предостерег нас один перебежчик. Когда же для нас отыскали более удобную переправу в верховьях упомянутых болот, мы пошли к ней, загородив от москвитян возы конницей, и те были твердо уверены, что поле, покрытое возами, занято войском. Разведав, что мы идем к переправе, неприятель двинул туда все свои силы.

Так как было уже поздно, мы в этот день не собирались давать битву, а хотели лишь поставить у переправы обоз. Для его защиты мы перевели небольшой отряд, в котором было лишь несколько сотен Рудского и других [ротмистров]. Но мы увидели, что на этот отряд наступают московское войско, и вынуждены были как можно скорее перебираться следом, чтобы задержать неприятеля,

пока все наше войско не перейдет и не построится. Наш гетман князь Рожинский отправил к неприятелю гарцовника⁶², а как только подошли хоругви, приказал им наступать и завязать схватку. В головном отряде он поставил несколько сотен самых легковооруженных воинов, а в помощь им дал двенадцать гусарских сотен, — больше у него не было. В тыл гусарам гетман поставил третий отряд из казацких и пятигорских рот⁶³.

Передовому отряду Рожинский приказал, сменив гарцовника, наступать прямо на конницу, — а ее было во главе московского войска тысяч пятнадцать. Неприятель, не выдержав напора, показал спину, и наши крепко на него насели. Гусарская подмога и третий отряд тоже вступили в сражение, поддерживая наших. Так что москвитяне, завидев их копья, не решались обернуться и бежали все дальше, а наши, хоть и чувствовали усталость, но, зная о подкреплениях, собирались с силой и гнали врага. Начав битву за три часа до темноты, мы преследовали их две мили до Болхова и три мили после, вплоть до засеки⁶⁴. (Засекой у них называется заграждение против татар в виде частокола; тянутся эти засеки на тридцать миль через леса и поля. Обычно перед ними устраивается насыпь, есть также башни, через которые проходят дороги, и ворота. Когда приходит весть о приближении татар, к засекам бегут крестьяне, кто с рушницами⁶⁵ или с тем, что имеют, и отражают приступ.) Много людей полегло у нас во время этой погони, и сколько их было с этих пор! — не считанных, не похороненных. Взяли мы московский обоз со всем, что в нем было, и несколько десятков пушек. Некоторые из разбитых и рассеянных москвитян ушли прямо в столицу и рассказали Шуйскому, что войско наше настолько велико, что передние полки его уже вели сражение, а хвост был еще у Путивля.

В Болхове остались пять тысяч москвитян во главе с Гедроцием⁶⁶, литвином, который уже стал москалем. На следующий день мы подошли к ним и в течение всего дня, а затем и во вторник стреляли и грозили штурмом. В среду они сдались и вместе со своим начальником целовали крест нашему Дмитрию, то есть присягнули ему на верность. После Болховской битвы обещал нам царь

дать жалованье за следующие две четверти. Надеюсь, что наш государь скоро водворится в московской столице, собрали мы круг, определив условия, по которым царь был обязан выполнить все, что обещал: условленное жалованье должно дойти до нас полностью, а когда он утвердится на троне, мы могли бы вернуться в отчизну. Он уверял, что заплатит, и со слезами просил не оставлять его, говоря: «Я не смогу быть в Москве государем без вас, хочу, если Бог меня утвердит в столице, всегда иметь на службе поляков: пусть одну крепость держит поляк, другую — москвитянин. Я хочу, чтобы все золото и серебро, сколько бы ни было его у меня, — чтобы все оно было вашим. Мне же довольно одной славы, которую вы мне принесете. А если уж изменить ничего нельзя, и вы все равно решите уйти, тогда и меня возьмите, чтобы я мог вместо вас набрать в Польше других людей». Этими уговорами он так убедил войско, что все к нему пошли с охотой.

Войско идет к столице

Долго не задерживаясь под Болховом, мы спешно двинулись к московской столице, проходя в день по семь-восемь миль и надеясь, что напуганная таким напором столица сразу нам уступит. Тогда еще не обманули наши ожидания, изменив нам, те пять тысяч человек, которые присоединились к нам в Болхове. Они шли с нами день или три и ставили обоз отдельно от нашего, подойдя к реке Угре⁶⁷, переправились раньше нас и ночью сбежали в столицу, убедив напуганных москвитян, что бояться нечего. Они рассказали, что войско у нас маленькое, и бежать-то не от кого, а случилось все это, как они говорят, только «по грехам».

Так и шли мы, нигде не задерживаясь; лишь один день провели под Козельском, а другой — под Калугой, да и то, только чтобы людей порадовать, ибо эти крепости Шуйскому не сдались и остались верны Дмитрию; заодно и коням нашим дали отдохнуть. А москвитяне, по своему обычаю, как и положено верноподданным слугам, выходили к нам навстречу с хлебом-солью. Пришли мы к Борисову⁶⁸, каменной крепостце в двух милях от Можайска, Борисов мы застали уже пустым и на следующий

день подошли к Можайску — городу в шестнадцати милях от столицы. Москвитяне закрылись в Можайске и не хотели сдаваться, уповая на Св. Николая-чудотворца (там находилось два его образа в богатых окладах)⁶⁹. Крепость Можайска, или же иначе — монастырь⁷⁰, стоит на пологом взгорке, так что въехав на гору с другой стороны, можно увидеть все, что происходит внутри. Там мы поставили пушки и стали палить, целясь в крепость. Москвитяне на второй день не выдержали: сдались и присягнули царю Дмитрию. А царь, по обыкновению, отслужил молебен Св. Николаю.

После взятия Можайска мы продолжили свой путь к столице с оглядкой, надеясь, что москвитяне снова где-нибудь выйдут нас приветствовать. Но мы так напугали их, что они нигде не показывались. Лишь под Звенигород (так называется город в шести милях от столицы) приехал к нам Петр Борковский⁷¹ (потом он стал сандомирским хорунжим) с племянником пана малогощского каштеляна. Он прибыл от имени задержанных москвитянами после Дмитриевой свадьбы послов е[го] в[еличества] польского короля: малогощского каштеляна Николая Олесницкого и Александра Гонсевского, нынешнего смоленского воеводы. Послы увещевали нас выйти из московских государств и не нарушать договор, который они заключили между Короной и Московским государством⁷². Хотя москвитяне не помышляли о выполнении договора и их освобождении, послы боялись, как бы мы чего не испортили.

Мы им ответили: «Москвитяне прислали вас к нам не по доброй воле, и мы, коли уж сюда пришли, не намерены слушать ничьих уговоров. Надеемся с Божьей помощью посадить в столице того, с кем пришли». Они вернулись в столицу, а следом подошли к ней и мы. Было это в июне⁷³.

Войско под Москвой

Расположились мы над Москвой-рекой, место было не очень удобное. Мы подъехали к столице (которая велика и издали очень красива, ибо в ней много церквей с золотыми куполами), но сколько ни смотрели, в городе не видно было ни одной души. Место, в котором мы остано-

вились, было неудобно и расположено слишком близко к городу, поэтому мы отодвинули обоз немного дальше. Там нам тоже не понравилось, так как место было в низине, а неподалеку возвышались холмы, которые со временем могли стать источником опасности. Пока мы раздумывали, некоторым показалось разумным перейти за столицу и занять гостинцы⁷⁴, по которым в Москву поступают подкрепления и припасы. Это мнение возобладало, и мы пошли, оставив гостинцы, связывавшие нас с Северной землей. Это было серьезной ошибкой. Встали мы за столицей при царском дворе, который назывался Тонинское⁷⁵, всего в миле от города. Свободного места среди кустарника было мало, так что поле это было выгодно москвитянам, а не нам: их пехота, выйдя из города, без труда могла нас смять. А оказались мы там благодаря нашим изменникам-москвитянам. Простояли мы на этом месте всего несколько дней, а наши москвитяне были уже заодно с жителями столицы. Пушкари нам изменили: залили свои пушки, запалы забили гвоздями и в одну из ночей сбежали в Москву. Но стража у нас была бдительной, пушкарей поймали и они выдали многих своих сообщников. Всех постигло наказание: одних посадили на кол, другим отрубили головы. Рассчитавшись с изменниками, решили мы вернуться на прежнее место, но оно уже было занято московским войском, так что из Северной земли пройти к нам никто не мог. Думали мы москвитянам гостинцы закрыть, а получилось наоборот: немало было поймано на этих гостинцах тех, кто шел к нам из Польши, — и купцов, и иных людей.

Войско возвращается на прежний стан под Москвой

Тогда мы вернулись на прежний гостинец. Решив выманить москвитян за собой, мы собрали круг и сделали вид, будто решили отступить к границе. Москвитяне вывели свое войско и, обойдя нас спереди, встали на Тверской дороге. Было это в четверг⁷⁶. Завязав битву, мы нанесли им поражение и рассеяли, а потом прошли без всякой опаски и встали в очень удобном и безопасном месте, — там, где река Хинка⁷⁷ соединяется с Москвой-

рекой. Называлось это место Тушино. Оно располагалось на возвышении, как бы в развилке между двумя реками, и было достаточно ровным, так что даже большое войско могло поставить там обоз. Москвитяне стали думать, как бы нас оттуда вытеснить, но, не осмеливаясь ударить открыто, пошли на хитрость и решили занять нас переговорами. Они приказали королевским послам отправить к нам гонцов с теми же увещеваниями, что и прежде, когда мы стояли под столицей. Послы отправили львовского подстолия пана Домарацкого с паном Бучинским⁷⁸, снова уговаривать нас выйти из Московских государств и не нарушать заключенного с Польшей мира. А вслед за ними москвитяне придвинули к нашему обозу войско в семьдесят тысяч человек, гетманом которого был князь Василий Масальский⁷⁹.

Это войско поставило обоз над речкой Ходынккой⁸⁰ ровно в миле от нас. Москвитяне хотели напасть на нас, пока мы были заняты переговорами, решив, что мы ни о чем не подозреваем. Наш гетман, князь Рожинский, загадав этот замысел, предупредил их удар⁸¹. Отправив 4 июля послов, он приказал всему войску быть наготове, седлать коней и, как только станет смеркаться, выходить с хоругвями из обоза. Он не доверил свой замысел никому до тех пор, пока мы не сели на коней, а когда мы выстроились, разделил нас на три отряда. Князю Адаму Рожинскому⁸² с его полком приказал идти в левую сторону, придав ему из своего полка гусарскую роту Самуила Каменского⁸³. В правую сторону, вдоль Москвы-реки, он отправил полк Хруслинского и некоторых других (там, по дороге над рекой стояла каменная церковь, занятая москвитянами). Сам Рожинский со своим гусарским полком, в котором был и я, занял центр по очень широкой дороге, проходившей среди кустарника, — именно там москвитяне из-за осторожности поставили все свои пушки (штук сорок). Князь Рожинский тоже взял четыре небольшие пушки и несколько десятков пехотинцев.

Князь Рожинский наносит удар по московскому обозу⁸⁴

Когда Рожинский распорядился, — кто, как и с какой стороны должен ударить на неприятеля, он одел несколько десятков товарищей, а также их коней, под московскую стражу, якобы явившуюся охранять обоз. Они должны были, смешавшись со стражей [неприятеля], ехать прямо в московский обоз. Произошло это так: как только они смешались со стражей, мы поспешили за ними и с кличем бросились к обозу. Оттуда началась прицельная стрельба, которая нанесла нам серьезный урон, — пули секли в руках древка [копий], наши были отброшены и свернули к кустарнику, но затем, собрав все свое мужество, пошли прямо под пули (происходило это на рассвете). Продвинувшись, мы оказались ниже их целей, и когда враги попытались преследовать нас огнем, то не смогли зарядить пушки, а лишь подожгли кучки пороха, стараясь нас устроить.

Итак, с Божьей помощью ворвались мы в обоз и добрались до пушек (где князю Рожинскому досталось банником от пушкаря). К тому времени рассвело. Одновременно с нами слева ударил князь Адам Рожинский и здорово помог как раз там, где ротмистр Каменский был опасно ранен ударами сабли. Отряд, посланный справа, задержался и пришел не скоро, оправдываясь тем, что помешала та самая церковь.

В тот день в обозе произошло великое побоище, как насчитали сами москвитяне, только убитыми у них полегло 14 тысяч. Одних думных сынов боярских, а это у них очень важные персоны, погибло сто человек⁸⁵. Пойман был сам Масальский, взят весь обоз и все пушки. Оставались еще обозы под самым городом, к которым они подходили. Но нам запретили преследовать неприятеля: Гедроций, которого я уже упоминал при Болхове, загородив хоругвям дорогу, стал убеждать нас, что московская столица уже рядом и дело предстоит большое, а нас в хоругвах осталось мало, ибо едва ли не большая часть нашего войска бросилась грабить обоз, — в хоругвах осталось по двадцать — тридцать всадников.

Рожинский отступает под натиском московского войска

После Гедроциева напоминания начали мы кое-как приводить себя в порядок и строиться. День и без того был удачным. Те, что шли справа, только-только к нам прибыли. Московские войска из других обозов соединились с теми, которые спаслись после погрома, и с громким кличем двинулись на нас. Натиск был силен, но мы выдержали — поскакали к ним и немного-таки потеснили. Но что поделаешь, нас было мало и мы были окружены: попеременно мы то обращались к [неприятелю] тылом, то поворачивали и бросались навстречу. Так продолжалось довольно долго: до полудня разыгрывали мы с ними эту партию. Но наступил момент, когда мы не смогли их сдержать и окончательно уступили тыл, — и так было ясно, что мы проиграли. Долго сдерживая войска неприятеля, мы пособили лишь тем, кто занимался добычей: они так разорили обоз, что когда мы вернулись, он был уже опустошен, и все трупы лежали нагими. Во время бегства к обозу говорили мы себе, что надо было раньше думать о возвращении, вспоминали, что граница теперь далеко; свою пехоту и несколько пушек пришлось нам оставить и все это погибло.

Были и такие, кто, потеряв надежду хоть как-то поправить дела, опередив нас, прибежали в обоз, приказали запрягать возы и уходить. Как будто нам только и оставалось взывать: «Господи, помилуй!» В таком страхе добежали мы до обоза. Переправившись через речку Хинку, некоторые, слава Богу, стали останавливаться, и эта речка на короткое время отделила нас от москвитян.

Польское войско поправляет дело

И вдруг один донской казак, спешившись, убил из самопала⁸⁶ хорунжего в московском войске, да так, что и хоругвь с ним упала. Наши приободрились и ринулись через речку к неприятелю. Москвитяне показали нам спины и мы погнали их прямо к месту побоища — к речке Ходынке. Там, отбросив их за речку (а берега ее были обрывисты), мы завязали сражение, и на этот раз

наша взяла. Больше они на нас напасть не отважились. Таким образом, мы вернулись в свой обоз, одержав неожиданную победу, но и людей, и лошадей все-таки потеряли. Наших было не менее трех сотен, не считая убитых и раненых. А лошадей в каждой хоругви осталось, не считая убитых и подстреленных, — где 70, где 60, а где и того меньше. И это все, что мы могли считать своим.

Взятую в московском обозе добычу мы, по обычаю, разделили, чтобы нажива за счет других не вошла в привычку, однако дележ справедливым не был. После такого переполоха мы постарались себя защитить: обоз окопали, а со временем обнесли его частоколом, построили башни и ворота. Москвитяне в течение двух недель с великим плачем хоронили своих убитых, для которых даже гробы не сумели сразу приготовить, а у них и самого убогого не принято хоронить без гроба.

Дальнейшие события Московской войны

После этой победы все больше людей и крепостей стало переходить на нашу сторону. Для обозных нужд потребовали мы у нашего царя денег. Он установил с послушных ему земель (Северской и некоторых других) дань, ибо не мог раздобыть денег иначе. Царь разрешил, чтобы мы собирали дань сами, посылая москвитянина и поляка. Деньги мы собрали нескоро, и досталось нам всего по тридцать злотых⁸⁷ на человека. Тем временем к нам стали прибывать люди из Польши. Сперва пришел Бобровский с гусарской хоругвью, за ним — Анджей Млоцкий⁸⁸ с Бжеской конфедерации с двумя хоругвями: одной гусарской, а другой — казацкой. После них явился пан Александр Зборовский⁸⁹ с полком числом более тысячи человек. В его полку был Стадницкий, который, оставив людей, вскоре вернулся в Польшу. С той же Инфлянтской Бжеской конфедерации⁹⁰ пришел Вилямовский⁹¹, — у него было с тысячу храбрых воинов, а шел он через Смоленск. Уже где-то под осень пришел пан Сапега⁹² более чем с тысячью человек. Так что это была удачная война, и редкая четверть, а то и месяц проходили без того, чтобы к нам не прибыло с тысячу или несколько сот человек из Польши⁹³. А наш царь Дмитрий был так щедр, что на службе

всем воздавал поровну, даже если кто-то пришел последним, — ну прямо по Евангелию, чему и мы сперва не противились. Возможно, мы стали считаться, если бы дело дошло до оплаты заслуг. Но что удивительно, чем больше нас собиралось, тем меньше мы занимались делом, а число партий среди нас разрасталось.

Москвитяне выпускают послов, а войско их задерживает

Москвитяне, увидев, что ряды наши растут, и вытеснить или разбить нас трудно, заключили мир с королевскими послами и отпустили их. Вместе с ними отправили пана сандомирского воеводу с дочерью, царицей Мариной, и остальными родственниками: те обещали, что выйдут из Московских государств, как и было предписано договором⁹⁴. До крепости Белая их сопровождала тысяча московских людей. Мы решили послать погоню и привезти их в наш обоз. Сделали мы это не потому, что в том нуждались, а больше для вида: надо было показать москвитянам, что наш царь настоящий и поэтому хлопочет о соединении со своей супругой. За ними отправился со своим полком Валявский, но зная, что их возвращение принесет нам только лишние хлопоты, нарочно не догнал. Затем, уже не рассчитывая их настичь, мы снарядили пана Зборовского. А он, не зная в чем дело, так как прибыл недавно, решил оказать царю услугу. Двигаясь со своим полком очень быстро, он догнал их в пятидесяти милях от столицы, под Белой. Сопровождавших их москвитян Зборовский разогнал, и почти от самой границы завернул к нам пана Николая Олесницкого (бывшего в то время малопоцским каштеляном), пана сандомирского воеводу, царицу и всех, кто был с ними. Пан Гонсевский же (нынешний смоленский воевода) за несколько дней до этого отделился от них и по другой дороге вышел за границу⁹⁵.

Это возвращение принесло нам больше вреда, чем пользы, так как царица и другие персоны, знавшие Дмитрия в столице, увидев нашего, не захотели его признавать, и скрыть это было невозможно. А москвитяне воспользовались этим, чтобы отвратить от Дмитрия своих людей.

Послы и все приятели встали с паном воеводой и царицей отдельным обозом. Переговоры между ними шли целую неделю⁹⁶. После долгих уговоров согласились все, в том числе и царица, притворяться вместе с нами, что это не другой царь, а тот самый, что был в Москве. Но исправить ошибку было уже трудно. Потом они переселились в наш обоз и поставили свои палатки рядом с царскими⁹⁷.

Был у нас Масальский, которого мы схватили при разгроме обоза; присягнув царю, он пребывал на свободе. Когда происходили переговоры, мы стали подозревать, что он, когда ходил с паном Зборовским за послами, предупредил царицу, что царь ненастоящий, еще до того, как она сама все увидела. Почуяв опасность, Масальский сбежал в Москву и доставил туда самые точные сведения обо всем, что у нас случилось. После этого жители Москвы еще больше утвердились в своем намерении держаться. Много раз мы ждали, что столица вот-вот будет наша, но всегда возникало какое-нибудь препятствие.

Все это происходило в октябре 1608 года. Посол и другие персоны жили у нас несколько недель. Во время их пребывания столичные москвитяне добивались свидания с сандомирским воеводой и послом, притворяясь, что хотят договориться добром, — на самом же деле искали способ опять заключить их в тюрьму. На переговоры москвитяне вывели все свое войско. Вышли и мы: тогда у нас было уже 18000 польской конницы и 2000 хорошей пехоты, не считая тридцати тысяч запорожских казаков и пятнадцати тысяч донских. (Хватало в нашем обозе и московских бояр, впрочем их было не очень много, так как мы им не доверяли. Одних польских купцов бывало у нас по три тысячи, и вставали они отдельным обозом.)

На переговорах ничего не прояснилось, — слава Богу, что те, кто договаривался, вернулись в обоз невредимыми. Вскоре пан посол с родственниками пана Сандомирского решил ехать в Польшу. Мы согласились; с царицей остался пан воевода со своим сыном (нынешним львовским старостой)⁹⁸.

После разгрома обоза ничего значительного под столицей москвитян не происходило. Чтобы лишить жителей

припасов, мы выставили на дорогах вокруг Москвы дозоры. Изредка бывали стычки.

Войско князя Рожинского зимует под Москвой

Тем временем близились холода. Снег уже припорошил наши палатки, и мы стали думать: как и где пережить зиму. Кто-то советовал разделить войско на несколько частей, встать где-нибудь поодаль от столицы в московских волостях, ибо за Москвой к нам перешло немало крепостей и больших волостей. Другие с этим не соглашались, считая, что в неприятельской земле разбредаться опасно. Сошлись мы на том, что надо рискнуть и зимовать на том же месте. Начали мы рыть землю и устроили себе земляные дома, в земле же вырыли печи (такие жилища были не во всем удобны, ибо в них угорали). Стойла для лошадей сплели из хвороста и покрыли соломой. Со временем мы разделили послушные нам волости на приставства. Почти все земли перешли на нашу сторону, кроме столицы, Смоленска, Великого Новгорода и монастыря Св. Троицы⁹⁹, который находился в двенадцати милях от Москвы. Этой зимой мы послали туда пана Сапегу с несколькими тысячами польского войска (и с одной — двумя тысячами донских казаков во главе с Лисовским)¹⁰⁰. Сапега должен был или взять [монастырь] или, по крайней мере, изнурить осадой, но он безуспешно простоял там целый год. С волостей, разделенных на приставства, везли нам воистину все, что только душа пожелает, и все было превосходным. Подвод приходило на каждую роту до полутора тысяч. Имея множество подданных, стали мы строиться основательно, рассчитывая на суровую зиму: в окрестных селениях брали дома и ставили в обозе. Некоторые имели по две — три избы, а прежние, земляные, превратили в погреба. Посреди обоза построили царю с царицей и воеводой достойное жилище, и стал наш обоз походить на застроенный город.

Тогда же, первой нашей зимой, некоторые захотели, в пику князю Рожинскому, сделать так, чтобы Меховецкий, хотя на него было наложено bando, вернулся в войс-

ко. Меховецкого уверили в безопасности возвращения, но едва он появился, князь Рожинский велел ему передать, чтобы тот убирался из войска, или же он прикажет его убить. Меховецкий, нигде не чувствуя себя в безопасности, спрятался в покоях царя. Узнав о его убежище, князь Рожинский взял с собой лишь четырех пажей и схватил его, этим же пажам он приказал его убить. Царь гневался, но не знал, что делать, ибо Рожинский велел передать, что и ему шею свернет. Потом мы их помирили, а голова Меховецкого пропала.

Войско начинает притеснять послушные провинции

Когда мы укрепились и обжились, более далекие провинции стали переходить к нам и выпускать наших узников, разосланных Шуйским в заточение по разным крепостям после свадьбы Дмитрия. Пленники, собрав хоругви и кое-какое оружие, группами или целыми ротами приходили к нам. Недовольное этим войско потребовало от царя оплатить по крайней мере шесть или семь четвертей. Царь попросил об отсрочке, но воины стояли на своем, и никто не возмутился их жадностью — все требовали оплаты. Князь Рожинский попытался было отговорить их от этой затеи, но все решили, что он действует по какому-то личному расчету, и не послушались. У меня не было желания с ними спорить, но пришлось высказать свое мнение, дабы соблюсти обычай. Я сказал: «Видно, по-моему уже не будет, — вы слишком упрямы. Обращаюсь к вам не для того, чтобы отговаривать; помните лишь, что я вас предупреждал. Зима предстоит трудная, государь наш еще не в столице, а дальние провинции к нам перешли недавно; придавайте их тяжелой данью — у них появится повод для недовольства и бунта. Сейчас мы получаем от них всего вдоволь, и нескольких десятков золотых на лошадь будет вполне достаточно».

Но ничего нельзя было сделать: мы не могли их переубедить, хотя предвидели дурные последствия, и сам царь им на это указывал. Воины взяли у царя разряды (по-нашему канцелярия), приказали написать себе грамоты в города, чтобы те платили дань от земель, которые у

них называются вытями¹⁰¹, а с товаров — даже поносовщину (как у нас поголовное). С грамотами отправили по одному поляку и одному москвитянину (все это большей частью придумал Анджей Млоцкий, и царь на это согласился), которые разъехались с грамотами по городам и провинциям за Волгу. А там, когда люди узнали, что надо платить такую дань, сборщиков перебили, утопили, замучили. Все заволжские края восстали — сбылись мои слова. Те люди, что меня ругали, называя сторонником царя и его наперсником, теперь говорили: надо было его послушать. Хотя взятие столицы было близко, получили мы на свою голову новую войну, и часть войска должны были посылать за Волгу. Пан Бонк Ланцкоронский ходил в Кострому, другие — в Вологду и в иные города, перечислять которые долго.

Москвитяне переходят к обороне

Тем временем наступил 1609 год. В Польше близился сейм, на который мы решили отправить своих послов. Они должны были позаботиться о том, чтобы король, наш господин, ни в чем дурном нас не подозревал и не чинил препятствий нашему предприятю. Чтобы изменить превратное мнение короля, мы послали Веспасиана Русецкого, Станислава Сулишевского, Миколая Концешкевича (четвертого я не помню). Приняли их благосклонно, но дурное мнение сохранилось¹⁰².

Зима прошла у нас в мятежах и бунтах. Москвитян мы пока не тревожили, а они тем временем собирали против нас силы. В Великий Новгород был послан Михаил Скопин-Шуйский¹⁰³, двоюродный брат царя. Он хлопотал у шведского короля Карла о подкреплениях против нас: король должен был как следует платить посылаемой войску, а взамен получал две крепости недалеко от моря — Ладогу и Корелу¹⁰⁴.

Весной наши снарядили под Великий Новгород запорожских казаков (их было у нас немало). Казакам приказали расположиться недалеко от Новгорода, в Русе, выставить сторожевые отряды и сделать так, чтобы новгородцы признали нашего царя. Там [казаки] простояли без всякой пользы до самого лета.

Гетман ранен, челядь взбунтовалась

Тем временем и мы под столицей не бездействовали: часто бывали сражения¹⁰⁵, в одном из которых гетман князь Рожинский был опасно ранен в бок стрелой из лука, — так, что острие ему вытащили насквозь через поясницу. Однако ему хватило мужества с такой раной вер-

хом приехать к столице. Потом он поправился, но в седле находиться уже не мог, ибо тело его сильно немело.

Той же весной челядь нашего войска, которую господа посылали за припасами, подняла против нас бунт. Бунтовщиков было больше тысячи. Выбрали себе ротмистров и полковников; шатаясь по московской земле, занимались разбоем и не хотели возвращаться к своим господам. Дошло уже до того, что мы выслали против них роты, разбили, рассеяли, схватили старшин и посреди обоза посадили на колы. Во время расправы все мы, вместе с гетманом, были в седле, опасаясь бунта оставшейся челяди. После этого челядь вела себя тише и возвращалась к своим хозяевам.

Иноземные люди, собранные Скопиным, идут на помощь столице

Летом вышли из Швеции шесть или семь тысяч иноземных людей, собранных Скопиным. С ними, добавив больше десяти тысяч москвитян, Скопин двинулся к столице. Узнав об этом, наши казаки дали знать в главный обоз и отступили от Новгорода. Случилось так, что наше войско было разделено на несколько частей: пан Сапега стоял под монастырем Св. Троицы, Млоцкий с Бобовским были посланы под Коломну, моя рота сторожила дороги в столицу, остальных мы разослали в дозоры; в Вязьме, для большей безопасности, расположили запорожских казаков с их полковником Чижом.

Хоть наше войско и было разбросано, мы отправили против иноземцев и Скопина пана Зборовского с его полком. Придали ему и других людей, и запорожских казаков, что пришли из-под Новгорода, — так что все его войско составляло около четырех тысяч человек. Сначала Зборовский встретился с немецкой засадой под Торжком: их было тысячи две, не считая москвитян, и посланы были они против людей Зборовского. Последний провел с ними удачную битву, уложив до шестисот немцев. Здесь же Зборовский взял языков и, дознавшись у них, что наступает сильное войско, отступил под Тверь и стал ожидать [неприятеля], а в обоз к князю Рожинскому послал за подмогой¹⁰⁶. Тверь находится милях в тридцати от столицы.

Так случилось, что в то время, когда пан Зборовский расправился с немцами под Торжком, у нас произошло крупное сражение с москвитянами под столицей. Мы отбросили их вплотную к городу и ушли с поля. А они вышли за нами с гуляй-городами, разместив в середине пехоту и арматы, а по бокам — конницу (больше всего которой было на правом крыле). (Гуляй-города представляют собой поставленные на возы дубовые щиты, крепкие и широкие, наподобие столов; в щитах для стрельцов проделаны дыры, как в ограде.)

Сражение с москвитянами у Ходынки

А мы, не зная, что неприятель пойдет следом, ушли к обозу за речку Ходынку. Она была хоть и маленькой, но обрывистой, так что отряду переправиться через нее было трудно. Здесь мы загородились от неприятеля, но не так, как следовало бы, поскольку, сойдя с широкого поля, оказались в месте более узком. Из обоза к нам прибыло четыреста человек свежей польской пехоты с несколькими небольшими пушками. Они встали на берегу той самой Ходынки. Напрасно тогда мы выстраивались [к бою], имея возможность уйти без потерь.

Тут со своими гуляй-городами подошли москвитяне. Наши не знали о гуляй-городах; увидев неприятеля, они решили, что наступает только московская конница, и поскакали к ней через речку. Три казацкие хоругви встали во главе и пошли вперед, за ними поскакала гусарская хоругвь (тому кто ее вел, не стоит этим хвалиться). Когда казацкие хоругви оказались на поле, из гуляй-городов стали палить, и казаки повернули назад. А гусарская хоругвь пошла вперед и направилась прямо на конницу, надеясь, что если удастся ее смять, гуляй-города будут нашими. В ответ открылась пальба, в хоругви пало несколько лошадей, но, несмотря на это, отряд налетел на конницу. Москвитяне же, в расчете на прикрытие из гуляй-города, держались так, что приняли на себя удар копий. Затем пошли и другие хоругви, но они уже ничего не изменили. Первая хоругвь, сколько смогла охватить своими рядами, гнала москвитян в спину, другие хоругви пошли в свой черед следом, остальные обратились на гуляй-города:

отбили ружья, посекали пехоту, в пушки впрягли лошадей, чтобы отвезти в обоз. Если бы мы проследили за московской конницей, победа была бы в наших руках.

Московская конница, которую оттеснила первая хоругвь, быстро уходила и, чтобы не было сумятицы, шла почти рядом с нашими. Если бы наши хоругви, не вмешиваясь не в свое дело, обратились на левое крыло, то мы бы одержали большую победу. Но произошла ошибка: хорунжий первой хоругви, который должен был следовать за своим предводителем, увидев сбоку москвитян, присоединился к тем, кто их преследовал. Хоругви, следовавшие за первой, решили, что она уже смята, и ни с того ни с сего показали спину. Москвитяне опомнились, насели на нас и погнали, разя, прямо в Ходынку. Свои гуляй-города они отбили, потому что наши хоругви все до единой вынуждены были спастись бегством (тогда-то мне ногу и прострелили). Но это было еще не все, чем Бог нас наказал. На реке Ходынке у нас было несколько сотен пехоты, — с ее помощью мы могли бы поправить дело. Но пехотные ротмистры, похватав хоругви, побежали первыми; так что, когда дойдет до битвы, плохо, если у пеших ротмистров будут кони.

Тем временем наше войско удирало к обозу. Хорошо, что там оказался Заруцкий с несколькими сотнями донцов. У речки Хинки, где мы поставили укрепления для защиты обоза, он повел ответную стрельбу из ручного оружия. Иначе неприятель ворвался б на наших плечах прямо в обоз. Хотя победа была рядом, мы лишились тогда всей пехоты, потеряли убитыми нескольких ротмистров; немало было убито и ранено товарищей, челяди, лошадей, множество важных персон попали в плен и были увезены в Москву¹⁰⁷. Попал туда и мой свояк Адам Боженцкий. С ним впоследствии случилась целая история, когда князь Иван Шуйский¹⁰⁸ подарил мне его, отпустив даром и вручив ко мне послание, — якобы ответ на мое письмо, которое Ивана Шуйского так растрогало, что он не только отпустил Боженцкого даром, позволив залечить раны (ибо тот был опасно ранен ударом сабли), но и всех пленников в московской столице кормил, а самым важным, когда тех освобождали по обмену, давал платье.

Пачановский

Москвитяне понимали, что имея множество важных пленников, можно торговаться с нами о мире. Пленникам они приказали выбрать из своей среды надежного человека, который вернулся бы обратно при любом исходе своей миссии, и отправить его к нам с условием: если мы хотим освободить своих многочисленных пленников, то должны прекратить войну и выйти из Московских государств, а иначе всех пленников погубят разными муками. Охотников, жаждавших выйти из плена с этим посольством, было множество. Тогда москвитяне заметили Станислава Пачановского, который в послы не порывался, и приказали отправить его. Придя к нам и выполнив поручение пленников, Пачановский получил такой ответ: «Мы хорошо знали, на что шли, и знали, что ставкой будет жизнь. Все мы готовы скорее умереть, чем отступить от своего предприятия. Дорого нам здоровье наших товарищей и родственников, но еще дороже нам добрая слава, ради которой мы сюда пришли».

Пачановский долго колебался: возвращаться с таким ответом или остаться с нами. Одни склоняли его к тому, чтобы, освободившись, он не возвращался в неволю. Другие убеждали не обречь на жестокие муки своих товарищей, с которыми волей Господа Бога он оказался в заточении. Пачановский склонился к последнему совету и вернулся в плен. Этим он заслужил уважение москвитян, которые с тех пор держали его в лучших условиях, а у своих удостоился похвалы отныне и навсегда.

Понтус¹⁰⁹ с немецким войском и Скопин-Шуйский нападают под Тверью на пана Зборовского и терпят поражение

Когда это происходило под столицей, Зборовский, как упоминалось выше, просил подкрепления против немецкой силы. Мы же не могли ему помочь, так как были потрепаны в битве с гуляй-городами, да и невозможно было так быстро собрать разрозненное войско, а оголять свои позиции тоже было опасно. Подмогу мы все же послали, правда лишь с тысячу человек. Пан Зборовский, присоединив их к своим силам, ожидал под Тверью не-

мецкое войско во главе с Понтусом и московское (со Скопиным-Шуйским). Когда эти силы к нему подступили, провел удачную битву: оба наших крыла, правое и левое, вытеснили неприятеля с поля и одержали победу. Середина же наших была смята, и те, кто там стоял, бежали с уже выигранной битвы и лишь через несколько миль опомнились и вернулись к войску. Тем, кто стоял по бокам, пришлось снова громить неприятеля, погнавшегося за нашими.

В этой битве полегло больше тысячи немцев, а наших погибло очень мало, достались нам и пушки. Но немецкая пехота, связанная договором, осталась на поле без движения, ибо с ней никто не столкнулся, обломав все копыя о конницу. Дождавшись ночи, эта пехота ушла к своему обозу, расположенному в миле от места сражения. Было это во вторник, где-то в сентябре¹¹⁰. Торжествуя, наше войско соединилось с беглецами. Те, кто сражался, советовали отступить к нашему главному обозу, ибо испытали на себе силу немцев и видели, что москвитяне, хоть и уступили поле, но не были рассеяны и имели свежие силы. Те же, кто сбежал с поля битвы, уверяли, желая смыть свой позор, что неприятель не будет теперь столь отважен. В общем, решили от Твери не отступать.

Пан Зборовский хотел, чтобы все собрались в один обоз и соблюдали осторожность. А немцы и москвитяне в ночь со среды на четверг, перед самым рассветом, миновав стражу, напали на них всем своим войском. Когда наши их обнаружили, то, не имея места для сражения, едва столкнувшись с неприятелем, в страшном замешательстве бежали. Те, кому несподручно было идти в поле, уходили в другую крепость, занятую казаками; а те, что подались в поле, все погибли. Остальные, чуть ли не без седла, ушли к главному обозу. Вот к чему привело их неподчинение старшим. Тех, что закрылись в крепости, немцы пробовали взять штурмом, но, сделав несколько приступов, прекратили, решив изнурить голодом¹¹¹.

Польское войско собирается вместе, чтобы одолеть неприятеля

Когда нам изменило счастье под столицей и под Тверью, стали мы как можно скорее стягивать войска и ду-

мать о том, как выручить тех, что остались в Твери. С паном Зборовским отправилось нас к Твери несколько тысяч, к нам хотели присоединить и пана Сапегу, и должно было собраться нас тысяч с десять.

Москвитяне и немцы, проведав о нашем приближении, отступили от Твери и большая часть немецкого войска ушла обратно в Швецию. При Скопине остался сам Понтус с одной или двумя тысячами людей, — вместе они пошли на другую сторону Волги, в ее низовье.

Тем временем мы с паном Сапегой пробовали взять штурмом монастырь Св. Троицы, который он все еще держал в осаде. Мы рассчитывали вместе с Сапегой, а значит и с большими силами, пойти на Скопина, но вместо этого только потеряли людей, загубив их на штурмах. Оставив под Троицей часть войск, отошли мы ни с чем.

Подойдя к Калязину, мы увидели, что московское войско переправляется на другую сторону Волги. Москвитяне действовали хитро, заранее поставив на той стороне городок, к которому и переправлялись. Встав в городке, они далеко к нам не выходили, а разместили свое войско между городком и выставленным перед ним частоколом. Понемногу пытая счастья, они пускались на нас гарцем; так продолжалось целый день, после чего мы ушли в свой обоз. На следующий день, встав совсем близко от москвитян, мы приготовились напасть на их обозы¹¹².

Е[го] В[еличество] Король прибывает под Смоленск

В это время мы получили известие о том, что Е[го] В[еличество] Король пришел под Смоленск¹¹³. По этому поводу в войске поднялся шум: «Что же, теперь, — говорили, — идти на службу к кому-нибудь другому? Каким духом принесло короля на наше кровавое дело?» Пришлось нам с Волги уйти, хотя мы могли одолеть ослабевшего неприятеля, ибо это войско было последней надеждой москвитян.

Вернувшись в главный обоз, мы устроили совет: что делать дальше ввиду препятствий, чинимых королем. На совете мы письменно дали клятву: от Дмитрия не отступать и переговоров ни с кем не вести. Под Смоленск от-

правилося посольство: я, Вжещ Дудзинский и Слядковский¹¹⁴. Мы просили е[го] в[еличество] короля выйти из Московских государств и не мешать нашему предприятю. Наше посольство было королю очень неприятно, однако он принял нас с большим почетом.

Еще раньше король направил к нашему войску комиссаров: Перемышльского каштеляна пана Стадницкого, коронного конюшего Кшиштофа Збаравского, Людвика Вейера, Мартина Казановского. А в качестве гонца вперед был послан пан Ян Ловчавский-Добек¹¹⁵. С комиссарами мы встретились по дороге к Смоленску, миновав Дорогобуж. Они спрашивали нас, с чем мы едем к королю, но мы отвечать не пожелали. Справили мы посольство к е. в. королю и особо — к рыцарству, при этом присутствовал сам гетман Жолкевский¹¹⁶, были и полковники, и ротмистры. И там, и там говорил я. Прожили мы под Смоленском несколько дней и каждый день завершался пиром у господ. Затем нам дали ответ, а при его вручении пан Шенсный Крыйский¹¹⁷ (в то время подканцлер) обратился к нам с такими словами:

«Е[го] К[оролевское] В[еличество], наш милостивый государь, посольство В[аших] Милостей третьего дня благосклонно выслушал. Однако, сличив при дальнейшем обсуждении письменную речь с Вашими словами, удивились Е[го] К[оролевское] Величество и Их Милости господа сенаторы, которые либо читали, либо слушали это посольство. Почему такая дерзкая и вызывающая речь смешана с льстивыми словами? Почему, присягнув на верность, вы осмелились с такой легкостью изменить своему господину? Придется Вашим Милостям получить такой ответ, какого достойны и посольство Ваше, и речи. А В[аши] Милости впредь знайте и поведайте своей братии, что Е[го] К[оролевское] Величество считает себя господином, данным народу волей Господа Бога».

Затем нам вручили ответ, мы простились с Е[го] В[еличеством] Королем и выехали назад. Прибыли мы в свой обоз прежде господ комиссаров, был с нами и пан Добек. Выслушав нас, стали все обсуждать: принимать королевских комиссаров или нет, — ибо в ответ на вторжение короля войско заключило союз: встать при Дмитрии и не

вступать ни в какие переговоры, если кто-нибудь захочет их вести иначе, нежели как с царем Дмитрием.

Королевские комиссары заключают соглашение с войском, находящимся при Дмитрии

Князь Рожинский и пан Зборовский хотели держать-ся недавно заключенного союза и присяги. Нас, тех, кто поддерживал их в этом, было немало. Но войско, ухватившись за какую-то смутную вестъ, решило, что у короля с собой много денег, и если они перейдут на его сторону, оставив Дмитрия, король сможет заплатить войску за множество выслуженных четвертей.

С этим же прислал к нам из-под Троицкого монастыря пан Сапега. Он требовал от своего имени и от имени находившихся при нем людей, чтобы мы приступили к переговорам с королевскими комиссарами, и пригрозил, что если мы этого не сделаем, его хоругви уйдут и запишутся на королевскую службу.

В замешательстве, боясь, чтобы не дошло до чего-нибудь худшего, князь Рожинский вынужден был комиссаров пропустить и выслушать¹¹⁸. Но когда послы объявили нам условия, на которых Е[го] В[еличество] Король соглашался помочь нашему предприятию, мы решили вести переговоры через своих депутатов, которых иной раз собиралось человек сорок. Споры тянулись больше недели.

Дмитрий уходит из польского войска, за ним — царица

Тем временем Дмитрий, поняв, что на переговорах он остался в стороне и данного ему слова мы не сдержали, сбежал от нас в Калугу¹¹⁹. К этому он уже давно на всякий случай приготовился, приказав всем находившимся при нем боярам заранее отослать туда жен и детей (там же держал своего сына и татарин — Касимовский царь). Когда Дмитрий ушел, некоторые бояре вынуждены были отправиться следом, ибо он держал их в руках, имея заложниками, жен и детей. Царица со своими приятелями осталась в обозе, Дмитрий нас покинул. Наши, рассчитыв-

вая получить у короля звонкую монету, ничего от послов (или комиссаров) не добились, поэтому их снова обуяли сомнения: теперь они жалели, что согласились на переговоры, отпугнув этим Дмитрия.

Пока у нас происходили эти события, москвитяне времени не теряли. Скопин, войско которого мы оставили у Калязина, двинулся дальше, он взял Переяславль, приблизился к Троице и взял Александрову слободу. Пройдя местечками дальше, Скопин поставил пана Сапегу в столь трудное положение, что тот вынужден был отступить от Троицы к Дмитрову¹²⁰. Там Сапега снова перешел от короля на сторону Дмитрия, сманил от нас царицу, пообещав, что встанет при ней. Так что сбежала от нас и она (с одной лишь девчонкой и одним — двумя десятками донских казаков) и оставалась в Дмитрове при пане Сапеге вплоть до того часа, о котором будет сказано ниже¹²¹.

1610

Разлад в польском войске

Князь Рожинский и пан Зборовский и те, кто остался с ними, не хотели петь эту песенку. Но все же мы взялись за королевское предприятие, хотя и с неохотой, принужденные к этому лишь непостоянством других. Но много было в нашем обозе и таких, которые хотели разыскать Дмитрия и поправить его дела. В этом разброде и оставили нас комиссары. Но разъединяться под боком у неприятеля было делом опасным, и мы, хоть и не имели согласия, но вынуждены были терпеть друг друга. Тогда те, кто не хотел быть вместе с нами, подбили донских казаков открыто выйти к Дмитрию в Калугу. Они тайно уверили казаков, когда-де Рожинский за вами бросится, мы ударим ему в тыл. Было это уже после Рождества, где-то в середине мясопушта, в 1610 году¹²². Вышли казаки Заруцкого (впрочем, его самого они не смогли заставить встать на их сторону). Заруцкий же дал знать князю Рожинскому. Мы и сами уже все увидели, однако не думали о том, что они направляются к Дмитрию, а решили, что они скорее всего договорились со столичными москвитянами.

Как обычно, по тревоге ударили из пушки, стали выходить послушные Рожинскому хоругви, а выйдя, князья Рожинские двинулись с ними на казаков. Те же, рассчитывая на обещанную помощь, вступили в бой. Две тысячи казаков полегли на поле боя, другие уходили, куда могли, третьи вернулись в свой обоз к Заруцкому. Эти бунты донских казаков были первым нашим несчастьем.

Бунт на рыцарском круге

После разгрома казаков, чтобы хоть как-то привести дела к согласию, мы собрали круг, желая, чтобы все были заодно. Ничего не опасаясь от своих людей, мы бес-

печно пришли на круг, спешившись и взяв только сабли. Те же, кто замыслил дурное, — было их человек сто, — приехали верхом, с рушницами, а иные и в доспехах. Стали мы обмениваться между собой соображениями: чью сторону лучше держать — короля или Дмитрия. Мы доказывали остальным, что дело Дмитрия уже трудно поправить: этим мы только окажем бесплатную услугу королю, ибо москвитяне, имея в качестве противника Дмитрия, скорее склонятся к королю. Некоторые предлагали вести переговоры с Шуйским. Мы ответили: Шуйский не будет столь наивен, чтобы, воюя с королем, торговаться о мире с вами.

Еще одни говорили, что надо уйти от столицы за Волгу: тогда с одной стороны король будет прижат неприятелем. Мы возражали, что снова окажем бесплатную услугу королю, и он нам за это ничего не будет должен: москвитяне, пока мы стоим на их земле, всегда будут вынуждены дробить свои силы в ущерб общей мощи.

Было предложение уйти в Польшу. Но и его отвергли, ибо тогда у нас и вовсе не будет повода требовать у короля чего бы то ни было: даже если мы разъедемся, король эту войну не прекратит, а мы без службы не проживем и, выстрадав здесь столько заслуг, будем вынуждены записываться на ту же службу, но за другую плату.

И тут противная сторона, не сумев наши доводы оспорить своими, перешла к бунту. Несколько десятков из тех, кто приехал верхом, выйдя из круга, обнажили оружие, достали рушницы и поскакали к нам. Затеял все это пан Тышкевич, недовольный главенством князя Рожинского. С кличем, словно идут на неприятеля, они напали на круг и дали залп из рушниц прямо в ту сторону, где стоял князь Рожинский. Круг бросился врассыпную. Князь Рожинский остался, но товарищи увели его в стан и защищали, отстреливаясь из нескольких рушниц.

Этот бунт был 20 марта 1610 года. Разогнав круг, бунтовщики выехали за пределы обоза с призывом: «Кто смелый — к нам в круг!» С теми, кто к ним присоединился, они решили идти к Дмитрию в Калугу. Самые дальновидные понимали, что раскол под боком у неприятеля мог привести нас к верной гибели. Тайно мы договорились сохранять согласие и держаться на этом месте

до определенного времени. А если нас не удовлетворят условия короля и придется разделяться, тогда, сохраняя единство и согласие, мы отойдем от столицы по крайней мере на десять миль. А затем пусть каждый, без обиды друг на друга, направится в ту сторону, какая ему по нраву. Все это мы скрепили на генеральном круге словом дворянина.

Сапега, находясь при Дмитрие, проигрывает битву, царица проявляет мужество

Пока мы в главном обозе ссорились, пан Сапега, находясь при Дмитрие, послал большую часть своего войска за Волгу за припасами, а сам с горсткой людей остался в Дмитрове. Когда москвитяне со Скопиным и немцы пришли от монастыря Св. Троицы под Дмитров, пан Сапега, не ожидая встретить большое войско, вышел с горсткой людей, вступил в бой и проиграл его¹²³: враги загнали его в самую крепость. Если бы три с половиной сотни донских казаков, стоявшие у крепости в отдельном городке, не прикрыли его огнем, то и крепость была бы захвачена.

Как раз в это время находившаяся в Дмитрове царица выказала свой мужественный дух. Когда наши вяло приступали к обороне вала, а немцы с москвитянами пошли на штурм, она выскочила из своего жилища и бросилась к валу: «Что вы делаете, злодеи, я — женщина, и то не испугалась!» Так, благодаря ее мужеству, они успешно защитили и крепость, и самих себя.

Окруженный в Дмитрове Сапега просит Рожинского о помощи

Часть москвитян и немцев расположилась под Дмитровом, обнеся свой обоз снежными валами, а другие, и сам Скопин, вернулись под Троицу. Когда пану Сапеге стало совсем невмочь, а его люди из-за Волги все никак не возвращались, он послал в главный обоз к князю Рожинскому с просьбой придти на выручку или дать подкрепления. Но при таком разброде и неповиновении в наших обозах, о которых я упоминал выше, мы не могли

двинуться с хоругвями к нему на помощь, да и сами готовились оставить это место. Кому мы ни предлагали, каждый отговаривался, ни один идти не хотел. Товарищи упрашивали меня доставить в Дмитров хотя бы пули и порох, которых там не хватало, они уверяли, что охотников наберется двести—триста человек. Я пошел к князю Рожинскому, уведомив его о желании товарищей, и попросил, чтобы он приказал приготовить пули и порох. Он дал двое саней, пули и порох, и еще двадцать донских казаков для сопровождения. Так как было полнолуние, я надеялся, что на эти двенадцать миль мне хватит одной ночи.

Сапеге в Дмитров отправлена помощь, царица уезжает в Калугу

Когда пришло время собираться, охотников нашлось едва ли человек с двадцать, еще и не каждый брал с собой челядинца. Увидев, что нас мало, другие стали нас поносить и издеваться, говоря: «Вам с таким желанием придется с нами в обозе остаться». Товарищи же были достойными и шли по доброй воле, они сказали мне: «Будь, что будет! Пойдем, даже если умереть придется!» Я с ними согласился. Были среди них (кого помню) Порваницкий, Шкот из Белзской земли, Марек Модреньский, Крензеляваский, Телефус, два Щавинских и Миховский. В сумерках мы вышли из обоза. Лежал глубокий снег, поэтому идти мы могли только друг за другом, разместив пули и порох посередине.

Отойдя от обоза на три мили, мы увидели через дорогу след — это в тот же день подъезжали к нашему обозу за языком триста [тридцать — ?] конных французов изпод Дмитрова. Вспомнив об этом, мы не встревожились, нас больше волновало другое: лошади, которые везли порох и пули, ослабели, и донцы, спешившись, припрягли к саням своих лошадей. Из-за этого мы задержались, и ночи нам не хватило. Рассвет застал нас в двух милях от Дмитрова. Там набрали мы на другой след, — это только что перед нами за пригорок перевалило на лыжах несколько сотен пехотинцев. Они вышли на рассвете из своего обоза осмотреть дороги, — не проходили ли в кре-

пость люди. Там разминулись мы с конницей, здесь — с пехотой; было о чем подумать.

А тем временем послал Господь Бог такой густой туман, что мы друг друга едва могли разглядеть. Так, в тумане, мы вошли в крепость, доставили порох и пули и заверили наших в помощи. А в неприятельском обозе наше прибытие с несколькими десятками человек произвело такой переполох, что все решили, будто в крепость вошло с тысячу людей. Когда мы подъезжали к их обозу, москвитяне не выходили, отвечая: «Мы знаем, что вы из больших таборов пришли».

На следующий день от Осипова¹²⁴ к нам на выручку пришел Руцкий с несколькими сотнями, затем подошли и те люди, что ходили за Волгу. Оставив пана Сапегу в лучшем положении, я решил вернуться в наш обоз под столицу.

Царица, надумав перебраться в Калугу, уговорила четверых из двадцати моих товарищей ее сопроводить. Пан Сапега хотел этому воспрепятствовать, но она сказала: «Никогда тому не бывать, чтобы он для своей выгоды мной торговал, у меня есть три с половиной сотни донских казаков, и если понадобится, дам битву». И Сапега ей больше не препятствовал. Царица поехала с теми, кого уговорила из моей компании. В мужском уборе, взяв сани и коня, она добиралась когда на санях, когда верхом.

Польское войско разделяется, князь Рожинский умирает

После нашего ухода пан Сапега, по возвращении к нему людей из-за Волги, задержался в Дмитрове ненадолго. Бросив Дмитров, он пошел к Волоку. Мы из-за своих разногласий также двинулись без всякого шума к Волоку, взяв с собой арматы, которые были многочисленны и ценны. Отстроенный, словно город, обоз мы подожгли¹²⁵.

От Волока всем разрешили разойтись, кто куда хочет. На стороне короля осталось нас, с князем Рожинским и паном Зборовским, три с половиной тысячи. Все остальные с паном Сапегой вернулись в Калугу к Дмитрию¹²⁶. С нами остались и три с половиной сотни донских каза-

ков, что были под Дмитровом, — им князь Рожинский приказал осадить Волок, сам же он хотел задержать полк Руцкого и поехал уговаривать их в Осипов монастырь. Во время встречи люди Руцкого, не поддавшись на уговоры, ухватились за оружие, рассердившись на князя Рожинского из-за какого-то ничтожного повода. Он тоже не стерпел. Те, кто был с Рожинским, едва увели его, утихомирив бунт. При этом Рожинский где-то на каменной лестнице упал на простреленный бок. Вскоре после этого он, частью из-за меланхолии, ибо терзался мыслями о том случае, а частью из-за ушиба, заболел и впал в горячку.

Но еще до своей болезни он устроил так, что из полка Руцкого одни ушли, а другие все же остались. На место ушедших прибыли новые люди, а именно: я со своими товарищами и Веспасиан Русецкий — со своими. Остался и сам Руцкий с некоторыми ротмистрами своего полка, затем в Осипов привезли пушки. Остался с нами и князь Рожинский, но уже будучи больным; там же он и умер, проболев лишь неделю¹²⁷. Тело его было вывезено в Польшу.

Часть польского войска в Осипове

Мы остались в Осипове. Пан Зборовский с большей частью войска двинулся к Смоленску и дошел почти до Вязьмы, от нас навверное миль за тридцать. Москвитяне, увидев, что мы остались далеко позади своего войска, снарядили под Волок две тысячи людей во главе с Валувевым¹²⁸. Когда он пришел, донские казаки не захотели удерживать [город], мы вынуждены были выйти из Осипова и пропустить их к себе. Однако оставить их с собой в крепости мы не решились и расположили казаков в острожке, который перед этим построил для себя Руцкий (для того, чтобы взять Осипов).

Потом наступила распутица, до поры обезопасившая нас в крепости. Мы надеялись, что спасение скоро придет к нам или из Смоленска, или из других наших отрядов.

Прошла зима, Валувев остался в Волоке, в двух милях от нас, а мы — в Осипове. Выезжать нам было уже небезопасно и языков добывать стало трудно.

**Иноземное войско во главе с Горном и Делавилем
идет из Швеции против поляков
и направляет удар на Осипов**

Этой весной из Швеции снова вышло иноземное войско во главе с Эдвардом Горном¹²⁹ и Петром Делавилем¹³⁰, у которого было девять сотен французов. А всего их было несколько тысяч. Встали они близ Погорелой крепостцы¹³¹, не более чем в десяти милях от нас. Через неделю после Пасхи, или чуть позже¹³², тайно пробравшись с тысячьо французов и немцев и двумя тысячами москвитян Валуева, пришел к нам с петардами¹³³ Делавиль. Увидев петарды, наша стража не очень насторожилась. Уже всходило солнце; спешившись, пошел сам Делавиль, приладил петарду к воротам предместья и выбил их. Иноземцы ворвались в предместье, одни обратились на деревянные зубцы и пошли к детинцу¹³⁴. Детинец был каменным, а предместье — деревянным. Большая часть других иноземцев пошла к детинцу, потому что ворота там не были закрыты и наши через них спасались из предместья.

Немцы с французами захватили деревянные зубцы. Врагов и конных, и пеших на площади детинца было полным-полно. Они убивали всех, кто попадался под руку. Мы, разместившиеся в детинце, вскинулись на звуки тревоги и побежали с рушницами на зубцы, думая, что опасность еще за Тверью.

Я прибежал к тому месту, где зубцы предместья сходятся с детинцевыми, и столкнулся с нашими, которые оттуда уже убегали. Я крикнул им: «Стойте, если честь дорога!» А они отвечали: «Поздно, — немцы в крепости!» Пришлось и мне вместе с ними уходить в крепость.

Некоторые из наших, отчаявшись защититься, спасались из крепости, прыгая со стен. Полторы сотни спасшихся таким образом ушли на прилегающие к крепости болота. После, избавившись от неприятеля, мы добились их возвращения. Приходили они со стыдом, больше надеясь застать в крепости немцев, чем нас.

Иноземцы выбиты из крепости

Мы же, оставшиеся в крепости, сгрудились все с одной стороны. С другой стороны детинца были у нас во-

рота и калитка, но закрытые крепкими замками. Если бы смогли их открыть, то из крепости, кто смог, ушел бы. Когда же надежды на спасение не осталось, отчаянье толкнуло нас к такому решению. Мы подумали: раз уж все равно погибать приходится, будем драться, — быть может, спасемся. Многие из нас вскочили на коней.

Прискакал Рущкий и сказал: «Если вам дорога честь, пойдем на врагов, — не для того, чтобы одолеть их, ибо на это нет никакой надежды, но станем биться так, словно решили умереть!» Ко всей толпе, что была на площади, поскакало нас трое (был еще я с Русецким). Выстрелив из рушниц, напали мы с ручным оружием, вызвав замешательство в их рядах. Когда враги нас окружили, один из них ударил меня пистолетом в губы и выстрелил. Слава Богу, он только опалил меня порохом, шровом разбил в кровь лицо и губы, шровом же изувечил и палец. Коня подо мной тоже подстрелили, на моих плечах было несколько порезов, но кафтан меня защитил. Ни одному из нас не пришлось взяться за оружие, и ни одной застежки на нас не уцелело.

А пока немцы были заняты нами тремя, Господь Бог подсказал нашим решение: несколько десятков их поскакали на врагов, и оттеснив мощным ударом, погнали их в шею и выбили из крепостного детинца. Сброшенный с коня, я остался на площади, а мой раненый конь выбежал за ними следом. На площади полегло тогда человек восемьдесят из неприятельского войска, а двадцать мы взяли в плен.

Пока мы сражались на площади, Господь Бог нас хранил: враги, находясь на зубцах предместья, не захватили каменные стены. Устроив засаду с рушницами на лестницах, два моих товарища удержали эти зубцы — Войцех Добжинецкий и Вавжинец Коссаковский, а третьим был с ними пахолик¹³⁵ Войшика, моего родственника (сам Войшик был убит). Вытеснив неприятеля из детинца, мы не отважились напасть на него в предместье, а, загородив ворота, бросились на защиту зубцов. Немцы (я уж тут и французов называю немцами), захватив ближайшую к нашей стене высокую деревянную башню, стали стрельбой наносить нам большой урон. Пришлось нам снова от-

ступить, и снова нашим товарищам, среди которых были и те, которые удержали для нас зубцы, внушил Господь Бог такое желание: набравшись смелости, они бросились к башне, в которой засели немцы, на вылазку. А на немцев наслал Господь Бог такой страх, что полсотни их сбежали перед десятком наших людей. А наши же не только захватили башню, но и обстреляли с нее неприятеля.

Я видел, что долго удерживать башню мы не сможем, поэтому сказал Руцкому, чтобы он отдал приказ поджечь предместья, ибо укрепившийся там неприятель будет нам плохим соседом, — надо выкурить его огнем. Руцкий долго не мог на это решиться, и я, не дожидаясь его приказа, велел зажечь отнятую у немцев башню, превратив ее в яркую огненную свечу.

Когда башня загорелась, мы перебросили огонь с зубцов на другие строения, находившиеся поблизости. Неприятель, видя, что мы поджигаем, вытащил то, что находилось внутри, запалил оставшееся и вышел наружу. Всего враги потеряли до трех сотен, наших же погибло человек двадцать. Из моей хоругви были убиты: Анджей Войшик, Кшиштоф Руцкий, Ежи Залусковский, Пашницкий, Якоб Щавинский, Анджей Косовский и Гочановский. В остальных хоругвях и товарищей, и пахоликов пало также немного, больше было раненых. В числе других подстрелили и Эразма Дембинского.

Во время пожара в предместье занялись и наши зубцы. Мы не знали, на что решиться: или защищаться от огня, или устроить вылазку против неприятеля, что тоже было небезопасно. В этом невыгодном положении находились мы целых восемь часов.

Из городка, о котором я упоминал выше, спасаясь, прибежали к нам и донские казаки. Но мы не пустили их в крепость, и они вели перестрелку с москвитянами и немцами под прикрытием нашего огня.

Во время боя мы стали допытываться у языков: кто те люди? Они сказали, что это войско недавно пришло из Швеции, а под крепостью их не более тысячи. Когда мы спросили, сколько их в действительности, один язвительный француз, который был опасно ранен (вскоре он умер), сказал: «*Tantum, sed omnes egregii milites, et non*

timent mortem» [Столько, но все отличные воины и не боятся смерти. — *Ред.*]. Так, напугавший нас неприятель, понеся урон, отошел и встал в двух милях от нас.

На следующий день иноземцы прислали к нам труба-ча с письмом Делавиля, которое содержало в себе следующее: «Мы хотим вести переговоры об обмене пленными». А наших пленных было у них только двое: Ян Миховский — мой товарищ, и пахолик Руцкого (когда мы выбили немцев из детинца, эти двое во время погони оказались в самом предместье и были пойманы). Миховский был опасно поколот пиками, Делавиль разрешил его лечить и держал в почете.

Обмен пленными и переговоры

Когда иноземцы, как я упоминал, написали к нам об обмене пленными, написали и мы к ним, что на обмен согласны. Одновременно мы уговаривали их не выступать против нас на стороне москвитян, а перейти на службу к Е. В. Королю, который начал эту войну за правое дело и с большим войском. Мы заверяли их, что в войске Е[го] В[еличества] Короля находится немало иноземцев, получающих хорошую плату. Москвитяне же имеют обыкновение, набирая к себе на службу иноземцев, по окончании войны задерживать их в своей земле. Мы привели им в пример случаи задержания людей из их народа, а также и наших, три тысячи которых москвитяне набрали, а потом, после завершения войны с королем Стефаном, не выпустили.

С этим письмом вознамерился ехать находившийся при нас монах-францисканец, немец родом. Мы его отпустили, надеясь, что он их, особенно французов, уговорит с помощью доводов веры. Наше послание оказало такое действие, что они прислали к нам трех своих товарищей, а с ними и двух наших пленников, без всякой замены, написав такое письмо:

«Мы получили ваше послание, в котором вы приводите примеры московского вероломства, изведенного вашими людьми. Мы просим избавить нас от таких посланий, ибо так добрая слава не добывается. Переговоры о пленниках мы доверили нашим людям». Мы разрешили им вы-брать в обмен на двух наших пленников трех своих, так как

хорунжего, которого Делаویل намеревался получить в обмен за Миховского, в живых уже не было.

Мы получили возможность устно переговорить с посланниками обо всем, что написали им в письме: правильное было бы им перейти к нам и сообща сражаться против москвитян, особенно французам, которые и верой и обычаями нам подобны, и в чужой земле, когда случится, живут в дружбе с нами. От французов в этом посольстве был Якоб Берингер (ему достался мой конь, который тогда убежал; коня я потом у него выкупил).

Они приводили нам свои доводы: «Мол, мы — люди, которые ищут славы, и наша слава состоит не в том, чтобы на стороне москвитян, народа столь грубого, воевать с вашим народом, равного в славе которому нет под солнцем. Но если бы с этим народом мы ваш завоевали, — это была бы слава». Разговоров *pro et contra* было немало, и, как показали дальнейшие события, они были не напрасны. Иноземцы приехали к нам пополудни, а выехали до полудня следующего дня. Сообща мы постановили прислать для дальнейших переговоров по двадцать человек с каждой стороны. Но осуществить этот замысел нам помешал бунт казацких рот: казаки не хотели допускать переговоров, а предлагали, когда надежды на помощь уже не будет, бросить крепость и уйти.

Сразу после переполоха мы послали к своему войску сорок человек за подмогой. Все они по дороге были рассеяны, несколько человек едва добрались до наших, но помощи не получили: некоторые в войске ответили, что мы хотим перехватить у них и славу, и заслуги. Так из-за их зависти мы и вовсе спасения не получили. В столь опасном положении пребывали мы в крепости вплоть до Рождества¹³⁶. Уже и голод нас терзал, ибо все припасы сгорели в предместье, а тех, что остались в детинце, хватило не надолго.

Отступление наших из крепости

Когда не удался съезд с иноземцами для переговоров, которыми мы наверняка обеспечили бы себе выход (если не более того), неприятель стал думать, как нас прижать, и занял дорогу, по которой мы могли бы уйти к войску.

Валуев был в Волоке — по левую руку от нас, а немцы — по правую. А между ними, как бы посередине, в миле от нас, Валуев поставил острожек и разместил в нем более тысячи людей. В день Вознесения¹³⁷ казацкие роты на выходе учинили бунт и оторвали от ворот запоры, — пришлось нам выходить, не раздумывая.

Мы могли идти только либо между Волоком и острожком, либо между острожком и немцами. Не успели мы выйти из крепости, как двое наших (один из которых — Забжицкий) нас предали: сбежали в Волок и дали знать Валуеву о нашем выходе. Уходили мы перед самым заходом солнца.

Был при нас Филарет Никитич¹³⁸, московский патриарх, отец нынешнего царя и несколько знатных бояр, которые перемещались с нами. Было у нас и более десятка немецких пленников. Всех этих людей мы растеряли во время сражения¹³⁹.

Получив вести от наших изменников, Валуев выслал людей вперед и на нашем пути, при гати, проходившей через болота, поставил засаду из нескольких сотен пехоты. Ночью мы миновали городок и уже успокоились, решив, что спаслись, как вдруг с тыла нашу замыкающую стражу с кличем атаковали москвитяне. Мы остановились, вступили в сражение и неприятель отошел. Но едва мы двинулись, враги стали нападать вновь и вновь, пытаясь задержать нас до рассвета. Днем нам пришлось отступить за речку Ламу, тем временем спустился туман: многие промахнулись мимо брода и оказались в воде. У реки мы хотели было преградить неприятелю переправу, но когда надо спастись — уже не до забав. Мы отошли от реки и, пройдя дальше, оказались совсем рядом с гатью. Услышав клич москвитян, сидевших в засаде впереди нас, мы поскакали, чтобы пробиться сквозь них: напали на гать и на стрельцов, находившихся рядом с ней. Ушел тот, кто не испугавшись стрельбы, пошел на гать и кого миновала пуля; а кто уклонился от стрельбы в сторону, увяз в болоте.

И так нас москвитяне зажали, — и спереди, и сзади, — такой погром устроили, что из полутора тысяч (столько мы считали и с донскими казаками, и с челядью) ушло нас, потеряв все хоругви, едва ли человек триста. А человеку, который не ведает, где искать свое войско, ухо-

дить было трудно. Мы были рассеяны и, пока собирались вместе, натерпелись страху достаточно. Некоторые, хотя и видели своих, не приближались, думая, что это москвитяне. Весьма помогли нам донские казаки: крестьянам в деревнях они назывались людьми Шуйского, и если бы не это, разузнать о своем войске было бы нам трудно.

В таком виде пришли мы к своим. Жаловали нас, но по-нашему не вышло. Мы потребовали суда над бунтовщиками, которые были причиной нашего отступления. Двое из них, наипервейшие, были обезглавлены.

Вытеснив нас из Осипова, немецкое войско двинулось к столице, а Валуев с восемью тысячами московской конницы, которым Шуйский доверял больше других, пошел за нашим войском следом и везде, где останавливался, окапывался и огораживался. Наши уходили к Смоленску, и уже под конец Валуев встал в двух милях от них — под Царевым Займищем¹⁴⁰. Как обычно, он окопался и поставил острог.

Польское войско под Смоленском

Наши войска, отступавшие от столицы, и те, что разошлись в разные стороны (что и привело нас к Осиповскому разгрому), — все названные отряды москвитяне преследовали, двигаясь к Смоленску. А там наши, простояв всю зиму, ничего не добились. С самого начала, прибыв под Смоленск, они попытались выбить хотя бы одни ворота петардой. Дело, казалось, пошло успешно: кавалер Новодворский¹⁴¹ со своими людьми ворвался в ворота, но, не получив подкреплений, был вытеснен и отступил. Москвитяне же стали петард остерегаться.

Наши устраивали подкопы, но и это не помогло, напротив, один москвитянин, проведав об этом, подрылся под наши подкопы и пороховым зарядом вывернул землю, засыпав Шемберка, — мастера наших подкопов. Он как раз находился в одном из них и лишь по великому счастью выбрался наверх.

Гетман Жолкевский

Тогда, не став дожидаться под Смоленском ни нас, ни москвитян, коронный гетман Жолкевский отправился к

нам навстречу, получив от короля инструкцию: предложить москвитянам (если до этого дойдет) [поставить] на государство королевича Владислава¹⁴². Гетман, имея небольшое войско, соединился с нами, и от Царева Займища мы сообща повернули на Валугева. А он, желая преградить нам переправу, в свою очередь вышел из острожка к находящейся рядом гати. Однако московская пехота была оттеснена от гати огнем нашей пехоты, а когда Валугев увидел, что за пехотой двинулись конные хоругви, то отступил в острожек (не без вреда для себя, ибо охотник на него был уже в пути). Тогда, близ острожка, во время погони за москвитянами, был убит пан Мартин Вейер.

Загнав неприятеля в острожек, наше войско переправилось, и пан гетман расположил свои отряды позади острожка, а находившихся при нем казаков поставил у гати, по которой мы прошли. Затем гетман стал думать, как острожек взять. У нас было несколько сотен польской пехоты, гетман взял и казаков: поставив в нескольких местах вокруг острога острожки поменьше, он разместил в них пехоту и казаков. В некоторых отрядах были пушки, и из них они обстреливали неприятеля, а тот из небольших пушек обстреливал наших. Временами москвитяне нападали на наши острожки, совершая вылазки, но наши обозы стояли рядом и подкрепления были всегда наготове, поэтому предпринять что-либо против нас было трудно.

С неделю держали мы их в осаде, так что они и высунуться не могли: никому из них было не выбраться, и вести к ним ниоткуда не приходили. Вдруг, пока мы стояли без дела, передались нам два немца из иноземного войска (это был результат наших осиповских переговоров). Они приехали в обоз и сообщили, что на подмогу войску в острожке идут московские и иноземные силы. Поведали, что сегодня это войско двинулось от Можайска и сегодня же будет ночевать под Клушиным, а Клушин был от нас в пяти милях.

Битва под Клушиным¹⁴³

Получив подобную же весть откуда-то еще, пан гетман собрал нас на совет: что делать? — ожидать ли их

здесь или выступить навстречу. Ожидать неприятеля было опасно, потому что рядом он имел подкрепления в восемь тысяч конницы. К тому же у нас место было узкое, неудобное для копейщиков и конницы и более выгодное для неприятеля. Отойти, сняв осаду, тоже было опасно, так как, забрав всех своих людей, мы оставили бы врага у себя за спиной. Или, может быть, часть оставить, а с другой частью войска идти против многочисленного неприятеля, — то есть разделить свои силы, — надо было поразмышлять. Ибо если мы двинем все свое войско против шести—семи тысяч немцев и двадцати тысяч москвитян, наших сил все равно будет недостаточно.

Что бы мы ни говорили, иного выхода не было: оставив часть войска в обозах и осадных острожках, свои силы мы были вынуждены разделить. В сумерках, крадучись, чтобы не заметили осажденные, мы вышли из обоза. К тому же нас заслонили кусты, за которыми мы располагались. Было это 4 июля 1610 года, в ночь с субботы на воскресенье. Сколько нас вышло, не ведаю, может быть тысячи четыре. Мы рассчитывали идти всю ночь, полагая, что войско неприятеля застанем под Клушиным. А они той ночью, миновав Клушин, продвинулись на милю к нам.

Три мили пришлось нам идти лесом, а потом, когда вышли в поле, первым хоругвям надо было подождать, пока все войско не выйдет из Царева. И тут произошла первая ошибка: мы его ждать не стали. Пока мы, оторвавшись, ушли вперед, стало светать. Думая только о Клушине, мы здорово разминулись с неприятельским войском. Случилось так, что у наших немцев заиграли сбор. Услышав звуки трубы, мы стали возвращаться, ибо зашли в какие-то труднопроходимые места. Находясь рядом с неприятельским войском, мы готовились к сражению, а ударить на них, не готовых к бою не могли, ибо из-за той самой ошибки (когда, выйдя из леса, не дождались своих) были вынуждены стоять над неприятелем и ожидать [свое] войско.

Пока мы дожидались наших, немцы и москвитяне нас тоже заметили и потому имели достаточно времени для приготовлений. Немецкое войско, пройдя из своего обоза

вперед, встало за плетнями, пехоту они поставили справа от себя. Москвитяне встали слева, возле своего обоза, который они уже начали укреплять частоколом и строить острог.

Выстраивались мы в широком поле, а наступать то и дело приходилось в поле более узком, к тому же на пути попалась деревушка. Хоть мы и не желали этого, но из-за деревни, а также из-за тесного поля наш строй нарушился. Одна часть наших встретилась с немецкими передними рядами, причем к ним пришлось продираться через плетни, и не везде в плетнях можно было найти проход, через который прошла бы шеренга в десять лошадей. Это место помогло немцам задержать нас, их конница три раза возобновляла стрельбу, пока другая часть [нашего] отряда внезапно не ударила их сбоку. Мы оттеснили немцев и сбоку, и спереди, а немалую часть их войска во главе с самим Понтусом завернули и погнали между московскими и немецкими обозами. Понимая, что проиграл, Понтус с несколькими сотнями человек бежал от нас несколько миль.

Стали вступать в сражение и остальные отряды с обозами и пехотой. Другая часть наших из упомянутого разделившегося отряда встретилась с москвитянами и погнала их так, что немалая часть неприятеля побежала, подобно Понтусу, но наши преследовали их недолго. Тут со своим обозом вступила в сражение еще одна часть москвитян во главе с гетманом Дмитрием Шуйским.

Здесь среди других достойны добрых слов ротмистры Адам Мархоцкий, пан Енджей Фирлей и Кшиштоф Васичинский. Когда вся иноземная пехота выстроилась за частоколом при своем обозе, пан Фирлей со своей свежей хоругвью (другие уже поломали копья) храбро ударил на нее и разметал. Мы с Васичинским помогали ему, имея только ручное оружие, ибо, переломав копья, могли вступить в схватку, имея в руках только сабли.

Копья уцелели только в хоругви Вильковского (к тому времени уже убитого), поручиком которой был Юзеф Цеклиньский. Эта хоругвь удержала для нас поле боя в то время, когда все другие смешались, а иные погнались за неприятелем; и с ней вступать в схватку нам было легче. Эта хоругвь выдержала-таки удар, даже московские пушки не могли сдвинуть ее с места. Но пушки

погубили коней и челядь, пали несколько важных персон (среди них — Янчинский).

В том сражении трудно пришлось нам только с немцами, и если бы Понтус не сбежал, встреча с ними была бы опасна. Тогда погибло немало наших ротмистров и товарищей, пал среди них и храбрый муж Станислав Бонк Ланц-коронский, а из товарищей — Анджей Борковский из хоругви гетмана. Полегло на поле и около двух сотен немцев.

Затем приготовились к схватке и мы, и москвитяне, и немцы. Мы только смотрели, — все поле между нами и неприятелем было пусто. Москвитяне тем временем начали с нашими гарцы, на которые с их стороны приехали два немца. Немного погарцевав, они подняли шляпы и поскакали к нашим. Потом приехало еще шестеро немцев, и они поступили так же. Раз от разу немцев переходило к нам все больше. Некоторые из наших уже ничего не предпринимали, а только подъезжали к немецким полкам и зазывали: «Сюда! К нам! Уже больше сотни ваших перебежало!» В конце концов немцы дали знать, что хотят вести переговоры: дайте, мол, залог. Мы дали им племянника гетмана пана Адама Жолкевского¹⁴⁴ и пана Петра Борковского: оба знали различные языки (такие нам тоже были нужны, ибо войско неприятеля состояло из разных народов). Прислали замену и немцы. Когда мы обменялись людьми и переговоры шли уже основательно, вернулся из своего бегства Понтус. Он захотел воспрепятствовать переговорам, но сделать этого никоим образом не смог.

Москвитяне, поняв, что немцы ведут переговоры, стали готовиться в дорогу и собирать палатки. Мы поняли, что они решили бежать. О том, что москвитяне бегут, дали нам знать и из немецкого войска. Мы двинули наши хоругви: одни пошли на обоз, бить тех, кто там остался, другие ринулись в погоню за убегающими. Гетман вел переговоры с немцами, — против всей мощи неприятеля мы могли его охранять всего несколькими хоругвями.

Быстро возвратившись из погони, наши снова построились, а там и переговоры завершились. Иноземное войско должно было идти в наш обоз вместе с нами, кроме Понтуса, который, устно переговорив с паном гетманом, отпросился для какой-то своей надобности к крепости

Погорелой¹⁴⁵ и уехал туда с несколькими сотнями своих людей, обещая гетману скоро вернуться.

В тот же день, в воскресенье, мы все вместе двинулись к обозу. Подошли к нему на следующий день, в понедельник. Осажденные москвитяне ни о чем не ведали, о нашем походе против их подкреплений тоже. И слава Богу: если бы узнали, наши, которых там оставалось немного, были бы без труда разбиты.

После похода мы рассказали осажденным, что их подкрепления разбиты, а иноземное войско, шедшее к ним, теперь находится с нами. Показали мы и другие свидетельства победы, показали и пленных, а среди них — важного боярина Бутурлина¹⁴⁶. Но москвитяне упорствовали, не веря нам, и сдались только через неделю и то с условием: никому иному, кроме королевича Владислава, крест не целовать.

К войску под Смоленск мы сразу отправили послов: пана Зборовского, пана Струся и некоторых других. Был послан к королю и я, чтобы отдать ему знаки победы в Клушинской битве и сообщить, что стоявшие в остроге восемь тысяч московского войска целовали крест на имя Е[го] В[еличества] Королевича, желая его в государи¹⁴⁷.

Сигизмунд III пытается взять Смоленск

В ожидании ответа пришлось нам немалое время держаться под Смоленском, ибо Его Величество Король и сам, если бы мог взять Смоленск, рад был бы поспешить к столице. Для взятия крепости все уже было готово: поставили коши, закатили пушки, пехота заняла шанцы, — только из пушек еще не начинали обстреливать. Впрочем, москвитянам весьма помогло то, что они не знали, откуда начнется приступ. Уж очень долго стояла наша батарея напрасно. Москвитяне тем временем насыпали за стеной очень широкий вал такой же высоты, что и стена, протянув его в длину на столько, на сколько им было нужно. Между стеной и валом они вырыли глубокий ров, а по бокам, где вал заканчивался, поставили оснащенные ружьями штакеты.

Тем временем пришло точное известие, что столица поддалась, в связи с чем наши под Смоленском устроили

большой триумф и объявили жителям, чтобы те по примеру столицы тоже сдались¹⁴⁸. Но те не захотели нашим верить, только сказали: «Если правда то, что вы говорите, то ступайте к столице, чья столица будет, того и мы».

А вскоре после триумфа мы начали обстреливать стены из пушек. За несколько дней была обрушена немалая часть стены, хорошо пробиты три башни, а стрелявшие оттуда вытеснены. Затем наши пошли на приступ. Товарищи из смоленского войска спешили и пошли на штурм.

Мы, послы, были при хоругви пана Станислава Любомирского¹⁴⁹, в то время сондецкого старосты, был с нами и он сам. Вел же всю конницу литовский маршалок Дорогостайский. Штурм оказался неудачным; наших побили и перестреляли столько потому, что вал защищал москвитян лучше, чем три стены. Не позволял подступиться к валу и ров.

Мы наготовили перед стенами множество мин, начиненных порохом. Когда подожгли мины, а пушки и рушницы начали производить страшный грохот, казалось, настал Судный день. Наши во время этого штурма отправили со стороны Днепра с петардой пана кавалера Новодворского, придав ему немного людей. Ему приказали ничего не предпринимать до [сигнала] и начать штурм с той стороны после перелома в сражении. Из-за этой проволочки, ибо он прождал до рассвета, москвитяне спохватились и ворота, к которым Новодворский должен был приладить петарду, засыпали землей, отогнав стрельбой и его самого. Запорожские казаки со стороны своего обоза ходили с лестницами, но и это не помогло. После неудач штурм прекратили и, чтобы разрушить вал пороховыми зарядами, стали делать подкопы. Результатов мы уже не дождались, и после нашего отъезда¹⁵⁰ ничего этим способом не было сделано: подкоп провели не под сам вал, а в его край; пороховые заряды подожгли, но сам вал лишь слегка задели, сделав его еще более неприступным.

Сапега с Дмитрием направляется к столице

Когда под Смоленском происходили описанные события, пан Сапега и с нашими, и с теми, кто подвизался при Дмитрие, не бездействовал. Опережая нас, он двинулся к

столице и по дороге встретил крымских и ногайских татар, которые шли на помощь Шуйскому. Сапега провел довольно крупную битву, после чего татары, пожав плоды московской службы, повернули в свою землю.

Тот же Сапега, продолжая двигаться с Дмитрием, пошел к Боровску¹⁵¹, городу неподалеку от столицы, где стояли десять тысяч людей Шуйского. Подступив к Боровску, сапежинцы захватили город штурмом, людей посекали и тоже пришли под столицу (с другой стороны — от Коломны)¹⁵². Жители столицы пребывали в страхе после клушинского разгрома и поражения под Боровском.

Бояре свергают Шуйского и выбирают царя

В столице москвитяне, видя себе отовсюду утеснение, пошли с первейшими боярами к Шуйскому и сказали: «Видишь, к чему мы с тобой пришли, уже нет возможности быть тебе царем. Положи посох!» (Это у них такая палка, как бы знак верховной власти, и на нем царь держит руку для целования). Сместив с государства Шуйского, москвитяне собрали у себя совет как бы для избрания другого государя.

На совете и при избрании государя они разделились на четыре партии. Одна партия (и была она сильной) хотела в государи королевича Владислава, другая — Дмитрия, третья — Михаила Федоровича¹⁵³, а четвертая — Василия Голицына¹⁵⁴. Если бы жив был Михаил Скопин-Шуйский, о котором я упоминал выше, то он имел бы тогда хороший шанс: его в государи согласились бы выбрать все. Но дядья, вовремя почуяв [опасность], его отравили. Так и умер он при великой скорби всех москвитян. Когда проходили выборы, партия королевича спешно послала к гетману, умоляя его как можно скорее дать подмогу против Вора (так они называли Дмитрия), — мол, мы королевичу Владиславу и столицу, и все государство отдадим.

Гетман Жолкевский спешит к столице

Тогда гетман послал им московское войско, которое сдалось на имя королевича в остроге, и оно сослужило им

хорошую службу против сапежинцев. Сам гетман поспешил следом. К нему на помощь с несколькими сотнями человек своего полка пришел пан Гонсевский (после взятия Белой, куда его посылали из-под Смоленска). Вскоре пан гетман встал с войском под столицей. Итак, наши расположились у столицы со стороны Можайска, а со стороны Коломны стоял с Дмитрием пан Сапега.

Когда войско Дмитрия не захотело ни уступить, ни присоединиться к нашему, пану гетману пришлось двинуть против него свое войско. Москвитяне отворили ворота и пропустили нас через весь город. Самих москвитян вышло с нами до тридцати тысяч человек, они требовали от пана гетмана, чтобы сам он непременно только встал [на поле], а их самих пустил бы на Дмитриево войско.

Пан Сапега приступил к переговорам, а Дмитрий, увидев снова такое дело, сбежал от него в Калугу¹⁵⁵. Сапега же встал при войске Е. В. Короля, с ним остался и Заруцкий, и немало бояр, подвизавшихся при Дмитрие, остался и татарин Касимовский царь¹⁵⁶.

Вся Москва присягает Владиславу

После этого вся Москва признала королевича и присягнула ему на верность. А пан гетман с полковниками и ротмистрами поклялся, что вскоре сам, без обмана, привезет королевича. Чтобы Владислав мог править в безопасности, москвитяне выдали Шуйских, но с условием — не вывозить их из Московского государства: они лишь могли находиться в какой-нибудь крепости под нашей охраной.

С просьбой прислать королевича к Е[го] Величеству Королю под Смоленск от всего народа снарядили послов: Филарета Никитича, в то время Ростовского митрополита, и Василия Голицына. Но этих послов затем отправили в Польшу как пленников¹⁵⁷. Бояре, оставшиеся в Москве, опасались измены простонародья, которое хотело встать на сторону Дмитрия, и уговаривали гетмана ввести войско в столицу.

Соображения, по которым гетман не хотел вести войско в столицу

Гетман, сперва согласившись на это, стал противиться. Уже были расписаны и назначены постой на роты и полки в Крым-городе [Кремле], Китай-городе и в Белых стенах¹⁵⁸, а гетман, собрав нас на круг, сказал:

«По правде сказать, я и сам был за то, чтобы поставить войско в столице, но сейчас, все осмотрев, мне есть о чем поразмыслить. Причины, по которым я считаю ненужным ставить там войско, сейчас в столь многолюдном собрании, называть не годится. Направьте ко мне в палатку по два человека от полка, и я им все открою».

Когда мы собрались в палатку гетмана, он поведал нам эти причины: Москва — город большой и многолюдный, почти все суды московских государств находятся в крепости, и все провинции имеют Разряды (по-нашему канцелярии). «Мне, — сказал он, — постой назначен в крепости, вам же — одним в Китай-городе, другим — в Белых стенах. Бывает так, что в крепости собирается для судов и по пятнадцать, и по двадцать тысяч человек. Улучив момент, они в крепости нападут на меня, мое войско сметут, а там и вы не удержитесь. К тому же у меня нет пехоты, все вы — люди, непривычные к пешему бою, а у них — зубцы и башни, у них — крепкие ворота».

Гетман привел в качестве примера гибель Дмитрия и состоявших при нем в столице наших людей. «Мне думается, — сказал он, — будет лучше, если я поставлю войско в слободах вокруг столицы: город будет как бы в осаде, и жители, глядя на это, поймут, что поднять бунт будет нелегко».

Противоположные соображения. Войско входит в столицу

Наш полк, который называли полком пана Зборовского, больше других хлопотал о том, чтобы войти в столицу, потому что мы служили при Дмитрии почти три года. Плату за них мы могли получить, если бы удержали столицу для нового государя. Желали этого и полки, которыми командовал пан Сапега, но их с нами уже не

было: пан Сапега отошел на другое становище — в Северскую землю.

От нашего полка депутатами были я и поручик роты Млоцкого Витковский. Я упоминал, что те, кто пришел недавно с Е[го] Величеством Королем и с гетманом, видели в этом деле мало пользы. Они приняли предложение гетмана, имея в виду те неприятности, которые могли иметь место (а потом и действительно были) в столице. Только мы с Витковским надоедали гетману, споря с ним. Да уж и Витковский не очень, более всего я.

Сперва я сказал: «В[аша] Милость, мой милостивый господин не может считать, что москвитяне столь же сильны сейчас, сколь были сильны при Дмитрие, а наши столь же слабы, сколь те, кто приехал на свадьбу Дмитрия. Пусть Ваша Милость спросит москвитян, и они В[ашей] Милости скажут, что со времени прихода Рожинского и до сего дня только сынов боярских погибло трижды по сто тысяч. В прошлом разгроме наших людей виноват был сам Дмитрий: готовясь к войне с Крымом, он устроил так, что вся земля собралась к столице. И то, собравшись в таком множестве, москвитяне отважились напасть на наших только после измены, а наши и людей военных не имели (всего-то было три хоругви). Мы же приехали на войну, а не на свадьбу, и если понадобится, будем драться и пешими (ведь когда случится, между собой мы бьемся и пешими). То, что у В[ашей] Милости, моего милостивого господина мало пехоты, а стоять надо в Крым-городе, где у москвитян есть повод собираться в великом множестве, так к той пехоте, которую имеет В[аша] Милость, мы будем давать каждый день из каждой хоругви столько пеших людей с одними рушницами, сколько В[аша] Милость запросит. В[аша] Милость, мой милостивый господин говорит, что у москвитян зубцы и башни, крепкие ворота. Но пока мы будем жить вместе с ними, разве у нас не будет тех же ворот, тех же зубцов и башен? А если В[аша] Милость продолжает сомневаться и по-прежнему опасается поставить все войско в столице, пусть В[аша] Милость поставит один наш полк: мы решили дожидаться в Москве либо смерти, либо награды».

Гетман слушал меня терпеливо. Тогда я стал спорить с его предложением поставить войско по слободам:

«Если В[аша] Милость, мой милостивый господин поставит войско в слободах, думается мне, что этим В[аша] М[илость] подвергнет войско большей опасности, чем разместив его в городе. Совсем недавно установилась у нас с москвитянами приязнь, а мы уже так беспечны, что бóльшая часть наших из обоза всегда бывает в Москве, и ездят они так неосторожно, как и в Краков бы не ездили. наших бывает в столице временами великое множество, и собираются они не в одном месте, а ходят свободно, кому где нравится. Было бы то же самое, и даже больше, если бы мы встали по слободам, — наших всегда было бы больше в городе, чем при хоругвях.

Москвитяне, улучив момент, предусмотрительно закроют город, переловят тех, что внутри, а оставшихся отбросят от стен. Намного "лучше" и "безопасней" В[аша] Милость сделали бы в том случае, если бы отвели войско как можно дальше от столицы».

Тут он меня одернул: «Я не вижу выхода в том, что предлагает В[аша] Милость, пусть тогда В[аша] Милость будет гетманом, а я В[ашей] Милости сдам командование».

Я сказал: «Булавы В[ашей] Милости, моего милостивого господина я не желаю и своими уговорами больше надоедать не буду. Но заверяю Вас, что если В[аша] Милость не поставит войско в столице, не пройдет и трех недель, как москвитяне изменят. А от своего полка заверяю Вас также в том, что еще три года мы не будем стоять, добывая Москву».

На том мы тогда и разошлись. А потом приехал в столицу пан Гонсевский, в то время литовский референдарий, с ним прибыл также пан Петр Борковский. Они оба ездили на переговоры с боярами, ибо были опытны в этом деле. В частных беседах они подговаривали пана гетмана, чтобы он, не раздумывая, ставил войска в столице, ведь и сами бояре ничего другого не советовали.

Тем временем, когда войско уже входило в столицу, Заруцкий ездил к королю под Смоленск, там его приняли не с таким почетом, как он себе представлял, и на какой надеялся. Обидевшись, он поехал снова к Дмит-

рию в Калугу. Ездил с ним и Касимовский царь, но вернулся, а потом отпросился у пана гетмана, чтобы съездить в Калугу и забрать находившегося там сына.

Когда Касимовский царь приехал в Калугу, Дмитрий заподозрил его в измене и приказал убить. Смерть Касимовского царя была причиной смерти и самого Дмитрия, о чем я расскажу ниже. Имея при себе Заруцкого, Дмитрий снова укрепил свое положение. Бояре в столице очень его опасались и поэтому, не доверяя простонародью, просили, чтобы наше войско встало в Москве.

В день Св. Михаила пан гетман ввел нас в столицу¹⁵⁹, сам он пробыл с нами три недели¹⁶⁰. Ему показалось мало ввести всех нас и, прибавив полк Струся¹⁶¹, гетман поставил его в Можайске, что сразу же ограничило нас в деньгах, и мы должны были жить на гроши. Только потом бояре назначили и раздали нам приставства, с которых после добавили припасы.

Сигизмунд III отказывается прислать в Москву королевича

Тем временем гетман почувствовал, что под Смоленском отношение к присылке королевича изменилось. Боярам эта проволочка была досадна. Перед этим до них дошел слух, что Шуйские и послы отправлены в Польшу. Гетман выхлопотал у нас разрешение съездить под Смоленск, говоря, что мол, если я сам не отправлюсь, королевич к вам не приедет. Лишь под этим предлогом мы разрешили ему уехать, а иначе бы непустили. Гетман оставил вместо себя Гонсевского, который строго взыскивал и за нарушение порядка, и за пренебрежение осторожностью.

Гетман не смог добиться у короля исполнения того, что тот ему обещал, и, недовольный, уехал в Польшу, к нам он уже не вернулся. Пан Гонсевский сколько мог обманывал москвитян то такими извинениями, то этакими. Все шло более или менее спокойно до Рождества, но уже тогда показывались искры, обернувшиеся вскоре небольшим пламенем.

Ляпунов поднимает москвитян на бунт

Находясь в Переяславле Рязанском, Ляпунов¹⁶² стал будоражить москвитян и разослал по всей земле письма: мол, литва (так они нас называют) слова, данного нам, не сдержали, королевича в столицу не дали, обманывают нас, замышляя дурное. Против этих писем, наши бояре послали свои, объявляя, что все это неверно, а Ляпунов — изменник, государю своему верности не соблюдает.

Пан Гонсевский сообщил обо всем королю, советуя выслать из Смоленска людей, чтобы разбить Ляпунова, пока он не очень силен: ведь поначалу у Ляпунова не было при себе и двухсот человек. Но под Смоленском этим советом пренебрегли, а нам выходить из столицы к Переяславлю показалось неразумным, потому что москвитяне ворота нам больше не откроют; а отправим часть [людей] — от наших сил ничего не останется.

Дмитрий убит в Калуге. Кто такой Заруцкий?

Итак, с началом 1611 года, Ляпунов набирал все больше силы. А в начале той же зимы в Калуге убили Дмитрия¹⁶³. Вот как это произошло. Он держал несколько десятков конных татар, вверив им свою жизнь. Старшим над ними был Петр Урусов¹⁶⁴, крещеный татарин, которого ныне в орде зовут Урак Мурзой. Будучи родственниками Касимовского царя, татары вознамерились отомстить за его смерть. Они выманили Дмитрия в поле якобы поохотиться на зайца, там его застрелили, а сами ушли в орду.

Царица осталась с новорожденным наследником, при котором встал Заруцкий. Заруцкий начал сноситься с Ляпуновым, договариваясь действовать сообща и помогать друг другу. Так силы Ляпунова стали расти. Раз уж так

часто упоминается здесь Заруцкий (и ниже его еще не раз встретим), следует рассказать, кто он такой. Родом из Тарнополя Заруцкий, будучи ребенком, был взят в орду. Там он и научился хорошо понимать татарский язык, а когда подрос, ушел к донским казакам и прятался у них много лет. С Дона, будучи среди казаков уже головой и человеком значительным, он вышел на службу к Дмитрию. К нам он был весьма склонен, пока под Смоленском его так жестоко не оттолкнули. Был он храбрым мужем, наружности красивой и статной.

Гонсевский в столице.

Плата, выданная войску из московской казны

В столице же опасность все возрастала. Верные бояре предупредили нас об этом и разрешили охранять ворота Китай-города и Крым-города, и следить за тем, чтобы ни один москвитянин не проходил внутрь с оружием. Но что мы могли поделать против столь многочисленного просто-народья, да еще и не имея рушниц. Глядя на то, как мы стережем ворота, москвитяне смеялись и называли нас покойниками.

Пан Гонсевский собрал совет, на котором некоторые из нас высказались за то, чтобы послать под Смоленск (а было это в мясопуст¹⁶⁵) и убедить короля немедленно прислать королевича. Мы рассчитывали, что этим укрепим наших московских сторонников, и потому просьбу гетмана поддержали. Однако победили те, кто боялся, что после войны король ничего не заплатит: мол, пусть он завершает войну, как хочет, а мы лишь солдаты и нам нужны деньги, так что будем держать столицу.

Я сказал им, что деньги — еще не означают, будто война закончилась, а именно об этом нам следует думать. Если король не хочет дать королевича, пусть разрешит нам самим о себе позаботиться. А выход был прост: посадить на престол кого-нибудь из первейших бояр с условием, что он оплатит нам службу, — глядишь, и для Речи Посполитой что-нибудь выторгуем. Но эта мысль так в уме и осталась.

А напоследок сказал я: «Помните, что если денег вы и добьетесь, то столицу все равно не удержите. Мы от-

правляли послов с требованием жалованья, но оно не было собрано». Лишь когда дела изменились, а войско продолжало стоять на своем, Е[го] В[еличество] Король отправил комиссаров, чтобы они, взяв с собой людей, знающих цену подобным вещам, разделили между нами московскую казну. Да и здесь надо было поступить так, как предлагал пан Гонсевский: в казне было немало золота и серебра, и если бы король прислал мастеров монетного дела, то войско получило бы деньги за целую четверть, а все остальное досталось бы королю. Я не знаю, почему к этому совету не прислушались.

Казну растратил большей частью царь Шуйский, а мы разбирали уже остатки, среди которых была [статуя] Иисуса из чистого золота, весом, наверное, в тридцать тысяч червонных злотых. А вот двенадцать апостолов, тоже золотых (ростом с человека), Шуйский отдал перелить в червонные злотые и раздал иноземцам. Наши, обуреваемые жадностью, не пощадили и Господа Иисуса, хотя некоторые предлагали отослать его в целости в Краковский замковый костел — в дар на вечные времена. Но получив «Иисуса» из московской казны, наши разрубили его на куски и поделили между собой.

Москвитяне сердятся на поляков

Дела москвитян под Смоленском шли все хуже. Своего обещания о присылке королевича мы так и не выполнили. Задевало их и то, что от имени короля раздавались всякие грамоты, так что люди, которые были в Москве звания низкого и подлого, приезжая под Смоленск, получали высокие должности. Это очень сердило москвитян, особенно тех бояр, что были на нашей стороне.

Я как раз был свидетелем этого. Ржевскому¹⁶⁶ (так звали боярина) дали под Смоленском окольниковство (это примерно то же, что у нас высокая каштеляния). Он явился с этими листами к боярам. Как раз был совет, и на нем, как всегда, присутствовал пан Гонсевский, случилось и мне там находиться. Ржевский был встречен с обидой и негодованием, но лишь Андрей Голицын¹⁶⁷, человек твердый духом и видной наружности, решил обратиться к Гонсевскому с такими словами:

«Господа поляки, кривду великую мы от вас терпим. Признали мы королевича государем, а вы его нам не даете и пишете к нам грамоты не его именем, а именем короля, раздавая дани и чины, что и теперь видеть можете. Люди низкого звания с нами, большими, поднимаются, будто ровня. Или впредь так не делайте, или нас от крестного целования освободите, и мы сами о себе помыслим». На этом пан Гонсевский с ними расстался, а Голицын с той поры был у нас в подозрении. Потом по приказу бояр его отдали за приставы, не разрешив выходить из дома.

Тем временем опасность все возрастала. Прошел мясопуст, наступил пост¹⁶⁸. Ляпунов в далеких краях собирал войска и восстание все разрасталось. Дошло до того, что, имея совсем немного людей, пан Гонсевский вынужден был послать на разгром Серпухова (так назывался один из восставших городов) Кшиштофа Восичинского с несколькими хоругвями.

Резня в столице

Потом настало Вербное Воскресенье¹⁶⁹, во время которого мы более всего опасались бунта, ибо в этот день патриарх выезжает святить воду на Москве-реке и на церемонию стекается множество народа. У нас был повод опасаться этого дня еще и потому, что в дальних крепостях были убиты несколько наших людей, а остальные ушли, сильно потрепанные. Но мы все это терпели, не очень полагаясь на свои силы, которые были слишком малы для города в сто восемьдесят с лишним тысяч дворов.

В этот день упрекнул нас весьма к нам расположенный боярин Салтыков¹⁷⁰: «Вам сегодня москвитяне дали повод, а вы их не побили; они вас придут бить в будущий вторник. Я дожидаться этого не буду, возьму свою жену и поеду к королю».

Он считал, что мы должны упредить удар москвитян, пока в город не вошли подкрепления, посланные Ляпуновым (а Салтыков ждал их именно во вторник). Так что ко вторнику мы приготовились: на башни и ворота Китай-города и Крым-города втащили пушки. А во втор-

ник случилось то, чего не ожидали ни мы, ни москвитяне. Если жители города что и замышляли, то дожидались голов¹⁷¹, по-нашему — предводителей, а их-то и не было, ведь первейшие бояре были на нашей стороне. И в тот день москвитяне в Китай-городе, где находились склады всевозможных товаров и лавки первейших купцов, беспечно покупали и продавали.

На рынке всегда были извозчики, которые летом на возах, а в то время на санках, развозили за деньги любой товар, кому куда надо. Миколаю Коссаковскому было поручено втащить пушки на ворота у Львицы¹⁷², и он заставил извозчиков помогать. Это и послужило началом бунта. Поднялся шум, на который из Крым-города выскочила немецкая гвардия (восьмитысячный отряд перешел на службу к королю после Клушинской битвы) под предводительством Борковского.

Тут же схватились за оружие и наши люди, вследствие чего только в Китай-городе в тот день погибло шесть или семь тысяч москвитян. В лавках, называемых клетями и устроенных наподобие краковских суконных рядов, тела убитых были навалены друг на друга. Люди бежали к воротам, показывая знаками, что они ни в чем не виноваты. Я не разрешил их трогать и пропустил через свои ворота до полутора тысяч человек.

Страшный беспорядок начался вслед за тем в Белых стенах, где стояли некоторые наши хоругви. Москвитяне сражались с ними так яростно, что те, опешив, вынуждены были отступить в Китай-город и Крым-город. Волнение охватило все многолюдные места, всюду по тревоге звонили в колокола, а мы заперлись в двух крепостях: Крым-городе и Китай-городе. Надо было как можно скорее искать выход. И решили мы применить то, что ранее испробовали в Осипове: выкурить неприятеля огнем.

Поляки жгут Москву

Удалось нам это не сразу; москвитяне нас не пускали, мы перестреливались, делали вылазки. Наконец в нескольких местах был разложен огонь. Не иначе, как сам Господь послал ветер, который раздул пламя и понес его

в противоположную от нас сторону. Однако к вечеру огонь перекинулся и на Китай-город, так что загорелось несколько дворов. Божий промысел нас хранил: по воле Всевышнего огонь поднялся столбом, и, хотя мы от пожара не защищались, больше ничего не сгорело.

Когда загорелось и у нас, наши бросили свои ворота и зубцы и побежали спасать добро. Господь уберег нас снова: москвитяне из Белых стен на наши ворота не напали.

Так закончился для нас этот день. Ночь мы провели беспокойную, ибо повсюду в церквях и на башнях тревожно били колокола, вокруг полыхали огни, и было так светло, что на земле можно было иголку сыскать. Переночевав, стали думать, что делать дальше. Бояре сказали: «Хоть весь город сожгите, как уже часть его сожгли, — стены вас отсюда не выпустят. Надо всеми силами стараться зажечь заречный город. Вокруг него лишь деревянная стена: сможете и сами выходить, и подкрепления принимать».

Узнав о нашей беде, из Можайска пришел пан Струсь, хоть и не обязан был этого делать. Москвитяне упорно защищали заречный город, ибо он был стрелецкой слободой, и там было кому сражаться. Но, наконец, с большим трудом и немалыми потерями наши своего добились — город запылал. Огонь катился дальше и дальше — до самой стены, — ее уже никто не пытался спасти. Деревянные стены выгорели дотла, люди уходили из города в окрестные слободы и монастыри. Был оставлен и Белый город: все люди ушли в поле, так что наши, не встретив сопротивления, выжгли и его до основания. Этот пожар все разорил, погубил великое множество людей. Великие и неоценимые потери понесла в тот час Москва.

Назавтра, то есть в четверг, жители города Москвы, отчаявшись получить помощь извне, запросили пощады и стали сдаваться. Приняв это их проявление покорности, мы запретили избивать москвитян и вскоре протрубили отбой. Тем, кто сдался и вновь целовал крест королевичу Владиславу, было приказано носить [особые] знаки — перепоясаться рушниками. Таким образом, после Велико-

го Четверга мы установили мир. А в Великую Пятницу¹⁷³ получили известие о том, что идет Просовецкий¹⁷⁴ с тридцатью тысячами [войска] и находится уже поблизости от города.

Просовецкий с войском прибывает на помощь Москве

Против него пан Гонсевский отправил часть войска с паном Зборовским и паном Струсем. Схватка конницы не была слишком ожесточенной, но когда Просовецкого стали теснить, он, потеряв с двести человек, ушел в свои гуляй-города. Чтобы атаковать их, у наших не было людей, поэтому на ночь они вернулись в город. А Просовецкий отступил на несколько миль со своим войском, дождался Ляпунова и некоторых других с большими силами. Соединился с ними Заруцкий. В Великий Понедельник¹⁷⁵ все это стотысячное войско пришло под столицу и встало за Москвой-рекой у Симонова монастыря¹⁷⁶.

Москвитяне сразу заняли монастырь, а вокруг, несмотря на многочисленность своего войска, расставили гуляй-города. Через несколько дней мы всем войском вышли к ним в поле, оставив в крепости горстку людей. Подошли мы к обозу очень близко, но неприятель к нам выйти не захотел. Здесь же неподалеку была маленькая деревушка, она была занята стрельцами. Чтобы выбить их оттуда, Гонсевский направил немецкую пехоту (у него было около сотни мушкетеров), но та ничего не смогла сделать. Стрельцы ее оттуда вытеснили и ряды мушкетеров поредели. Наша пехота отошла к коннице, но потом и нам, конным, московская пехота стала наносить урон. В моей хоругви был ранен один из товарищей — Юрковский. Пуля попала ему в глаз и застряла в голове, а сам он замертво упал вместе с убитым конем. Это нас отрезвило.

Дошло до того, что товарищи, у которых были длинные рушницы, спешивались и вели перестрелку с пехотой. Хоругви мы отвели подальше, ибо стоять вблизи было бесполезно. Московская пехота отступила, выманить же конницу мы не сумели, долго стоять впрочем — тоже; пришлось уходить к городу. Увидев это, москвитя-

не двинулись за нами, используя хитрую уловку: как только мы к ним поворачивали, москвитяне уходили назад, мы к городу — они за нами. Поэтому наше отступление с поля боя было трудным и опасным; враг использовал такую хитрость: двинешься к нему — убегает, повернешь назад — он за тобой. Однако, с Божьей помощью, ушли мы удачно и больше нападать на них не дерзали — не было силы. Потом пробовали наши подобраться к монастырю с петардой, но у них ничего не вышло.

Москвитяне запирают наших в крепостях

Вскоре на тот же обоз решил напасть со своим полком один из наших людей. Пан Гонсевский разрешил, но с условием: не переходить Язузу¹⁷⁷. Тот вышел и встал на другой стороне, на пепелище. Увидев это, москвитяне обрушили на него удар, а у наших не было даже удобного для копейщиков места — пришлось им уходить прямо к городу. Москвитяне же набрались храбрости и той же ночью стали перебираться в Белые стены, которые мы не смогли занять полностью (нас было мало, а место обширное), и оказались по соседству с нами.

Ранехонько, едва рассвело, глядь, — а москвитяне уже большую часть Белых стен заняли. Между стеной и рекой Яззой они поставили свой обоз, один конец которого упирался в берег Москвы-реки, а другой протянулся к [реке] Неглинной¹⁷⁸, протекающей через город.

Увидев это, мы поняли, что избавиться от них будет трудно, да и испугались, как бы они не заняли все Белые стены вокруг нас, а потому мы захватили оставшуюся часть стен, что на другой стороне Неглинной. А именно: Никитские ворота, в которых мы разместили две сотни немецкой пехоты. Эти ворота были рядом с Тверскими, которыми москвитяне владели прочно. Вторыми нашими воротами были Арбатские, третьими — Чертольские, а четвертыми — наружная угловая башня над Москвой-рекой о пяти верхах¹⁷⁹ и Водяная башня¹⁸⁰. Везде мы поставили польскую пехоту, которой у нас было всего сотни две. Так и остались: мы — с одной стороны, а москвитяне — с другой. Случилось это вопреки и нашему, и их желанию.

Взятие Смоленска

Вскоре после Пасхи король взял Смоленск (13 июня 1611). Часть стен [города] была захвачена при помощи лестниц, а часть разрушена инструментом наподобие петарды, заложённым в сточной канаве. Наши во главе с кавалером [Новодворским] ворвались внутрь и захватили всю крепость. Сам Шеин, старший в крепости, долго оборонялся на одной из башен, но был взят в плен. К тому времени москвитян в крепости осталось немного: вымерли от начавшегося во время долгой осады морового поветрия. Но некоторые из них были столь упорны, что, не желая попасть в руки нашим, начинали [свои одежды] порохом и подносили огонь.

После взятия крепости король пробыл под Смоленском недолго и вернулся в Польшу (вместо того, чтобы идти к столице). Если бы из-под Смоленска войска пришли к столице и поставили свой обоз в тылу у московского войска, то последнему пришлось бы так туго, что москвитяне непременно склонились бы перед королем. Если бы мы и тогда не принудили неприятеля к сдаче, то наверняка сделали бы это после прихода войска Сапеги.

Москвитяне пытаются вернуть столицу

Ввиду столь близкого соседства в столице, когда москвитяне сидели в Белых стенах, а мы — в Китай-городе и Крым-городе, неприятель решил укрепиться и продвигаться к Китай-городу. При двух каменных церквушках, поодаль от своих стен, москвитяне поставили два острожка¹⁸¹, разместили в них людей, втащили на церкви небольшие пушки, из которых и стреляли в нашу сторону.

Сначала, видя, что москвитяне пробираются в Белые стены, мы этому не противились и не сделали ни одной вылазки. А когда они укрепились, мы вдруг решили, что сможем их выбить за стены. В пятницу устроили мы пешую вылазку чуть ли не всем войском и сразу из трех ворот: Никольских (пана Струся), моих, под названием Ильинские, и Всехсвятских (Млоцкого)¹⁸². Одни из нас пошли к стенам, другие напали на острожки. В острожке напротив моих ворот москвитяне [были] испуганы натис-

ком, и мы их выбили. Я со своей хоругвью был уже внутри, а мои люди поворачивали пушки. Но наши были уже отовсюду отброшены и находились в опасности как никогда прежде. Впрочем это и не удивительно, ведь для людей, привыкших сражаться в конном строю, это была первая пешая вылазка. Я же в церкви перед своими воротами разместил тридцать человек с двумя гаковницами¹⁸³ и затем, во время вылазки, когда я вынужден был отступить из острожка, ушел к этой засаде и закрепился со своей хоругвью, не пробиваясь под стены. Потом мы немного поправили дело и оттеснили москвитян к их стенам. Но все равно мы ничего не добились и, потеряв немало людей, должны были уйти восвояси.

Пока под столицей не встал пан Сапега, мы снаряжали за город сторожевые хоругви, обеспечивая нашим безопасный въезд. Однажды во время моей стражи донские казаки, перейдя Москву-реку, внезапно на нас напали. Им, слава Богу, не повезло, а мы среди пленных взяли одного важного казака, побратимом которого был казак Сидор. А этот Сидор был головой (как бы начальником) казацкого войска, и хлопотал о том, чтобы освободить своего товарища.

Ловкие действия пана Гонсевского

Когда подвернулся этот случай, пану Гонсевскому пришлось на ум написать письма, будто бы разосланные Ляпуновым по всем крепостям: мол, где ни случится какой-нибудь донской казак, всякого следует убивать и топить. А когда даст Господь Бог московскому государству успокоение, он [Ляпунов] этот злой народ [казаков] якобы весь истребит. Затеяли мы переговоры с Сидором по поводу обмена его товарища. Сидор потребовал, чтобы мы, взяв залог, поставили на переговоры и того пленника. Мы устроили так, что пленник сам отдал Сидору письма, говоря: «Вот, брате, видишь, какую измену нашей братии, казакам, учинил Ляпунов. Вот тебе письма (их литва получила), что разослал он в некоторые города». Сидор, взяв письма, на эти слова изрек: «Вот же мы его, блядина сына, теперь убьем».

С тем и разошлись мы: он — к своим таборам, а мы — к своим. Письма показали казакам в таборах. Они сразу собрали круг (по-нашему — коло), послали за Ляпуновым, требуя его в середину. Ляпунов, почуяв измену, прийти не захотел, а сказал: «Пусть ко мне пришлют разрядных людей (как бы доверенных), и я с ними, о чем надо будет, поговорю».

Казаки же, поверив письмам, его не послушали и требование не выполнили, а пошли с оружием к Ляпунову в стан и убили его¹⁸⁴. В тот день у них творился страшный беспорядок. А их старшины и сам гетман Заруцкий так перепугались, что даже сбежали.

Уничтожив таким образом Ляпунова, мы надеялись, что москвитяне будут вести себя тише. Но они между собой помирились и вместо Ляпунова выбрали себе старшим князя Трубецкого¹⁸⁵. Пан Гонсевский более не стал сеять раздор при помощи казаков, а сделал это через поляков (некоторые из наших были с москвитянами еще со времени [первого] Дмитрия). Гонсевский договорился с ними, что в определенный день мы нападём, а они нам уступят свои квартиры в Белых стенах и башни. Захватив все это, мы без труда выкурили бы москвитян из обозов, что стояли под теми же стенами.

Но случилось так, что один из наших иноземцев сбежал к москвитянам и рассказал обо всем, так что уловка не удалась: наших взяли на пытки, и когда они во всем признались, погубили ужасной смертью, посадив несколько человек на колы.

Сапега прибывает под столицу. Стычки с москвитянами в городе

Вскоре после Святков к столице подошел пан Сапега с пятью тысячами войска. Он встал обозом со стороны наших ворот, рядом с Девичьим монастырем¹⁸⁶, в котором мы разместили две сотни немцев. С приходом Сапеги мы, охраняя ворота, почувствовали себя в большей безопасности и могли не высылать конных дозоров.

Однако во время всего нашего пребывания за стенами, как до прихода Сапеги, так и после, мы совершали частые и крупные вылазки. Редкий день обходился без

них, потому что стычки случались по малейшему поводу: надо ли было нашим добыть сена для лошадей или соли и дров для себя. Там был соляной двор¹⁸⁷, где, несмотря на пожар, осталось достаточно соли. Москвитяне тоже приходили за солью, и когда они оказывались поблизости, тут же возникала ссора.

Во время стычек обгорелые печи и погребца были нам вместо шанцев. Мы прятались за одни печки, москвитяне — за другие, а если не могли друг друга достать из рушниц, хватались за кирпичи, до тех пор, пока одна из сторон не выдержит и, отстреливаясь, не обратится в бегство.

Бывало, запирались в церквах мы, бывало — москвитяне, и тогда наши пытались их выбить. Как-то раз мой племянник Адам Мархоцкий с двадцатью пахоликами из разных рот в течение нескольких часов, пока наши не подоспели на подмогу, оборонялся в церкви от многочисленного простонародья.

Иногда против московских таборов выходила наша конница. Так в день Св. Иоанна Крестителя¹⁸⁸ пан Струсь со своим полком решил выйти за Москву-реку, на пепелище заречного города. Москвитяне нас часто оттуда беспокоили и наши предложили их проучить, на что Струсь получил не только согласие, но и полк Вейера в придачу. Против наших двинулись и москвитяне, но с уже бóльшим, чем обычно, войском. Битва не принесла нам успеха: поначалу наши потеснили неприятеля, но затем, когда подошли подкрепления из московского обоза, отошли с большими потерями. Если бы пан Сапега не прислал подкреплений из своего обоза, урон был бы еще больше.

Сапега с войском уходит за Волгу

Еще одну вылазку, пешую, но столь же крупную, мы предприняли к воротам, называвшимся Петровскими, но и та не удалась.

Вскоре пану Сапеге надоело стоять со своим войском под столицей и он решил отправиться за припасами. Мы отпустили его и послали с его войском половину своих почтов¹⁸⁹ и по нескольку товарищей из каждой хоругви: всего три с половиной тысячи человек, старшим над ними

Царь Иван Васильевич IV (Грозный)

Царь Борис Федорович Годунов

Шуйскій князь

Василіе Іоанновичъ
Всѣя Русіи

Царь Василий Иванович Шуйский

Патриарх Филарет

Скопин-Шуйский

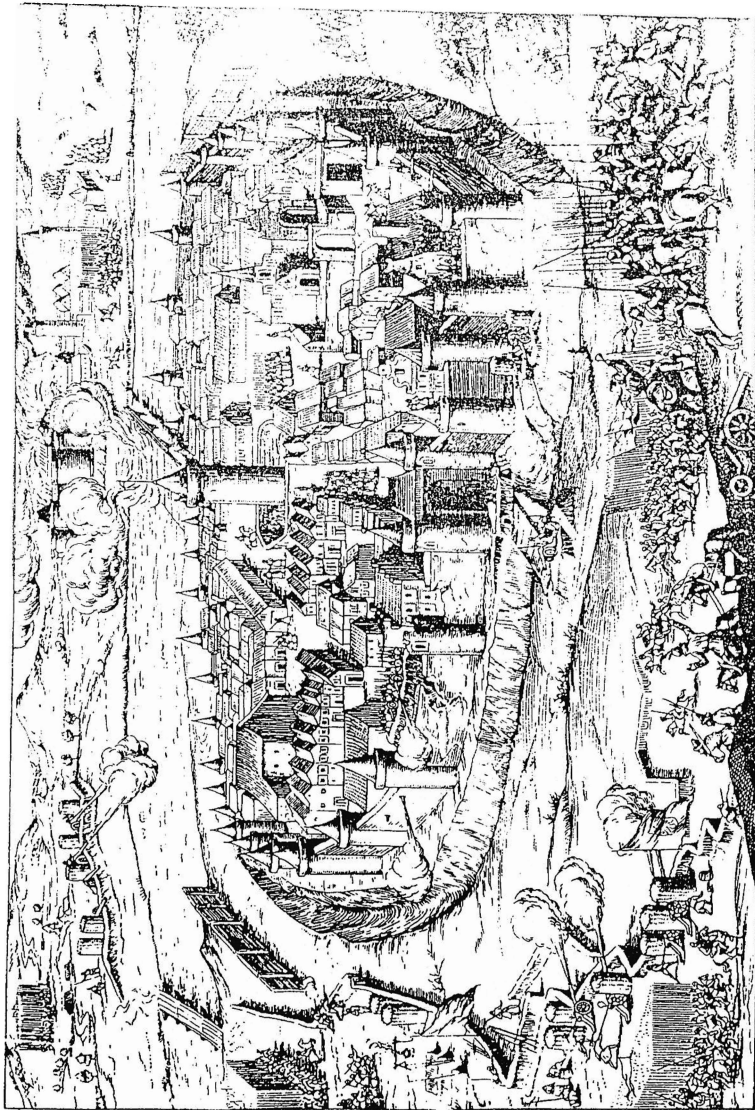

Лжедмитрий I

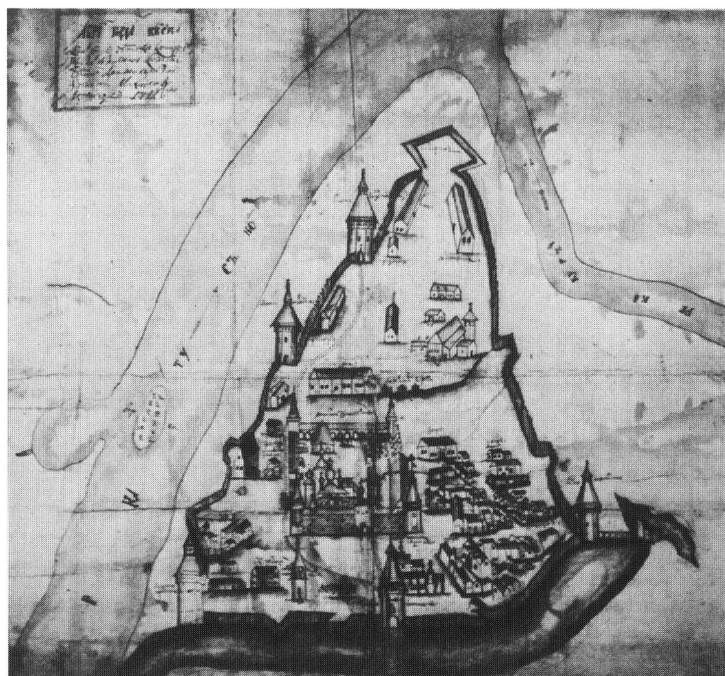
Стефан Баторий, польский король

Осада Смоленска
войском польских
феодалов
в 1609 — 1610 гг.

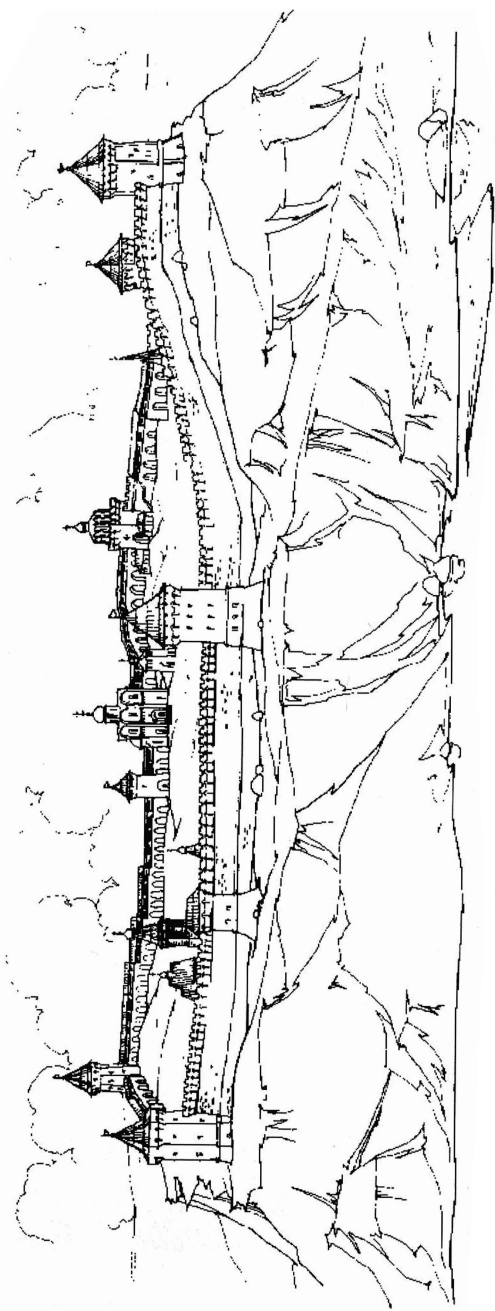

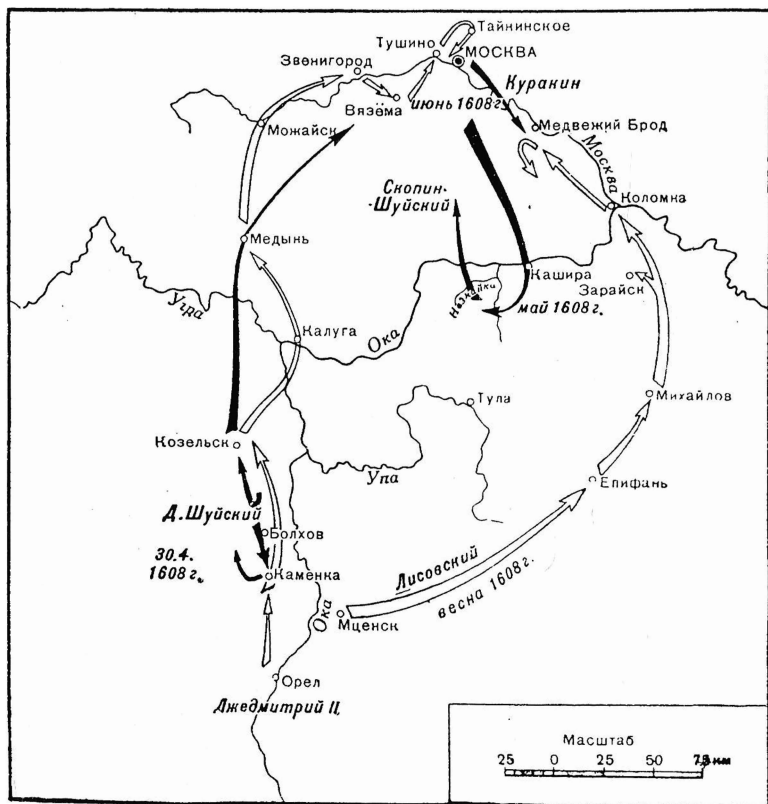
Сергиев Посад. Центральная часть монастыря в XVI в.

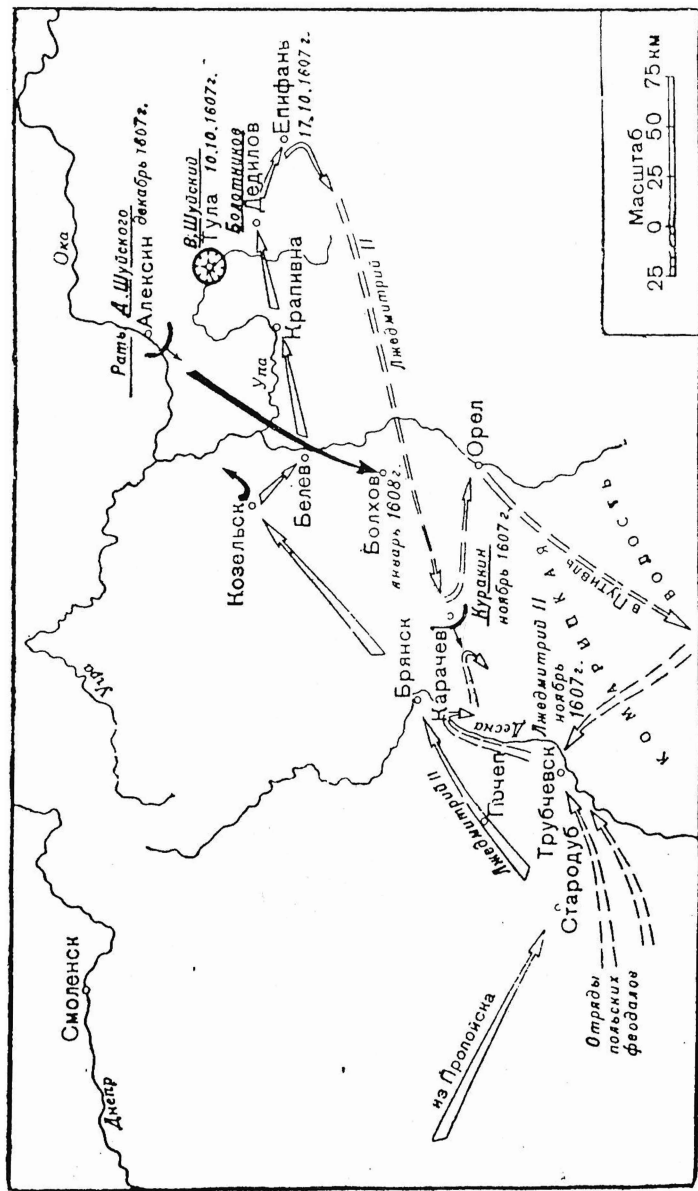
Курск. Общий вид крепости. Чертеж начала XVIII в.

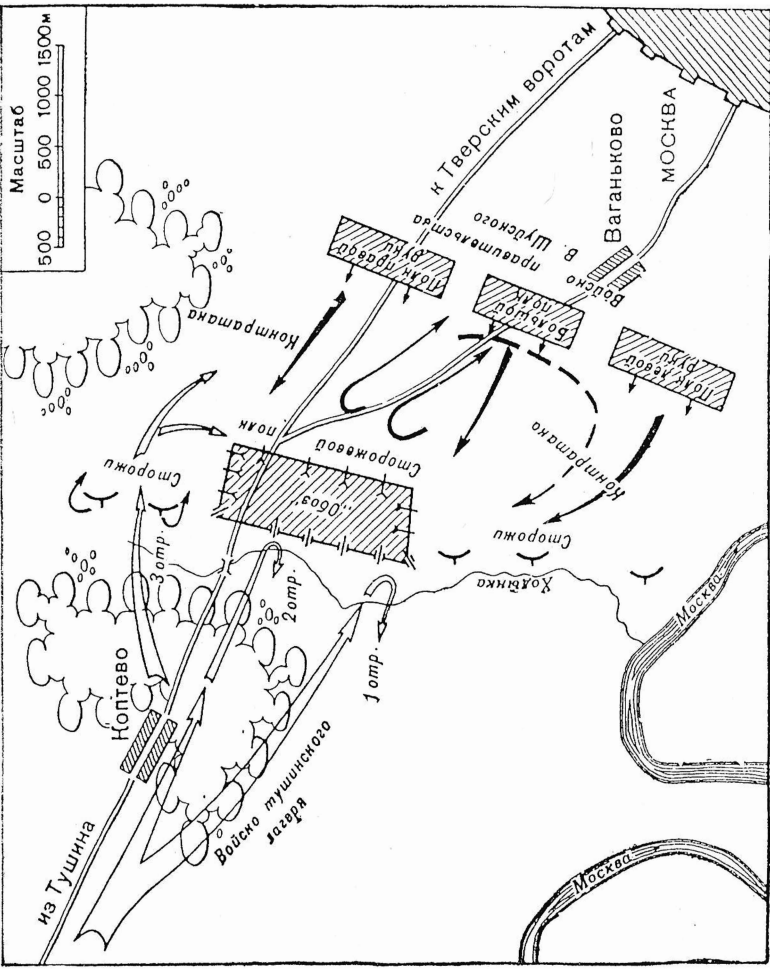
Можайский Кремль в 1624 — 1626 гг.

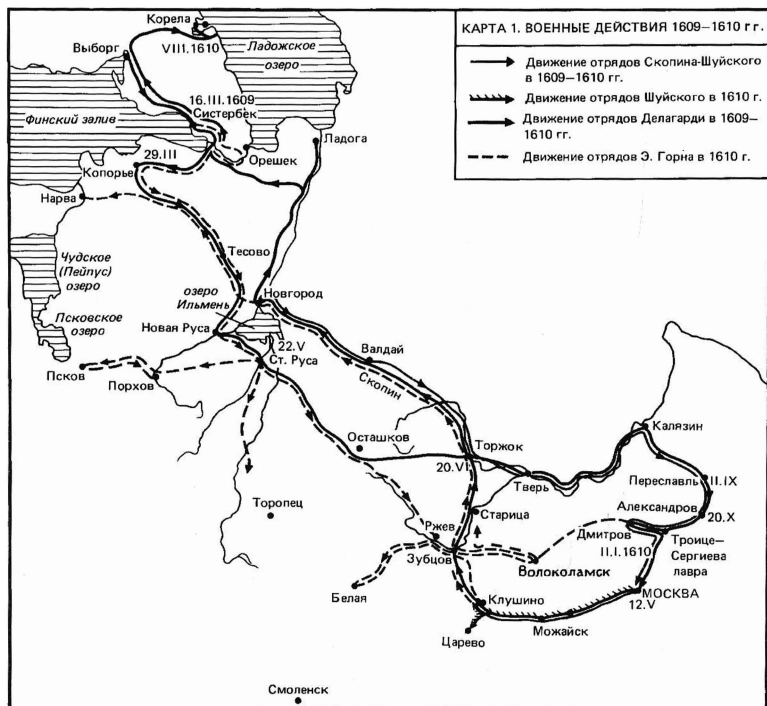
Поход Лжедмитрия II на Москву в апреле — июне 1608 г.

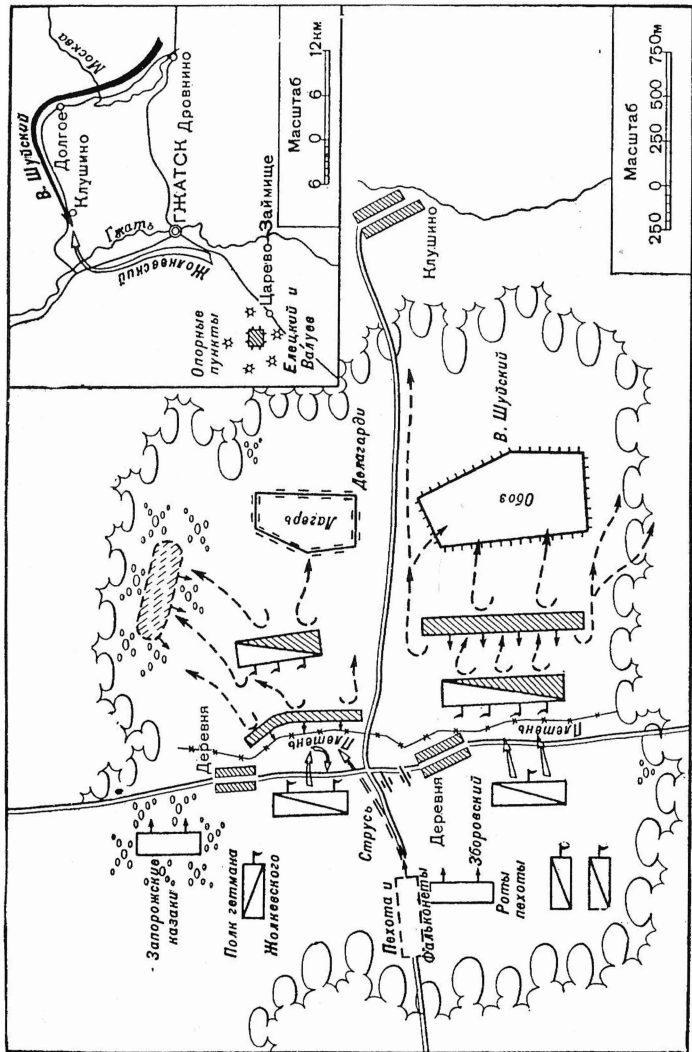
Поход Лжедмитрия II в направлении Тулы в 1607 — 1608 гг.

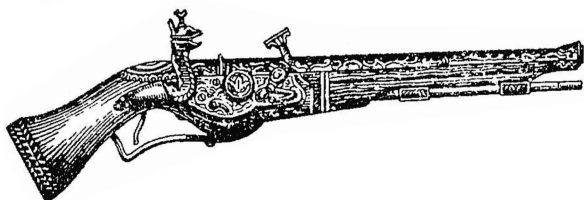
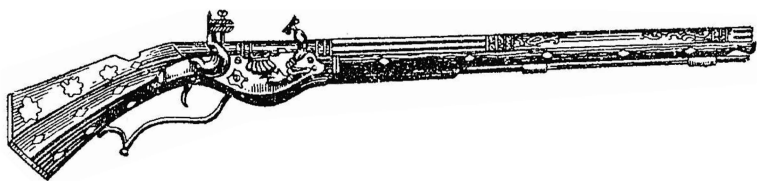
Бой на р. Ходынке
5 июня 1609 г.

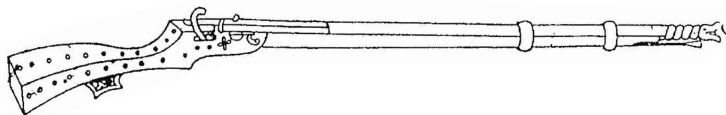
Военные действия 1609—1610 гг.

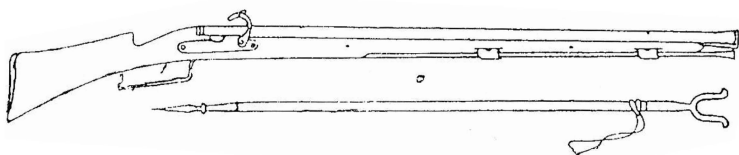
Бой у д. Клушино 24 июня 1610 г.

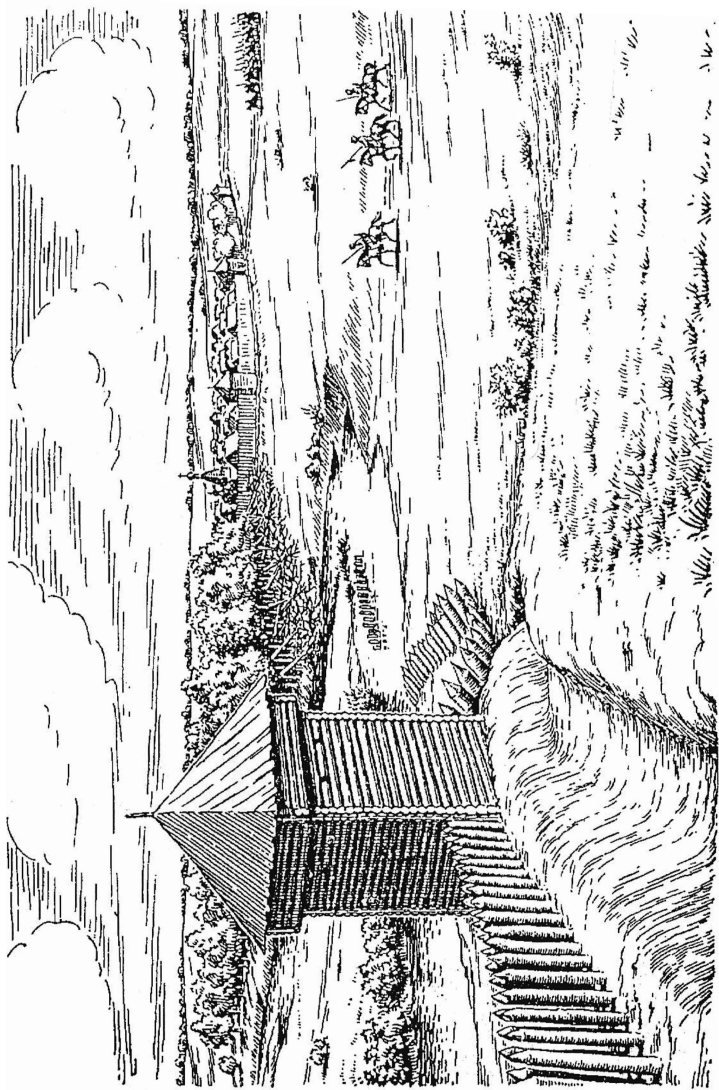
Пищаль завесная.

Русский фитильный мушкет XVII столетия.
Спуск «шровом».

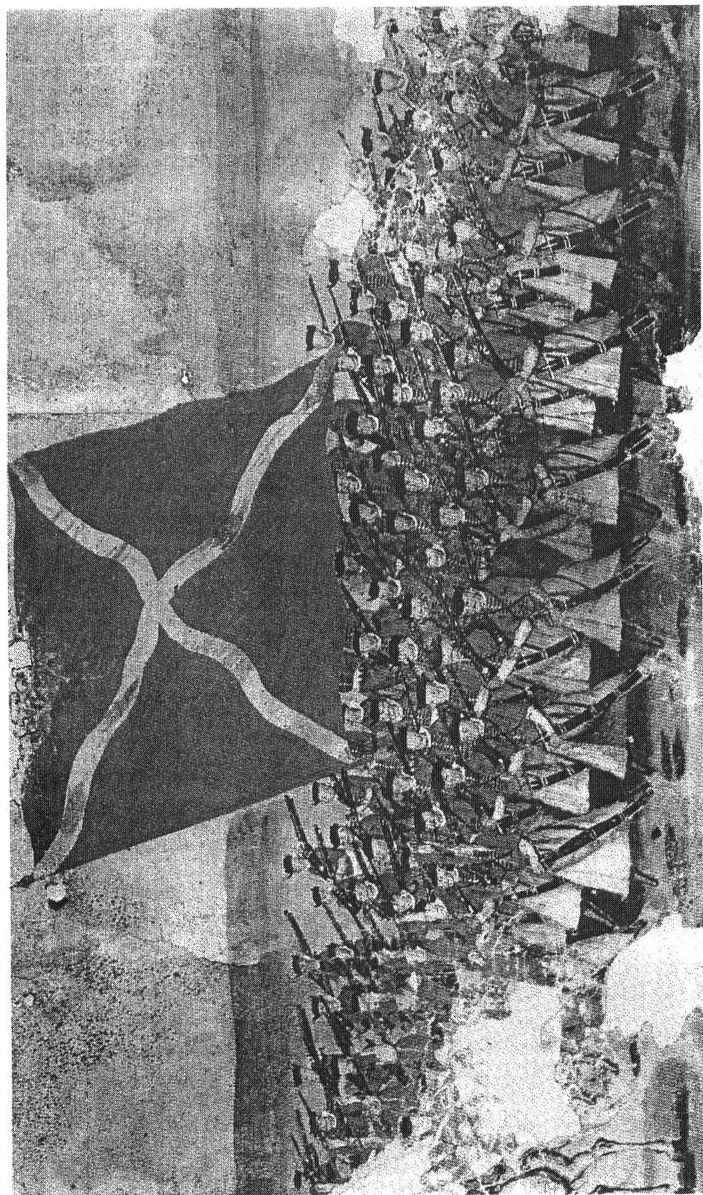
Русский фитильный мушкет с сошкой.
Спуск крючком, имеется спусковая скоба.

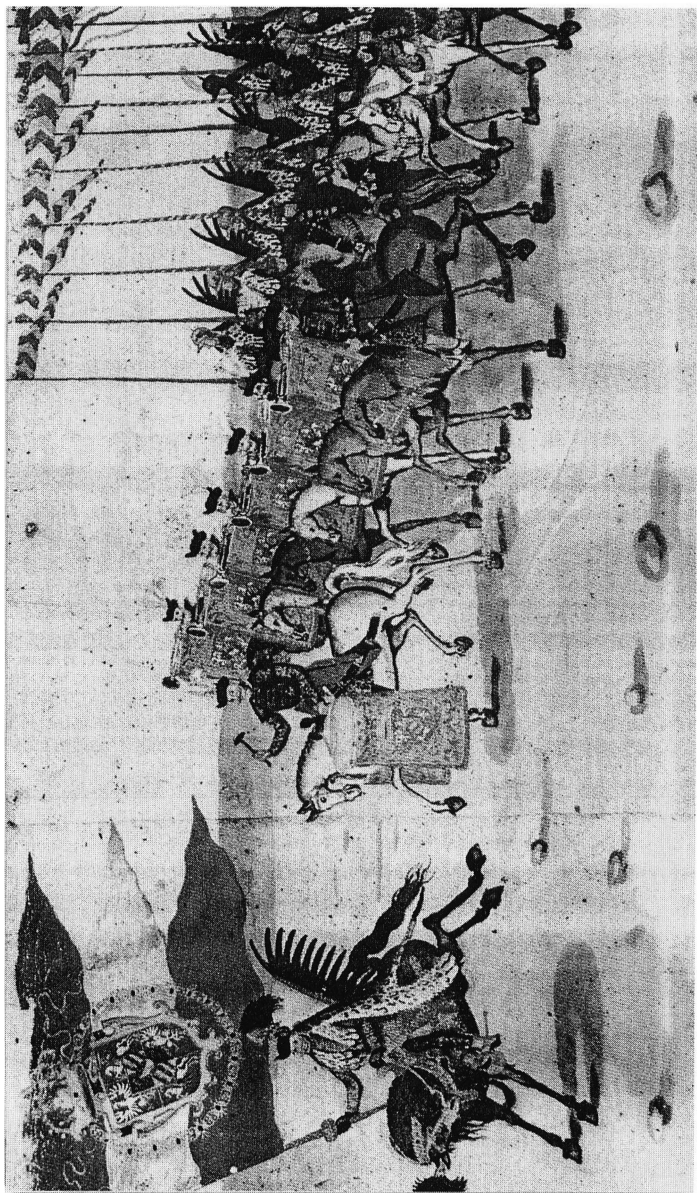
Оборонительные сооружения «Черты».

Въдвижение
обоза
на позицию.

Рота гайдуков в походе. (Королевский замок в Варшаве). 1605 г.

Гусарская хоругвь в походе. (Королевский замок в Варшаве). 1605 г.

назначив Николая Коссаковского. Идти решили за Волгу сразу после Благовещения Деве Марии¹⁹⁰.

Не считая немцев и польской пехоты, нас также осталось не больше трех с половиной тысяч. Не желая показывать москвитянам свою слабость, мы решили сделать вид, будто получили известие о приближении литовского гетмана¹⁹¹ с большим войском. (Впрочем, москвитяне знали об этом лучше нас.) Как только стемнело, мы все вышли на зубцы и стали палить из пушек и ручного оружия, как будто на радостях. Нам казалось, что стрельба была очень частой, но москвитяне по ней поняли, что в стенах нас осталась лишь горстка.

А наши, решив, что частой пальбой устроили неприятеля, успокоились и ушли ночевать в свое расположение, оставив на стенах, как обычно, только стражу. Я же (хоть и не обязан был так хлопотать), памятуя об осиповском переполохе, остался стоять на своих воротах и упрямил, кого смог из своих товарищей, сделать то же.

Москвитяне в столице наносят по нашим удар и захватывают Белые стены

Москвитяне этой ночью не бездействовали. Задумав нанести удар и выбить нас из стен, они все приготовили и за три часа до рассвета тихо двинулись под стены Китай-города к квартирам пана Зборовского и пана Струся. Приставив лестницы, несколько десятков москвитян уже взобрались на стены около пана Зборовского. Мои же ворота были хорошо укреплены и имели свободный выход для вылазок (остальные присыпали свои ворота землей). По всем окнам я расставил бдительных сторожей, один из которых — пахолик Щавинский — заметил москвитян, когда те сновали по соседству со мной у квартиры пана Струся. Сначала он решил, что это собаки, целые своры которых бродили на пепелище, и сказал: «Не пойму, что там такое: то ли собаки, то ли москвитяне?» Потом, увидев людей, закричал: «Москаль! Тревога!» Я вскочил и приказал бить в колокол (у москвитян есть такой обычай: на каждой башне крепить колокол, чтобы в случае опасности оповестить остальных). Так на своей башне поступил и я.

Как только на моих воротах ударили в колокол, москвитяне, до этого двигавшиеся бесшумно, с криком полезли на лестницы. По тревоге наши выскочили из своего расположения, и мои товарищи первыми бросились на квартиры пана Струся. А там уже пытались сбросить со стены москвитян вместе с их лестницами.

Другая часть нападавших, проделав в стене большие отверстия, вела огонь внутри, ранив некоторых из наших людей. Пока мы отражали неприятеля, стало светать, и москвитяне всей мощью обрушились на квартиры Бобровского, который держал угловую башню в Китай-городе над Москвой-рекой и башню в Белых стенах, прилегавшую к первой. Там москвитянам повезло: они сразу выбили наших из башни в Белых стенах. Бобровскому приходилось туго и в угловой башне: дело шло к тому, что наши вот-вот оставят и ее.

Как можно скорее мы послали им подкрепления из других квартир. С Божьей помощью они защитили и угловую башню и выбили москвитян из башни в Белых стенах. В этом сражении погибло несколько храбрых товарищей: Сокол, Бобровницкий, остальных не помню. Выбитые оттуда, москвитяне пошли к нашим воротам на другом конце города в Белых стенах. Перво-наперво они напали на Никитские ворота, где стояла немецкая пехота. Наши упорно оборонялись, но мы не могли им ни помочь, ни спасти, ибо сами едва оправались от неожиданности. При помощи огненных стрел они подожгли крышу, которая быстро занялась, а когда стала рушиться, немцы вынуждены были отступить.

Взяв эти ворота, москвитяне перешли к следующим и без труда ими завладели, ибо их обороняли уже вяло. Затем неприятель двинулся к угловой (с пятью верхами) башне над Москвой-рекой. Ее защищали полторы сотни польской пехоты во главе с ротмистром Пеньонским. Они долго и храбро сражались на верху башни, подножие которой было захвачено москвитянами. Найдя там старые запасы каленых ядер, неприятель обстрелял ими башню и выкурил пехоту, принудив ее к отступлению.

В тот день москвитяне взяли вокруг нас все Белые стены с башнями. Каждую башню и ворота они хорошо

укрепили и расставили людей, а на следующий день пошли под Девичий монастырь добывать разместившихся там иноземцев. Те также упорно сражались, но не смогли удержать монастырь и отступили.

Наши заперты в Китай-городе и Крым-городе

Захватив стены вокруг нас, москвитяне, чтобы зажать нас со всех сторон, быстро поставили за Москвой-рекой два острожка и разместили в них сильные отряды. А до этого ими был вырыт глубокий ров от одного берега реки на всю протяженность Крым-города и Китай-города, — прямо до другого берега. В течение целых шести недель мы находились в плотной осаде. Выбраться от нас можно было, разве что обернувшись птицей, а человеку, будь он хитер, как лис, хода не было ни к нам, ни обратно.

Башню Бобровского в Белых стенах мы сторожили по очереди, ибо рота Бобровского в одиночку ее охранять не желала — уж очень опасное это было дело. У Китай-города, там, где с ним смыкались Белые стены, москвитяне пробовали выбить нас, подложив пороховые заряды. Пока пан Сапега с нашими людьми не вернулся из-за Волги, москвитяне много раз пытались до нас добраться, пробовали даже поджечь Китай-город калеными ядрами.

Нельзя было и думать о том, чтобы кто-нибудь мог избавить нас от такой осады и утеснения. Не только пану Сапеге, но и самому литовскому гетману, даже с большим войском (которого у него, впрочем, и не могло быть), это было бы не под силу. Ведь московские стены, во-первых, сделаны сплошь из кирпича, а шириной они в три — три с половиной сажени¹⁹²; во-вторых, изнутри они усилены валом такой же высоты и ширины, что и стены.

Во время осады москвитяне издевались над нами, говоря: «Идет к вам литовский гетман с большими силами: а всего-то идет с ним пятьсот человек». Они уже знали о пане Ходкевиче, который был еще где-то далеко. И добавляли: «Больше и не ждите — это вся литва вышла, уже и конец Польши идет, а припасов вам не везет; одни кишки остались». Так они говорили потому, что в том войске были ротмистры пан Кишка и пан Конецпольский.

И вдруг послал нам Господь чудесное спасение не во сне, а наяву, и при помощи одних лишь наших пахоликов.

**Возвращается пан Сапега с войском,
осажденные поляки пытаются с ним соединиться**

Пан Сапега возвратился со своим войском и с нашей челядью, которую, как я уже говорил, мы снарядили за припасами, придав ей половину почтов и по шесть товарищей из каждой хоругви. Возглавлял их полковник Николай Коссаковский. В воскресенье утром Сапега со всем своим войском подступил к московским обозам. (На следующий день — понедельник, приходилось Успение Святой Девы Марии¹⁹³.) О совместных действиях с ним мы не могли договориться, ибо со всех сторон были окружены.

Против Сапеги вышли москвитяне (со своими уловками) и завязали сражение. По стрельбе и крикам мы поняли: наши с паном Сапегой вернулись и хотят нас спасти. Намереваясь помочь своим и разъединить москвитян, мы пошли на вылазку в ту сторону, откуда был слышен шум. Нам удалось добраться до стен, удерживаемых москвитянами, — несколько десятков наших даже оказались наверху, но были отброшены и отступили в Китай-город.

Там мы прослушали мессу. Во время проповеди ксендзы бернардинец Войцех и Шумский (тоже бернардинец) договорились, что завтра, один в Китай-городе, а другой в Крым-городе, проведут праздничное богослужение и вознесут молитву к Пречистой Деве. Они перечислили нам примеры, сколько раз Божий промысел спасал от невзгод истинно верующих. «Уповайте на Бога, — говорили они, — и увидите, что завтрашний праздник принесет нам великое утешение».

Мы вернулись в свои станы и по дороге каждый обращал слова молитвы к Господу и Пречистой Деве. Всем тогда хотелось быть набожными, в поучениях не было нужды, хватало внутреннего убеждения. К вылазке приказали готовиться шестнадцати хоругвям (среди них была и моя). В то самое время, когда мы слушали проповедь, пан Сапега, не надеясь нас спасти, отступил на милю и поставил обоз. Наша челядь, товарищи и полков-

ники решили, что пан Сапега не желает нас спасать. Не присмотревшись внимательно к рядам неприятеля, они подумали, что смогут нам помочь сами. Оставив пятьсот человек у обоза с припасами, три тысячи наших отделились от пана Сапеги и пошли к тем воротам, что отняли у нас москвитяне. Они надеялись, что смогут к нам добраться. У первых городских ворот они спешили и попытались взять их штурмом, но не сумели, так как ворота были хорошо укреплены и защищал их большой отряд. Тогда наши пошли к другим, затем к третьим воротам, а когда увидели, что ни одни взять не могут, решили, что за Москвой-рекой не встретят ни одной преграды на пути в крепость. Они хотели под прикрытием наших стен вплавь переправиться через реку и войти в крепость.

Наши напали на один из острожков москвитян и те, испугавшись от неожиданности, бросили его и сбежали в другой. А наши, оставив острожки, засыпали ров и стали вплавь переправляться под крепость Крым-город.

Вылазка из Крым-города

Нам, приготовившимся к вылазке, дали знать, что наши пахолики высекли острожки за Москвой-рекой и плывут под стены крепости. Думая, что наших надо прикрывать огнем, мы выскочили [из крепости] и побежали к реке. А увидев, что они переправляются без помех, мы направились через Крым-город в Белые стены, к башням и воротам, которые потеряли раньше. Сделали мы это вопреки и воле, и мнению пана Гонсевского, ибо всем казалось невероятным, что мы сможем вернуть эти ворота.

Вот так, дружно, выскочили мы и ударили на первые ворота, которые назывались Водяными. Мы напали изнутри, а пан Борковский с восьмьюдесятью немцами — снаружи (от воды). Москвитяне не смогли удержать эти ворота и стали отступать к башне с пятью верхами, но и там долго не задержались. Они отступали от одних ворот к другим, а мы шли повсюду следом.

Когда уже все отошли, восемьдесят человек москвитян закрылись на Арбатских воротах. Желая заполучить и эти ворота, мы долго провозились с этими восьмью десятками и понесли немалые потери. Здесь были убиты не-

сколько наших товарищей, среди них ротмистр Роговский из моей хоругви, Рудский, Мольский.

Сражение около ворот, ворота достаются нашим

Мы видели, что задержка нам только повредит: застряв у Арбатских ворот, мы дадим москвитянам время привести свое войско в порядок. Пропустив этих людей (они сдались уже потом, поздно ночью), мы пошли вдоль других башен к Никитским воротам, захватили их и поставили своих людей. Дальше мы двинулись к Тверским воротам. Они имели мощные укрепления, и стерегли их обычно две тысячи человек. Здесь мы на короткое время задержались, тем временем из-за Неглинной к неприятельским обозам пришли подкрепления. Мы были отброшены (вокруг нас градом падали пули, но, что удивительно, причиняли мало вреда) и вынуждены были отойти к Никитским воротам. Москвитяне пошли следом, их прибывало все больше и больше, и натиск усиливался. Пришлось нам оставить и Никитские ворота. Мы уже пустились бегом к своим крепостям, когда наши сумели остановить и задержать неприятеля, так что мы снова побежали к Никитским воротам.

На москвитян же Господь Бог наслал страх, и они оставили Никитские ворота (те достались нам) и отошли к Тверским. Мне не хочется хвалить самого себя, но что было, то было: при нескольких наших хоругвях не было ротмистров, так как множество их разъехалось в Польшу. И вот, когда мы укрепились на Никитских воротах, товарищи обратились ко мне: «Нет у нас здесь своих ротмистров, так хоть ты нами командуй». Я согласился и они мне повиновались.

Я разделил их на три части. Одну поставил на воротах, другую — возле ворот, а третью часть отвел подальше — в одну из церквей, чтобы занять побольше места, если москвитяне задумают нас обойти. Так мы до самой ночи выдерживали удары москвитян, пытавшихся выбить нас оттуда. А перед заходом солнца подступило к нам такое огромное войско, что нам пришлось на время отойти. Затем мы снова обратились на москвитян и вытес-

нили их так, что они, откатившись, больше не дерзали на нас нападать. Тем временем опустилась ночь, она-то нас и разняла.

Завладев воротами, которых было лишены, мы послали в крепость к пану Гонсевскому с просьбой прислать нам на смену другие хоругви, ибо мы почти весь день были заняты в сражениях. Надо признать, что войско не желало ничего слушать и, несмотря на распоряжение пана Гонсевского, ни одна хоругвь выйти не захотела.

Но ведь не нам же одним нужны были эти ворота и это спасение. Так что, простояв ночью часа с три, мы ушли в свои станы на отдых, оставив на воротах и около них огонь, чтобы казалось, будто там люди. В тот день мы потеряли не больше двухсот человек, а ведь готовились тысячу голов сложить. Без сомнения, причиной этого чуда была Пресвятая Дева. А на москвитян Господь Бог напустил такой страх, что на следующий день они не только не отважились напасть на наши ворота, но и свои, даже самые отдаленные, охраняли слабо. На упоминавшихся мною Тверских воротах, где обычно стояло две тысячи людей, той ночью едва ли двадцать человек заночевало.

Гонсевский намеревается напасть на растерянных москвитян

На следующий день, утром, пан Гонсевский как мог укрепил ворота, которые мы захватили, и, собрав всех, устроил совет. Он предложил, чтобы мы по горячим следам выбили москвитян из оставшихся у них стен.

Пан Сапега со своими людьми охотно предложил помочь нам с поля, когда мы начнем штурм изнутри. Так как дело казалось верным, желающих участвовать оказалось множество. Если бы мы тогда отважились напасть на растерянных москвитян, которые уже больше недели не вылезали из своих ям, то обязательно бы их оттуда выбили.

Некоторые из наших завидовали славе пана Гонсевского. Один из недолголюбивавших его ротмистров стал говорить: мол, идет к нам литовский гетман, а мы из рук его выхватим лавры, чтобы достались они Гонсевскому.

Я ему на это сказал: «Слава — не каплун и не куропатка, она быстро упорхнет, пока ты ее будешь для гет-

мана пасти». Так и случилось: когда пришел гетман, москвитяне ожили, вновь набрались смелости и отваги. Они уже и до этого видели, что сил у гетмана мало, потому и не очень-то его испугались. А тот, который высиживал для него славу, поссорил Гонсевского с нашим войском, тычась со своим мнением якобы по поводу строгостей его управления. Так что многие стали открыто перечить Гонсевскому и не желали подчиняться.

Войско высылает послов на сейм 1611 года.

Литовский гетман идет к Москве

Мы вернули свои ворота, но войско приуныло, пребывая в ожидании гетмана и без подкреплений, и без надежды. Поэтому на сейм 1611 года мы снарядили послов: пана Мартина Казановского, меня, пана Ежи Трояна, пана Войцеха Средзинского, пана Войтковского, пана Яна Оборского и других. Был с нами и пан Петр Борковский, он был отправлен от иноземцев, которыми командовал¹⁹⁴. Мы должны были справиться о жаловании и сообщить, что войско задержится в столице не далее, чем до 6 января [1612 года]. Если Е. В. Король желает эту войну продолжить, пусть подумает о жалованьи для нас и о другом войске для себя.

Москвитяне тоже направили вместе с нами послов к королю и к Речи Посполитой с просьбой дать королевича на свое государство. Но это посольство не отвечало намерениям короля, и пан литовский гетман, встретившись с нами около Вязьмы, завернул москвитян, желая добиться от них присылки другого посольства, хотел он вернуть и нас, но мы его не послушали.

По возвращении москвитян в столицу гетман не смог добиться от них иного посольства, те стояли на своем. Бояре сказали: «Иного от нас не добьетесь, даже если головы свои придется сложить». С тем их и отправили вновь, но на сейм они уже не попали, — так удружил им пан гетман. Москвитяне справили свое посольство недели через три или четыре после сейма и, не добившись ничего утешительного, вернулись в Москву. Ответ, полученный нами, также вряд ли мог обрадовать войско, ибо в нем не

было ничего, кроме рассуждений о славе. Пробыв в Польше несколько недель, мы вернулись к войску.

Вскоре после нашего отъезда с посольством в Польшу (еще до прибытия гетмана) москвитяне напали на наших и обстреляли калеными ядрами Китай-город так, что он весь выгорел. В это время наши находились в большой опасности.

Войско Сапеги и Гонсевского берет залог в уплату жалованья и покидает столицу

Затем прибыл пан гетман и, встав под столицей, провел с москвитянами несколько не слишком удачных сражений¹⁹⁵. Когда же стали прижимать холода, нашим не хватило припасов. Для того, чтобы дать войску отдохнуть, пан гетман ушел из-под столицы к Рогачеву. Часть столичного войска отправилась с ним, а меньшая осталась в столице дожидаться 6 января. Из сапежинского войска в Москве осталось немало добровольцев, так как всем, кто остался, было разрешено получать отдельную плату, называемую стенными деньгами. В залог уплаты жалованья нашим дали корону, подаренную императором Максимилианом московскому великому князю Ивану, и ту, что приказал изготовить Дмитрий (обе короны — в дорогих камнях). Дали также посох из единорога, концы которого были украшены камнями, царское седло, тоже с камнями, два целых единорога (то есть рог их), а третий — разрезанный на половины.

Сапежинцам дали в залог две крытые золотом и украшенные камнями шапки, которыми москвитяне обычно коронуют своих царей, скипетр и державу, — тоже золотые и в камнях. Итак, одни в столице, другие в поле, — наши, как и намеревались (о чем предупреждали и короля), ожидали 6 января 1612 года. Когда наступило условленное время, они, посоветовавшись со старшинами, избрали Цеклинского маршалком¹⁹⁶, выбрали полковников и депутатов и двинулись к границе. При пане гетмане остались лишь те, кто пришел вместе с ним. За оставшимися в столице послали, избрав полковником, товарища из моей хоругви Николая Костюшкевича. В его сопровождении столичные сидельцы вышли, захватив с

собой знаки царской власти. Мы, послы, встретили их уже в Литве, близ Орши; впрочем, мы бы и не смогли их удержать, ибо ответ короля развенчивал надежды и на деньги, и на [присылку] государя. Остались лишь сапежинцы (с выданными им царскими знаками), ушел и пан Гонсевский, на его место заступил хмельницкий староста пан Струсь. Паны Потоцкие отправили к нему из Смоленска какое-то количество пехоты, при помощи которой Струсь надеялся удержать столицу. Продержались же они до весны, а потом москвитяне вынудили их сдать, заморив голодом, и отправили в тюрьму и самого Струся, и всех, кто был с ним¹⁹⁷. Со времени поднятого Ляпуновым восстания, москвитяне воевали с нами без государя. Они освободили, застав среди находившихся с нами бояр, сына задержанного в Польше Филарета, выбрали его своим царем и по обычаю короновали шапками (что были у сапежинцев). С этим царем москвитяне довели войну до конца. Моя история здесь заканчивается. А о том, как после ходил Е. В. Король¹⁹⁸, как во второй раз слал он с литовским гетманом королевича Владислава¹⁹⁹, — обо всем этом, я думаю, написал тот, кто сам это видел. Написали и о том, я не сомневаюсь, что война не завершилась с переговорами. Мы заключили на несколько лет перемирие, выторговав Северскую землю, и обменялись пленными²⁰⁰. Заключив мир, москвитяне избавились от нас, но внутри [государства] их продолжала будоражить Марина, жена царя Дмитрия. За ней и ее наследником увязались Заруцкий и несколько бояр, но в основном — только донские казаки. Чтобы избавиться и от этого беспокойства, москвитяне обратили на них все свои силы и разгромили. Марина с наследником была поймана и казнена, Заруцкий посажен на кол²⁰¹. Развязав себе руки, по истечении перемирия москвитяне получили возможность разделаться с нами. В Новгороде оставался еще Понтус, но при помощи денег избавились и от него²⁰².

ДОПОЛНЕНИЯ

Мое письмо к Ивану Шуйскому,
*упоминавшееся в «Истории», которое явилось
причиной освобождения Боженцкого и сделало
Шуйского милостивым ко всем пленникам.
Оно было написано так:*

Твое милосердие к нашим братьям, ввергнутым за грехи их в неволю, снискало признательность многих товарищей в нашем, хотя и супротивном ныне, войске. Среди прочих и я, покоренный твоим милосердием, хочу выразить тебе искреннюю благодарность за то, что ты взял к себе моего брата Боженцкого и даришь его своей милостью. Пусть возмещает он это своими услугами до той поры, пока я не дам за него залог. Я же не перестану благодарить тебя, славя твое милосердие.

Дано в обозе; больше ничего не было, и моя подпись без всяких иных предложений.

Ответ Ивана Шуйского,
*с которым он отослал ко мне Боженцкого,
был с его висячей печатью, писан славянским языком,
красивыми буквами. Я потерял его при Осиповском
погроме, но частью помню;
он был написан такими словами:*

*Перечислив титулы своего брата (ибо у них есть
обычай начинать свои письма с царского титула), напи-
сал он и свой.*

Князь Иван Иванович Шуйский, Великий Московский Росказатель и всему Закону Хрестьянскому добродетель, пану Миколаю Мархоцкому. Дерзнул ты в таком супротивлении письмо свое до нас прислати, печалуясь о

брате твоём Адаме Боженцким, и благодарствуешь, что он по се места жив у нас в подданию, и выписал, яко в бою взял с иными полоняники, которым в вашем неправедном пришенствии под Царствующий Град не годилося ни единого милосердия показывать. А то Божиим судом случилось так, что я твоего брата взял к себе в повоевание, а [увидев] и уразумев твою братнюю жалость к нему, бил я челом Царю Василию Ивановичу, что бы мне над ним повелел милостивную свою волю учинити. *(И тут же мне выписывает, что он отпускает его, дарованного [мне]).* И далее по-славянски: Не поднимал к небу очей умоляющих и не прославился он у вас, чтобы быть вымененным. Во всем радостен и свободен, дарован вам по нашему благородному обычаю.

Дан в Царствующем Граде в Москве.

Мое посольство,

с которым я прибыл к королю под Смоленск, было выполнено в соответствии с инструкцией, писанной ниже.

Инструкция панам послам,

направленным от войска его величества царя к его величеству королю.

Наияснейший Милостивый Король,
Милостивый наш Государь.

Все рыцарство, верные подданные Вашего Королевского Величества, находящиеся на службе Царя и Великого Князя Московского Дмитрия Ивановича, Вашему Королевскому Величеству Государю своему кланяются, приветствуют Ваше Королевское Величество в добром здравии, желают Вашему Королевскому Величеству счастливого правления с умножением славы, и всякого добра благородной Короне Польской. Наияснейший Милостивый Король, тамошнее рыцарство, сознавая свой долг милости, коей обязаны своей отчизне и Вашему Королевскому Величеству, Милостивому Государю, беспокоясь, дабы после выхода их из Короны в чужие края на служ-

бу к Дмитрию Ивановичу, Ваше Королевское Величество и Речь Посполитая не считали нас бунтовщиками и своевольными людьми, отправили своих послов, дабы свидетельствовать о верном и доброжелательном своем подданстве. Рыцарство уповает на то, что Ваше Королевское Величество, уразумев их намерения, не только не станет судить о них превратно, но поможет им привести сие предприятие к славе, ибо за нее они крови пролили вдосталь, следовательно и заслугам их не будет препоны; да и глядя на столь добрые их намерения в отношении Вашего Королевского Величества и отчизны (ибо главными они разумели славу и честь), тем более поможет им своим советом. В этом мнении их утвердил ответ Вашего Королевского Величества, во истину благой и милостивый, переданный через послов. Однако вступление Вашего Королевского Величества на землю Его Величества Царя нарушает слово, переданное рыцарству от Вашего Королевского Величества. Тем более, когда Ваше Королевское Величество направился в те края, которые *in defectu* казны Его Величества Царя назначены им в награду за заслуги. Особенно обеспокоено рыцарство тем, что имея против себя еще не сломленного неприятеля, не ведало, что Ваше Королевское Величество встанет против Его Величества Царя и против них. Не чувствуя ни в чем себя неправыми и считая свою безвинность наиосторожнейшим предводителем, они выслали нас, своих товарищей, желая утвердить свою невиновность. Через нас они с великой обидой доводят до Вашего Королевского Величества свидетельства о потере трудов, имущества и напрасном пролитии крови, которые они понесли после вступления Вашего Королевского Величества; ибо из-за отделения от Его Величества Царя московских жителей, большая часть которых уже было присоединилась к Его Величеству Царю, нам будет трудно прийти к намеченному результату. Так же и Шуйский, который *mille artifex* желал бы каким угодно способом перетянуть бояр московского народа от Его Величества Царя и сам с ними соединиться; это было бы трудно ему сделать, пока Ваше Королевское Величество не вступил со своим войском в Московские волости. Не защитили Шуйского и наихитрейшие улов-

ки, которые он до сих пор использовал, хотя бы он и Ахеронта из ада позвал себе на помощь. Поэтому рыцарство просит Ваше Королевское Величество, своего Милостивого Государя, и требует: пусть Ваше Королевское Величество изволит увидеть, что подданные Вашего Королевского Величества ни в чем против Речи Посполитой не согрешили. Для того без помощи Речи Посполитой на свой собственный счет ради Его Величества Царя, чтобы Ваше Королевское Величество им, своим подданным, таковых препон, которые бы могли стать причиной их неудачи, не ставил. А скорее бы, яко Государь дружный со славой и своими верными подданными, будет заботиться о том, как бы они могли, ни в чем не умаляя этой славы, освященной веры у пограничных народов, которую они заработали своему народу, пролив свою кровь, возместить свои потери, понесенные в результате этого предприятия. Они свидетельствуют Вашему Королевскому Величеству через нас, что никогда мы не замышляли ничего *hostiliter* [враждебного — лат.] отчизне, и теперь, яко любящие сыны, желаем ей только добра. С тем, однако, условием, чтобы никто никогда, поддавшись чьим-нибудь уговорам, посягая на царства Его Величества Царя и на его жизнь, не был нам преградой в заслугах, чего о Вашем Королевском Величестве Милостивом своем Государе и братьях своих не думают; ни отчизна, ни государь, ни брат, — едино бы им в том поруки не учинят. Они уверены в том, что ни Ваше Королевское Величество, ни Речь Посполитая до сих пор ни в чем враждебном их не подозревали, ибо они не давали к этому повода. Ваше Королевское Величество, яко Государь, изволил бы показать им свою милость. Речь Посполитая, яко мать, не подала бы им камень вместо хлеба, добытого кровью, а скорее бы с той славой, что вела их в пограничные края и народы за большой выгодой службы, которая не бывает без награды, захотела бы удержать их для службы у себя; они бы не хотели, чтобы тамошний неприятель, уже почти уничтоженный, смог поднять голову, надо зорко следить и за тем, кто захочет помешать довести до конца удачно начатое, но не завершенное дело, сдобренное целой рекой крови. В столь многих трудах и сражениях

мы тешили себя надеждой, что Ваше Королевское Величество милостиво и благосклонно изволит взглянуть на столь великое кровопролитие наших братьев, на просторы, усеянные их могилами, на то, что множество их полегло в прошедших сражениях, на множество погубленного имущества и достатков. И все это во имя славы отчизны, и после, вкусив хлеба, смешанного с кровью, они желают скорее здесь души свои, которые и без того уже едва сохранили, если такова воля Божия, положить в этом предприятии, нежели ждать, пока их слава и кровью добытые заслуги будут загублены. Все это Вашему Королевскому Величеству, Милостивому своему Государю поручило нам рыцарство представить пред Ваши милостивые очи, желая, дабы Ваше Королевское Величество, яко Государь, исполненный мудрости, как следует все рассмотрев, их требования не изволил отбрасывать в сторону: ибо иногда не стоит бросать и того, от чего мало пользы, это может принести больше вреда и бесславия; не новость и то, что одна бурная година из рук вырвет удачно приобретенное государство, бывшее уже за пазухой, и все уничтожит. И со своей стороны они Вашему Королевскому Величеству желают только добра, надеясь в ответ получить то же от Вашего Королевского Величества и своих братьев, равно желают всякого счастья братьям своим с Вашей Королевской Милостью и Речью Посполитой, участниками чего без вины своей быть желают.

Рожинский Роман, Наримунт,
гетман и маршалок
войска Его Величества Царя;
Александр Зборовский из Рытван.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), великий князь Московский и всея Руси (с 1533), первый русский царь (с 1547). Провел ряд реформ, направленных на централизацию Российского государства. Объединение страны проводилось при помощи репрессий и опричного террора (1565—1572). В 1558—1583 вел Ливонскую войну за овладение побережьем Балтийского моря, завершившуюся потерей русских земель. Был женат семь раз. От первого брака с Анастасией Романовной имел трех сыновей: Дмитрия (погиб во младенчестве), Иван был убит самим царем в припадке гнева (1581), Федор занял престол после отца (см.: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960; *его же.* В канун грозных потрясений. М., 1986; *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982; *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1975; *его же.* Царство террора. СПб., 1992; *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989).
- ² Стефан Баторий (1533—1586), семиградский воевода. Польский король с 1576. С 1579 вел Ливонскую войну против России. В 1581—1582 неудачно осаждал Псков. Умер в разгар подготовки к новой войне.
- ³ Дмитрий Иванович (1582—1591), сын Ивана IV от последнего брака с Марией Федоровной Нагой. В 1584 получил в удел Углич, где находился вместе с матерью до своей гибели. Обстоятельства смерти царевича до конца не выяснены. По версии боярской комиссии, возглавляемой кн. В.И.Шуйским, царевич поранил себя ножом в припадке падучей болезни. Молва приписывала организацию убийства Борису Годунову. Имя Дмитрия использовали многочисленные самозванцы. После воцарения Василия Шуйского царевич Дмитрий был причислен к лику святых Русской православной церковью как невинно убиенный, а его мощи перенесены в Архангельский собор Кремля (*Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937 (5 изд. М., 1995); *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987).
- ⁴ Федор Иванович (1557—1598), царь с 1584, сын царя Ивана IV от первого брака с Анастасией Романовной.

Женат (с 1575) на Ирине Годуновой. В годы царствования Федора государством управлял шурин царя Б.Годунов (*Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений).

- ⁵ Годунова Ирина Федоровна (в иночестве Александра) (ум. 1603), царица, жена царя Федора Ивановича, сестра Б.Годунова. После смерти мужа (6 января 1598) и до венчания на царство Бориса Годунова (3 сентября) номинальная правительница страны. 15 января 1598 приняла монашеский постриг в Новодевичьем монастыре (см.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. С. 212).
- ⁶ Конюший — высшая дворцовая должность. Б.Годунов стал конюшим в 1584 (см.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. С.199).
- ⁷ Царь Федор умер естественной смертью 6 января 1598. Слухи о его насильственной кончине были достаточно распространены.
- ⁸ Борис Федорович Годунов (1552—1605), с 1598 царь (избран Земским собором). Возвышение Годунова связано с женитьбой царевича Федора Ивановича на его сестре Ирине. В 1577 Годунов стал кравчим, в 1580 боярином. С 1587 являлся фактически единоличным правителем государства. Проводил реформы, направленные на усиление роли центральных органов власти. Доминирующую роль в системе государственного управления стала играть служилая московская знать и приказная бюрократия. Скоропостижно умер в разгар борьбы с Лжедмитрием I (см.: *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1983; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992).
- ⁹ Лжедмитрий I (ок. 1580—17.5.1606), самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия Ивановича. По официальной версии правительства Бориса Годунова настоящее имя Юрий (в монашестве Григорий) Богданович Отрепьев. Происходил из мелкопоместных галицких дворян. В 1602 бежал в Литву, где нашел покровителей в лице кн. А.Вишневецкого и сандомирского воеводы Ю.Мнишка, перешел в католичество. В октябре 1604 во главе 6-тысячного войска, половину которого составляли казаки, вступил в пределы Московского государства. К началу декабря власть Лжедмитрия I признали города Северской земли (кроме Новгорода-Северского), Комарицкая волость и волость Кромы. После неудачной осады Новгорода-Северского (17 ноября — 21 декабря 1604) Лжедмитрий I потерпел поражение (21 января 1605) под С. Добрыничи (Комариц-

кой волости) и бежал в Путивль. К марту 1605 ему присягнули «польские города» Воронеж, Белгород, Ливны, Елец, Курск и др. После смерти Бориса Годунова значительная часть царского войска, осаждавшего крепость Кромы, перешла на сторону самозванца. Объединенное войско двинулось к Москве, где 1 июня произошел переворот в пользу Лжедмитрия I. 20 июня самозванец вступил в столицу. 17 (27) мая 1606 Лжедмитрий I был убит в результате заговора, организованного кн. В.И.Шуйским и поддержанного верхушкой посадского населения Москвы (*Гириберг А.* Дмитрий Самозванец. Львов, 1898; *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. М., 1912 (2 изд. Ростов н.Д., 1998); *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России; *Ульяновский В.И.* (сост.). Лжедмитрий I и Украина. Указатель архивных источников и материалов. К., 1991). Как «сын боярина» Мархоцкий передал чин уездного служилого человека — сын боярский. Т.н. дети боярские несли рядовую военную службу в составе служилого «города».

- ¹⁰ Вишневецкий Адам (ум. 1622), князь, принадлежал к могущественной магнатской семье. Владел обширными землями, расположенными близ границ Московского государства. Поддерживал Лжедмитрия I, в 1606 находился при его дворе в Москве, не получив ожидаемого вознаграждения, вернулся в Речь Посполитую. В 1608 во главе вооруженного отряда польской шляхты прибыл в Орел к Лжедмитрию II, был назначен конюшим при его дворе.
- ¹¹ Вишневецкий Константин (1564—1641), князь, черкасский и каменецкий староста. Белзский (1636) и Русский (1638) воевода. Двоюродный брат Адама Вишневецкого. Женат на дочери сандомирского воеводы Ю.Мнишка Урсуле (1603).
- ¹² Мнишек Ежи (Юрий) (до 1553—1613), малопольский магнат. В 1581—1582 участвовал в походе короля Стефана Батория под Псков. Ревностный католик, сторонник короля Сигизмунда III. Староста санокский (1575), самборский (1585), рогатынский и львовский (1593). С 1585 управляющий русскими соляными жупами, сандомирский воевода (1590). Участвовал в организации похода Лжедмитрия I (1604), после неудачной осады Новгорода-Северского вернулся в Речь Посполитую (январь 1605). Сопровождал дочь Марину в Москву на свадьбу с Лжедмитрием I. После убийства последнего содержался под стражей в Ярославле, в августе 1608 отпущен на родину с условием не признавать Лжедмитрия II своим зятем. Находясь в Москве, вел тайные переговоры с Тушинским лагерем Второго Самозванца, в сентябре 1608 присоединился к Тушинскому

- лагерю. В январе 1609 выехал в Польшу, надеясь выхлопотать помощь короля Сигизмунда III, начал собирать войска, но король категорически запретил Ю.Мнишку переходить границу Московского государства.
- ¹³ В феврале 1604 Я.Острожский сообщал королю Сигизмунду III о том, что по его приказу были схвачены представители донских казаков, которые ехали к «царю Дмитрию Ивановичу» («Старина и новизна», кн. 14. М., 1911. С. 431).
- ¹⁴ 13 октября 1604 войско Лжедмитрия I перешло границу Московского государства и двинулось в сторону монастыревского острога (*Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России. С. 83).
- ¹⁵ 11 ноября 1604 Лжедмитрий I приступил к осаде Новгорода-Северского. Оборону города возглавлял П.Ф.Басманов, под началом которого находилось 150 дворян, более 450 стрельцов, 350 казаков и 500 крестьян Комарицкой волости. Несколько попыток взять город штурмом не удалось, но осада продолжалась. Тем временем на сторону самозванца перешли Путивль, Рыльск, Курск, волость Кромы. Но к Новгороду-Северскому подошли подкрепления, посланные Борисом Годуновым, во главе с кн. Ф.И.Мстиславским (около 25 тыс. чел.). 21 декабря 1604 произошло первое сражение, но рати остались стоять друг против друга. 1 января 1605 в лагере Лжедмитрия I вспыхнул мятеж из-за денег. На следующий день большая часть поляков покинула самозванца и ушла к границе. Вместо Ю.Мнишка гетманом был избран Адам Дворжицкий (Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 1. СПб., 1872, стб. 381—382, 386; *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России. С. 86—95).
- ¹⁶ То есть за три месяца (квартал). Деньги за службу польскому войску выплачивались по четвертям.
- ¹⁷ 21 января 1605 Лжедмитрий I потерпел поражение от кн. Ф.И.Мстиславского под С. Добрыничи и ушел в Путивль, ставший центром антиправительственного движения. (*Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России. С. 101—104).
- ¹⁸ Мархоцкий передает одну из версий смерти Бориса Годунова. В «Новом летописце» последние часы Годунова описаны иначе: «царю Борису, вставши из-за стола после кушанья, и внезапно прииде на него болезнь люта, и едва успе поновиться и постричи, и два часа в той же болезни и скончася» (ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 63).
- ¹⁹ Мнишек Марина (ок. 1588—1614), супруга Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Дочь сандомирского воеводы Ю.Мниш-

ка. В сентябре 1605 Лжедмитрий I отправил в Польшу дьяка А.Власьева, который должен был договориться о заключении вечного мира с Польшей, создании союза христианских государств против турок и заключить брак «царя Дмитрия Ивановича» с дочерью сандомирского воеводы Ю.Мнишка Мариной. 12 (22) ноября 1605, в присутствии королевской семьи и папского нунция, краковский епископ Бернард Мацеевский совершил обряд бракосочетания. На церемонии особу царя представлял А.Власьев (что по католическому обряду допускалось). 8 (18) мая 1606 венчание и коронация «царицы Марины Юрьевны» состоялись в Москве. После гибели Лжедмитрия I находилась под охраной в Москве, затем вместе с отцом была отправлена в Ярославль. В июне 1608 возвращена в Москву и отпущена в Речь Посполитую с условием не называться Московской царицей. В августе 1608 перехвачена у крепости Белая отрядом Лжедмитрия II и доставлена в Тушино, где признала самозванца «спасшимся» мужем. В декабре 1609, после распада Тушинского лагеря и бегства Лжедмитрия II в Калугу, Марина безуспешно пыталась заручиться поддержкой короля Сигизмунда III, а в феврале 1610 бежала в Дмитров под защиту полковника Я.П.Сапеги. Опасаясь перехода Сапеги на сторону коронной армии и выдачи польскому королю, вновь соединилась с Лжедмитрием II в Калуге. После его гибели нашла покровителя в лице атамана донских казаков И.М.Заруцкого и претендовала на московский престол от имени сына «царевича Ивана» (родился в январе 1611). В июле 1612 бежала из-под Москвы в Рязанские земли, а летом 1613 обосновалась в Астрахани. Восстание горожан (в мае 1614), вызванное приближением правительственных войск, вынудило Марину и Заруцкого бежать на р. Яик, где 24 июня 1614 они были схвачены казаками и выданы правительству. Сын Марины был казнен вместе с Заруцким осенью 1614 в Москве. Марина умерла (по другой версии была убита) в заточении. (РИБ. Т. 1, стб. 42–80; *Гиришберг А.* Марина Мнишек. М., 1908. С. 18–20; *Ульяновский В.И.* Мнишки. Указатель архивных материалов и библиографии. Киев, 1989).

²⁰ Олесницкий Николай (Миколай) (1558–1629), малогощский каштелян (с 1598), радомский (с 1608), люблинский (с 1617). Староста опочинский. В качестве посла короля Сигизмунда III прибыл в 1606 на коронацию Марины Мнишек в Москву. После убийства Лжедмитрия I был задержан, содержался «за приставы» на посольском дворе. В августе 1608 был отпущен на родину вместе с А.Гонсевским и Мнишками. Являлся дальним родственником

Ю.Мнишка, вместе с ним находился в Тушинском лагере и в январе 1609 уехал в Польшу (см.: Дневник польских послов Олесницкого и Гонсевского // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 4. СПб., 1834). Каштелян — военно-административная и судебная должность в воеводстве (вторая после воеводы). Каштелян имел право заседать в Сенате.

- ²¹ Гонсевский Александр Корвин (ум. ок. 1645), польский военачальник и дипломат. Выдвинулся во время польско-шведских войн конца XVI — начала XVII в. Был послом короля Сигизмунда III к Лжедмитрию I в 1605 и 1606. После свержения последнего был задержан в Москве. Вернулся в Польшу в 1608 (был отпущен вместе с Н.Олесницким и Мнишками). Прибыл вновь в Россию в составе армии Сигизмунда III, летом 1610 присоединился к войску коронного гетмана С.Жолкевского и вместе с ним вошел в Москву (по приглашению боярского правительства т.н. Семибоярщины). После отъезда Жолкевского стал начальником польского гарнизона в Кремле. Весной 1612 вывел часть гарнизона из Москвы, вверив командование оставшимся войсками полковнику М.Струсу. В 1612—1618 возглавлял польские войска в Смоленске, в 1618 и 1632 отразил попытки русской армии взять Смоленск. Сыграл важную роль на переговорах между Россией и Речью Посполитой, в результате которых был заключен выгодный для Польши Поляновский мир 1634. Референдарий — судья, разбиравший жалобы подданных, проживавших в землях короля, на старост и королевских управляющих.
- ²² Заслуживает внимания замечание Мархоцкого о том, что на свадьбу по желанию Лжедмитрия I надо было набрать военных людей. Вместе с Мариной Мнишек в Москву прибыли 250 чел. ее личной охраны, 400 чел. конницы привели Ю.Мнишек и его сын Станислав, 100 чел. конницы было у брата Ю.Мнишка Яна и 200 чел. у кн. Константина Вишневецкого (Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 2. СПб., 1859. С. 131—138; РИБ. Т. 1, стб. 418).
- ²³ Гусары — отборная конница, составлявшая основу польской кавалерии XVII в. В гусарской хоругви (rote) могло быть от 50 до 200 всадников, но чаще всего — 100 чел. (Cichowski J., Szulczynski A. Husaria. Warszawa, 1977. S. 36).
- ²⁴ Весной 1606 Лжедмитрий I отдал приказ готовить войско для похода на Азов. Местом сбора ратных людей был назначен Елец. А под Москвой расположились лагерем несколько тысяч новгородцев, вызванных Лжедмитрием I (Скрынников Р.Г. Самозванцы в России. С. 213).

- ²⁵ Возможно, Мархоцкий имеет в виду обычай, согласно которому государь лично выезжал из дворца на набатный звон, извещавший о каком-либо общегородском бедствии, в том числе и пожаре. Подобные факты неоднократно зафиксированы русскими летописями.
- ²⁶ 17 мая 1606 в Москве во время погрома польских дворов было убито около 500 поляков.
- ²⁷ Василий Иванович Шуйский (1552—1612), царь в 1606—1610. Из рода нижегородско-суздальских князей. С 1584 боярин. В царствование Бориса Годунова подвергся опале, но вскоре был прощен. В 1591 возглавлял розыск по делу о гибели в Угличе царевича Дмитрия. Участвовал в походе против Лжедмитрия I, но после смерти Годунова перешел на сторону самозванца. За участие в заговоре против Лжедмитрия I был приговорен к смерти, однако помилован и в конце 1616 возвращен ко двору. Организовал новый заговор, завершившийся убийством самозванца. 19 мая 1606 избран царем. Царствование Василия Шуйского проходило в обстановке социально-экономического и политического кризиса в стране. Подавил восстание И.И.Болотникова (1606—1607), однако не сумел противостоять отрядам Лжедмитрия II, нашествию польских и шведских войск. После поражения царского войска в битве под С. Клушино (24 июня 1610) от армии польского короля Сигизмунда III был свергнут с престола (17 августа 1610) и пострижен в монахи. В сентябре того же года выдан гетману С.Жолкевскому, который вывез его под Смоленск. В марте 1611 отправлен в Польшу, где умер в заключении (Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991).
- ²⁸ Речь идет о рокоше (вооруженном восстании шляхты против короля), который в начале 1606 поднял краковский воевода Миколай Зебжидовский. К недовольным стремлением короля Сигизмунда III присвоить абсолютную власть присоединились протестантская шляхта и магнаты, возмущенные политикой католической реакции, проводимой королем. 6 июля 1607 под Гузовом коронный гетман С.Жолкевский и литовский гетман Я.К.Ходкевич нанесли рокошанам поражение, однако сенат вынудил короля пойти на примирение (История Польши. Т. 1. М., 1954. С. 248—249; *Szujski J. Dzieje Polski podlug ostatnich badan. Cz. 1. Lwow, 1864. S. 175—184*).
- ²⁹ Лжедмитрий II (ум. 11 декабря 1610), самозванец, выдававший себя за спасшегося Лжедмитрия I (царевича Дмитрия Ивановича). Происхождение не ясно. Основу армии Лжедмитрия II составляли польские отряды и остатки

войск И.И.Болотникова, а также казаки. В июне 1607 он выступил из Стародуба. В мае 1608, разгромив войско царя Василия Шуйского, подступил к столице и встал близ С. Тушино (за что получил прозвище «тушинский вор»). Попытки тушинцев блокировать Москву или взять штурмом не удались. После вторжения в пределы Московского государства короля Сигизмунда III (в сентябре 1609) тушинский лагерь распался: Лжедмитрий II бежал в Калугу, где к нему присоединилась часть польских отрядов (основная часть поляков ушла к королю). Положение самозванца несколько улучшилось после поражения войска царя Василия Шуйского в битве под С. Клушино (24 июня 1610), нанесенного гетманом С.Жолкевским. Лжедмитрий II вновь подступил к Москве, но после присоединения его войска к полкам Жолкевского бежал в Калугу, где 11 декабря того же года был убит (*Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты).

³⁰ Подскарбий — казначей или человек, распоряжающийся имуществом.

³¹ Бургграф — управляющий городом, назначаемый королем.

³² Сведения, передаваемые Мархоцким о положении в Северной и Рязанской землях, заслуживают доверия: «А черниговцы и путимцы, и кромичи, и комарицы, и вси рязанские города за царя Василья креста не целовали и с Москвы всем войском пошли на Рязань: у нас де, царевич Дмитрий жив» (цит. по: *Кулакова И.П.* Восстание 1606 г. в Москве и воцарение Василия Шуйского // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1985. С. 49). «А северские и украинные города опять отложились» (ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 76; РИБ. Т. 13, стб. 588; *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 13).

³³ Здесь боярами Мархоцкий, вероятно, называет служилых людей дворянского происхождения (детей боярских).

³⁴ Похожую версию появления Лжедмитрия II излагает в своих записках полковник Й.Будило: «В десятую пятницу после русской пасхи появился в Стародубе некто, назвавшийся сначала Андреем Андреевичем Нагим. Затем, через четыре недели, пришел в Чернигов Андрей Воеводский Рукин, москвитянин, и стал рассказывать, что в Стародубе находится царь Дмитрий. Этого Рукина взяли в Стародуб, там он указал на вышеупомянутого Нагого и сказал, что он и есть Дмитрий. Нагой сознался, ему тут же поверили. Когда о нем разослали грамоты, то многие стали собираться к нему» (РИБ. Т. 1, стб. 123–124).

- ³⁵ Стародуб присягнул Лжедмитрию II 12 (22) июня 1608 (РИБ. Т. 1, стб. 123). См. комментарий № 34 (Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты. С. 353).
- ³⁶ Меховецкий Мацей (ум. 1608), польский дворянин, участвовал в рокоше М.Зебжидовского, по окончании которого явился одним из организаторов появления Лжедмитрия II. Полковник (командовал отрядом конницы в 700 чел.), затем главнокомандующий войсками самозванца. В марте 1608 смещен со своего поста кн. Р.Рожинским и в октябре того же года убит по его приказу (*Бутурлин Д.* Смутное время в России в начале XVII в. Ч. 2. СПб., 1841. С. 90; *Maciszewski J.* Polska a Moskwa 1603—1618. Warszawa, 1968. S. 142).
- ³⁷ Мизинов Матьяш, московский служилый литвин. Попав в октябре 1608 в плен под Козельском, присягнул Лжедмитрию II, затем сбежал от него в Москву. В мае 1609 вернулся в Москву по амнистии, объявленной Василием Шуйским (*Белокуров С.А.* Разрядные записи. С. 118; ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 76; РИБ. Т. 1, стб. 126; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты. С. 231, 282).
- ³⁸ В сентябре 1607 Лжедмитрий II пошел из Стародуба через Почеп к Брянску, но затем повернул в сторону Карачева, т.к. в Брянске находилось верное царю Василию Шуйскому войско (РИБ. Т. 1, стб. 125). В конце октября полки самозванца разбили войско М.Мизинова под Козельском, а передовые отряды направились через Крапивну и Дедилов к Туле, где находился осажденный царской ратью И.И.Болотников. Узнав о падении Тулы, отряды самозванца повернули от Епифани обратно к Карачеву. Затем, опасаясь преследования, Лжедмитрий II пошел к Орлу. Вновь не сумев закрепиться, направился в Путивль. По пути к войску Лжедмитрия II присоединились многочисленные отряды польской шляхты и казаков. Приостановив свое бегство, Лжедмитрий II решил вернуться в Брянск, но город был уже занят верным В.Шуйскому воеводой кн. В.Ф.Масальским. Не сумев занять город, самозванец ушел в Орел, где простоял до весны 1608 (*Белокуров С.А.* Разрядные записи. С. 91, 118, 119, 159, 246; РИБ. Т. 1, стб. 125—130; ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 76—77; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты. С. 231—232; *Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 46—47).
- ³⁹ Валявский Валентин, польский дворянин. Участвовал в рокоше М.Зебжидовского (1607), по окончании которого явился на службу к Лжедмитрию II, исполнял при нем обязанности канцлера, командовал полком польской кон-

- ницы (численность которого, по некоторым сведениям, составляла 500 чел. конницы и 400 пехотинцев) (РИБ. Т. 1, стб. 128; *Maciszewski J. Polska a Moskwa. S. 142*).
- 40 Рожинский Роман (1575—1610). Происходил из рода князей Наримунтовичей, потомков Гедимины. С 1600 воевал под началом коронного гетмана С. Жолкевского. Во время рокоша М. Зебжидовского сражался на стороне короля. Затем с небольшим отрядом гусар покинул войско короля. Заняв денег у краковского воеводы (ок. 60 тыс. золотых под залог своих земель), собрал войско для похода в Московское государство. Прибыв к Лжедмитрию II, произвел переворот, сместив с поста главнокомандующего М. Меховецкого, и стал гетманом войск самозванца. После распада Тушинского лагеря решил присоединиться к армии короля Сигизмунда III. Умер 4 апреля 1610, похоронен в Киевском костеле доминиканцев (*Maciszewski J. Polska a Moskwa. S. 139*).
- 41 Тышкевич Самуил, польский дворянин, полковник. Присоединился к войску Лжедмитрия II в С. Лабушеве близ р. Нерусы, имея с собой 700 чел. конницы и 200 пехотинцев (РИБ. Т. 1, стб. 128).
- 42 Хруслинский Станислав, польский дворянин, полковник в войске Лжедмитрия II. После бегства самозванца из Тушина вновь присоединился к нему в Калуге (в марте 1610). Позже служил под началом Я. П. Сапеги. В июне 1610 полк Хруслинского составляли 200 казаков, 600 пятагорцев и 200 гусар. (РИБ. Т. 1, стб. 198).
- 43 Неудачная осада Брянска была предпринята Лжедмитрием II в декабре 1607. 6 (16) января 1608 войско встало на зимовку в Орле (РИБ. Т. 1, стб. 128—129; ПСРЛ. Т. 14, Ч. 1. С. 79).
- 44 Численность войска Р. Рожинского подтверждает П. Петрей (*Петрей П. История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 262*). По свидетельству С. Маскевича, у Рожинского было 1000 всадников [*Pamietniki Samuela i Boguslawa Kazimerza Maskiewiczow. Wroclaw, 1961. S. 118—119 (далее — Maskiewicz)*].
- 45 г. Новгород-Северский на р. Десна. Известен с XI в. С XIV в. в составе Великого княжества Литовского. С 1503 в составе Русского государства. Имел важное значение как пограничная крепость.
- 46 Польская миля равна 5-ти верстам (верста — 1080 м).
- 47 Пядь равна 18 см (7 пядей составляют 1,26 м).
- 48 Выражение «справить приветствие, справить посольство» означало исполнение посольских церемоний: обращение с

официальным приветствием по особой форме, произнесение речей, передача грамот и других документов и т.п. (Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988. С. 121).

- ⁴⁹ Т.е. шляхтичи, составляющие основу польской кавалерии.
- ⁵⁰ Предшествующий Пасхе Великий пост, продолжался 7 недель. В 1608 Пасха была 27 марта (6 апреля).
- ⁵¹ Арцыбес — от латинского Arcibiscup (архиепископ).
- ⁵² Наложили bando, т.е. осудили на изгнание из войска.
- ⁵³ Маршалок — ведал двором Лжедмитрия II.
- ⁵⁴ Заруцкий Иван Мартынович (ум. 1614), казачий атаман, родом из Тарнополя. До лета 1607 сражался в армии И.И.Болотникова, затем ушел к Лжедмитрию II, в войске которого командовал отрядом донских казаков и был пожалован в бояре. После распада Тушинского лагеря перешел на сторону короля Сигизмунда III, затем, обиженный холодным приемом, вернулся к самозванцу. После убийства последнего примкнул к Первому ополчению кн. Д.Т.Трубецкого и П.П.Ляпунова, стал одним из его руководителей. В 1612 пытался организовать покушение на кн. Д.М.Пожарского. Бежал в Рязанские земли, оттуда в Астрахань (1613). Опасаясь подхода царского войска, бежал на р. Яик. Осенью 1614 был выдан казаками царским воеводам, привезен в Москву и казнен (Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты; Шепелев И.С. Место и характер движения И.М.Заруцкого в период крестьянской войны и польско-шведской интервенции (до ухода его изпод Москвы) 1606—1612 // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990).
- ⁵⁵ Лисовский Александр Иосиф (ум. 1616), польский шляхтич. За участие в рокоше М.Зебжидовского (1607) был осужден на изгнание. В войске Лжедмитрия II служил полковником, командовал отрядом донских казаков. Был одним из участников погромов русских городов (на севере Рязанской земли, в районе Зарайска), захватил Коломну. В июле 1608 вернулся в Тушино, участвовал в блокаде Москвы, с сентября того же года воевал под началом Я.П.Сапеги, вместе с ним осаждал Троице-Сергиев монастырь. Участвовал в захвате Костромы, Галича, Соли Галицкой. После подхода войск М.В.Скопина-Шуйского к Троице-Сергиеву монастырю ушел в Ярославскую землю, затем присоединился к войску короля Сигизмунда III, сто-

- явшему под Смоленском. Обосновавшись в Заволочье, часто нападал на Псковские и Новгородские земли.
- ⁵⁶ Мархоцкий сильно преувеличивает численность войска Шуйского. По подсчетам И.С.Шепелева оно не превышало 30—35 тыс. чел. (*Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба. С. 61—70).
- ⁵⁷ Шуйский Дмитрий Иванович (ум. 1612), князь, младший брат царя Василия Шуйского. В 1580—1586 кравчий, с 1586 боярин. До 1591 вместе с другими князьями Шуйскими находился в ссылке в Шуе. В 1596—1598 воевода государева полка. В 1604 назначен воеводой в войске, poslanном против Лжедмитрия I. В 1610 потерпел поражение от коронного гетмана С.Жолкевского в битве под С.Клушино. После низложения Василия Шуйского отправлен в Польшу и умер в плену (*Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и российский трон).
- ⁵⁸ Бернардинцы — католический монашеский орден, названный по имени Бернарда Клервосского. С 1453 бернардинцы обосновались в Польше при соборе Св. Бернарда в Кракове. В Самборе находился бернардинский монастырь, которому покровительствовал Юрий Мнишек (*Пирлинг П.* Мнишки и бернардины // Из Смутного времени. Статьи и заметки. СПб., 1902. С. 39—53).
- ⁵⁹ Болховская битва [30—31 апреля (10—11 мая) 1608] — одно из самых крупных сражений Смутного времени, зафиксирована как русскими (ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 79; РИБ. Т. 13, стб. 668), так и иностранными источниками. Свидетельство Мархоцкого детально подтверждает дневник хорунжего Й.Будилы: «В том же году, 8 мая, царь [Лжедмитрий II. — *Е.К.*], видя, что имеет достаточно войска и что настало удобное для войны время, двинулся из Орла к Болхову, в котором находился с войском Дмитрий Шуйский. Того же года и месяца 10 числа, когда с обеих сторон войска приготовились к битве, Шуйский, видя, что царь наступает из Орла, вывел тоже в поле за город Болхов на две мили свое войско, которого у него было 17000. Царское войско как тяжелооруженное [шло медленно, быстро шли] лишь гусарские полки. Гетман князь Рожинский послал вперед полки панов Рудского, Велегловского и казацкие полки и поручил им занять перестрелкой этот московский народ. Они в этот день долго и мужественно бились с ними, но затем дали знать гетману, что никак не могут сдержать столь великое войско, и просили его как можно скорее подкрепить их. Сейчас же все войско стало спешить и, пройдя беглым шагом две мили, нашло, что войско Шуйского стоит на месте, готовое

к битве, что оно велико и превосходит силы царского войска. Князь Рожинский дал знак вступить в битву прежде всего полку князя Адама Рожинского и полку Валявского. Они охотно вступили в битву и бились мужественно. Против них выступили прежде всего немцы и поляки [казаки — ?], но все легли на месте, потому что не получили подкрепления от русского войска, которое вместо того, чтобы дать им помощь, столпилось около своих пушек. Князь Рожинский, видя, что московское войско не идет в битву, имея в виду также, что в его войске лошади измучены и изнурены (их немалое число пало от жару) и что уже приближается ночь, ввел свое войско в лагерь, который устроил тут же подле московского войска; московское войско тоже было в лагере. На следующий день, 11 мая, на рассвете, гетман приготовил к бою и вывел войско; москва тоже по своему обычаю приготовила войско. С обеих сторон пустили наездников [harcownikа]. Так как обоз гетмана стоял не на хорошем месте, то он передвинул его на другое, более ровное место во фланг неприятелю. На возах были хоругви. Русские, думая, что другое войско заходит в тыл, потому что среди пыли не видно было возов, а видны были только хоругви, и притом не видя, где обоз стал, потому что его закрывали пригорок и роща, встретились, как только польское войско выступило к бою, и дан был знак начать битву, и, побившись немного с передними ротами, подались назад. Тогда наши гнали их две мили за Болховом, но, так как наступила ночь, то гнали их лишь до засек, где они имели очень узкий проход. В этих засеках через все лето был страшный смрад от человеческих трупов, а в особенности от лошадиных, так как там пали чуть ли не все лошади русского войска. В этой битве русские бросили все свое оружие, военные снаряды и все свои богатства. На эту войну они отправились с большими средствами и силами и, надеясь наверное победить, собирались сейчас же идти к Киеву, но Бог разрушил их гордые замыслы и расточил удивительно малым польским войском, которого при царских людях было не более 5000. Того же года [и месяца] 13 числа Болховская крепость и город, после того, как войско Шуйского было поражено и рассеяно, сдались, когда подступил царь. Там взят был Федор Гедройц, передавшийся русским из Запорожья» (РИБ. Т. 1, стб. 130—134).

⁶⁰ Тупальский, польский дворянин, ротмистр. В январе 1608 прибыл к Лжедмитрию II в Орел с отрядом конницы (400 чел.). Служил в полку Адама Рожинского. В январе 1610 попал в плен под Иосифо-Волоколамским монастырем

вместе с Александром Рожинским (последний умер в плену). Освободился в августе того же года, после подписания договора об избрании на московский престол королевича Владислава. Затем служил в войске короля Сигизмунда III (РИБ. Т. 1, стб. 129, 714).

⁶¹ Арматы — пушки.

⁶² Гарцовники (наездники) — воины, завязывавшие бой перед началом основного сражения, сам же бой назывался гарцем.

⁶³ Пятигорские роты (пятигорцы) — род конницы. Пятигорцами называли панцирных ратников в Великом княжестве Литовском — литовских гусар (*Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба. С. 92—93).

⁶⁴ Засеки (засечные черты) — системы оборонительных сооружений на юге и юго-востоке Московского государства. Создавались для отражения ногайских и крымских набегов; состояли из лесных завалов (засек), валов, рвов, частоколов, опорных пунктов. Построенная в 60—90-е гг. XVI в. т.н. Большая засечная черта проходила в районе Тулы, Каширы, Рязани (*Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916).

⁶⁵ Рушница — род огнестрельного оружия, приспособленного для стрельбы с рук (отсюда и название), — затинная пищаль, прообраз ружья с фитильным запалом.

⁶⁶ Гедройц (Гедройц) Федор (ум. 1609), по другим сведениям происходил из украинских земель (РИБ. Т. 1, стб. 131). Погиб под стенами Троице-Сергиева монастыря (*Hirschberg A.* Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Zbior materialow do historyi stosunkow polsko-rossyiskich za Zygmunta III. Lwow, 1901. S. 214—215).

⁶⁷ р. Угра — левый приток Оки.

⁶⁸ г. Царев Борисов, при р. Пахре. Построен ок. 1599 царем Борисом Годуновым и назван его именем.

⁶⁹ Святой Николай Мирликийский (Никола Угодник) — один из самых почитаемых святых на Руси. Никола Угодник считался покровителем Можайска. Главный въезд в Можайский кремль венчала надвратная церковь Воздвижения, где стояла деревянная скульптура св. Николая Можайского. Взяв Болхов, Лжедмитрий II пошел на Можайск не случайно: через этот город проходила дорога на Смоленск и далее — в Литву. В начале июня 1608 Лжедмитрий II прошел через Звенигород и двинулся к самой Москве (*Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты. С. 233).

- ⁷⁰ Лужецкий (Рождества Богородицы) мужской монастырь, основан ок. 1403 (Лужецкий можайский 2 класса монастырь. М., 1888).
- ⁷¹ Борковский Петр, королевский дворянин, прибыл в Москву в свите польских послов С.Витовского и Я.Друцкого-Соколинского в октябре 1607. Затем был начальником немецких наемников на службе у короля Сигизмунда III, в 1610—1611 находился в Москве в гарнизоне А.Гонсевского.
- ⁷² Речь идет о договоре, заключенном в Москве польскими послами Станиславом Витовским и кн. Яном Друцким-Соколинским 25 июля (4 августа) 1608. Однако Мархоцкий ошибается, указывая, что договор уже подписан. Польские послы прибыли в Москву 12 октября 1607, а первая аудиенция у царя Василия Шуйского состоялась 22 ноября того же года. Послы должны были заключить перемирие и добиться возвращения на родину королевских послов А.Гонсевского и Н.Олесницкого, Мнишков и других поляков, задержанных в Москве после свержения Лжедмитрия I. В указанное Мархоцким время переговоры еще продолжались. (Сборник РИО. Т. 137. С. 418—427; Сборник кн. Оболенского. М., 1838. № 10).
- ⁷³ Войско Лжедмитрия II достигло Москвы в начале июня 1608 (*Шенелев И.С.* Освободительная и классовая борьба. С. 81—108).
- ⁷⁴ Гостинцы — т.е. дороги.
- ⁷⁵ Село Тайнинское расположено к северу от Москвы на р. Яуза. В XVII в. его название произносилось как Тонинское или Танинское.
- ⁷⁶ Четверг 23 июня (3 июля) 1608. Сведения Мархоцкого подтверждает «Дневник» Й.Будилы: «Того же года 24 июня в праздник св. Иоанна, царь подступил к столичному городу Москве. Там не было никакого войска, кроме стражи. Когда царь, не находя удобного места для лагеря, ходил кругом Москвы и, направляясь назад к Тушину, дошел до Товиенска [с. Тайнинское], то на него напало было в тесном месте войско Шуйского, но при Божией помощи было разбито. Царское войско расположилось у Тушина, подле монастыря св. Николая, на месте, заросшем явором» (РИБ. Т. 1, стб. 134—135; ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 80).
- ⁷⁷ Химка — река к северо-западу от Москвы, левый приток Москвы-реки.
- ⁷⁸ Речь идет, вероятно, о ротмистре Матвее Домарацком и Яне Бучинском. Выбор именно этих людей для переговоров с войском Лжедмитрия II был не случаен: оба поляка

хорошо знали Лжедмитрия I и должны были, видимо, обличить «тушинского вора» в самозванстве. Домарацкий был ротмистром в армии Лжедмитрия I, попал в плен во время битвы под С. Добрыничи (21 января 1605). После вступления в Москву «царя Дмитрия» вновь служил последнему. В 1609—1610 активно участвовал в сражениях против армии царя Василия Шуйского. Я. Бучинский был доверенным лицом и секретарем Лжедмитрия I еще в Польше (в 1604), прошел с ним весь путь до Москвы, затем неоднократно выполнял его поручения в Польше. После свержения Лжедмитрия I Бучинский был задержан в Москве.

- ⁷⁹ Воевода кн. Василий Федорович Масальский (*Белокуров С.А.* Разрядные записи. С. 251, 118). Осенью 1607 Масальский потерпел поражение от Лжедмитрия II под Козельском (ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 76).
- ⁸⁰ Ходынка — река к западу от Москвы, левый приток р. Таракановка. Войско Василия Шуйского в составе трех полков 29 мая выступило навстречу Лжедмитрию II из Москвы; 3 июня остановилось в С. Воробьево, 10—11 июня перешло на р. Ходынка, 14 июня заняло позиции на Ваганькове. Василий Шуйский «вышел сам со всеми своими бояры и окольными и думными дьяки и с разряды и со всеми ратными людьми и с вогненным боем, и стал на Ваганькове и по рву стояли стрельцы и казаки с вогненным боем и с пушками. А бояре и воеводы полками стояли на речке на Ходынке» (*Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 341; *Белокуров С.А.* Разрядные записи. С. 251—252; *Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба. С. 82—83).
- ⁸¹ Битва на р. Ходынке состоялась 25 июня (5 июля) 1608 (*Попов А.* Изборник. С. 341; ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 80; *Шепелев И.С.* Освободительная борьба. С. 82—83, 86).
- ⁸² Рожинский Адам, князь, племянник Романа Рожинского. Командовал полком в войске Лжедмитрия II, после бегства самозванца из Тушина в Калугу (в январе 1610) присоединился к войску короля Сигизмунда III под Смоленском.
- ⁸³ Каменский Самуил, польский дворянин, ротмистр полка кн. Р. Рожинского. После бегства Лжедмитрия II из Тушина в Калугу присоединился к войску короля Сигизмунда III под Смоленском. (РИБ. Т. 1, стб. 184, 713).
- ⁸⁴ Ср. описание битвы на р. Ходынке, приведенное Мархоцким, со свидетельством И. Будилы: «Того же года, 5 июля, из разных городов немало прибыло к Шуйскому войска,

которого было 100000 [русских] и 40000 татар. Они расположились у реки Москва подле монастыря Нехорошева [с. Хорошово]. Занимало оно пространство от Москвы до Ходынки на 7 верст. Князь [Рожинский], видя, что здесь собрано так много народа, что трудно против него удержаться в обозе и что нет удобного места для вступительного боя передовых полков, призвав Бога на помощь и не давая знать войску, а только посоветовавшись с полковниками и некоторыми ротмистрами, как только московское войско расположилось, приказал ночью своему войску двинуться к московскому лагерю, а Заруцкому приказал правым крылом ударить на татар. Передний полк пана Вальевского, поставленный на челе, ударил на стражу у лагеря и, преследуя ее, въехал в лагерь. Другие полки, бывшие во флангах, прорвав каждый против себя лагерь, ворвались в него. Русские не могли устроиться и были поражены. Таким-то образом, при Божией помощи, мы одержали победу и взяли немалую добычу, а Шуйский с войском вступил в город» (РИБ. Т. 1, стб. 135—136).

- ⁸⁵ Мархоцкий путает чины служилых людей и думные чины. Возможно, речь идет о знатных военачальниках, но число их сильно преувеличено.
- ⁸⁶ Самопал — ручное огнестрельное оружие, то же, что и рушница.
- ⁸⁷ 1 польский золотый равен 30 грошам (грош — 0,77 г серебра).
- ⁸⁸ Млоцкий Анджей, польский дворянин, участвовал в рокоше М.Зебжидовского (1607), затем присоединился к войску Лжедмитрия II, командовал отрядом польской кавалерии и казаков. В январе 1609 осаждал Коломну и Серпухов. После бегства «тушинского вора» в Калугу (в январе 1610) перешел на сторону короля Сигизмунда III. (*Maskiewicz. S. 119*; РИБ. Т. 1, стб. 163; *Maciszewski J. Polska a Moskwa. S. 141*).
- ⁸⁹ Зборовский Александр принадлежал к одному из самых влиятельных магнатских родов Малой Польши. С 1608 полковник на службе у Лжедмитрия II, возглавлял отряд из 500 гусар. После бегства самозванца в Калугу собрал остатки «тушинских» польских отрядов и присоединился к войску гетмана С.Жолкевского. Участвовал в сражениях под Царевым Займищем и Клушином. В 1610 вернулся в Польшу (*Maskiewicz. S. 119*).
- ⁹⁰ Инфлянты — польское название части Ливонии, которая в 1561—1629 почти целиком находилась под властью Речи Посполитой. Сведения Мархоцкого о присоединении к

войску Лжедмитрия II многочисленных польских отрядов, участвовавших в (конфедерациях) рокошах 1608—1609, подтверждает С.Маскевич. Он упоминает отряд А.Млоцкого в несколько сотен всадников, полк Я.П.Сапеги в несколько тысяч человек, полки А.Зборовского (500 гусар), М.Вилямовского (700 всадников), а также отряды Руцкого, Орылковского, Копычинского (*Maskiewicz*. S. 119).

⁹¹ Вилямовский Марк, польский дворянин, полковник на службе у Лжедмитрия II. В начале 1610 присоединился к армии короля Сигизмунда III (*Maskiewicz*. S. 122).

⁹² Сапега Ян Петр Павел (1569—1611), польско-литовский дворянин. Племянник великого литовского канцлера Льва Сапеги. Ротмистр короля Сигизмунда III (с 1605), усвятский староста (с 1606). В августе 1608 с одобрения короля и Л.Сапеги прибыл в Тушинский лагерь к Лжедмитрию II. В 1608—1610 осаждал Троице-Сергиев монастырь. После бегства Лжедмитрия II из Тушина вновь присоединился к нему в Калуге. После переговоров с гетманом С.Жолкевским под Москвой перешел на сторону короля. Пытался оказать помощь осажденному в Москве войсками Первого ополчения польскому гарнизону. Умер в Москве.

⁹³ Ср. «Дневник» Й.Будилы: «После этой битвы, чем дальше, тем больше прибывало войска на службу царю. Так прибыли пан Бобовский, который выдержал сражение с князем Мосальским под Звенигородом и одержал над ним победу; затем Зборовский со Стадницким; затем Млоцкий, Вилямовский, пробившийся мимо Смоленска и одержавший победу над русскими, вышедшими против него, когда он уже миновал Смоленск; пришел также из Рязани с донскими казаками Лисовский, который много раз громил русских, когда еще был в Рязани, и еще прежде, когда царь посылал его от Орла в Михайлов. Когда он подходил к Тушину и проходил мимо Москвы, то русские напали и разбили его, но он опять собрался с силами и пришел в Тушин» (РИБ. Т. 1, стб. 136—137).

⁹⁴ Договор царя Василия Шуйского с польскими послами был подписан 25 июля (4 августа) 1608. Послы и сандомирский воевода поклялись не переходить к «тушинскому вору», Ю.Мнишек обязывался Лжедмитрия II «зять себе не называти, и дочери своей Марины за него не давати, и иным всяким таким ворах ныне и вперед ни в чем не верить, и дочери своей Марины государским именем государынею Московской не называти». Между тем Ю.Мнишек еще в мае 1608 писал королю, что зять его действительно жив и просил о помощи [*Бутурлин Д.* История Смутного времени. Т. 2. Приложение № 8; Сборник РИО. Т. 137.

- С. 706–707; Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГД). Т. 2. № 156].
- ⁹⁵ В конце июля — начале августа 1608 поляки были отправлены из Москвы к границе. Для них был выбран самый надежный путь: от Москвы — на Углич, далее до границы через Тверь, на Велиж. Недалеко от границы в С. Верховье, неподалеку от города Белая, они были достигнуты тушинским отрядом (РИБ. Т. 1, стб.140; *Жолкевский С.* Записки о Московской войне. М., 1871. С. 14; *Белокуров С.А.* Разрядные записи. С. 14, 48, 95–96, 253).
- ⁹⁶ А.Зборовский привез Н.Олесницкого и Мнишков к Цареву Займищу, где стоял Я.П.Сапега, и вместе с ним двинулся к Можайску. 29 августа (8 сентября) обоз встал в Звенигороде, а 1 (11) сентября Сапега и Мнишки расположились в 1 миле от Тушинского лагеря (А.Гонсевский еще 8 августа отделился от основного обоза и по другой дороге ушел за границу). В результате тайных переговоров с представителями Лжедмитрия II стороны согласились, что Марина останется при «царе Дмитрие» с условием его отказа от прав супруга, пока не займет престол. 8 (18) сентября произошла торжественная встреча «супругов». Через месяц Ю.Мнишек получил от Лжедмитрия II грамоту на владение 14 городами Северной земли и обязательство выдать воеводе, по вступлении на престол, из казны 300 тысяч злотых (Сборник РИО. Т. 137. С. 732; *Hirschberg A.* Polska a Moskwa. S. 185–189; *Бутурлин Д.* История Смутного времени. Т. 2. Приложение № 9, 10; СГД. Т. 2. № 160; *Жолкевский С.* Указ. соч. Приложения. С. 203, 204).
- ⁹⁷ О переговорах представителей царя Василия Шуйского с тушинцами сохранилось свидетельство С.Немоевского: «17 сентября били в Москве в набаты. Сказали, что послы и Сандомирский, которые вопреки присяге вернулись к воровскому войску, съезжаются с нашими боярами в поле мирно. Прислали четырех заложников, среди которых знатнейшие: Заруцкий и Лисовский. Бояре отправили тоже четверых: Андрея Голицына, Василия Сукина, Ивана Федоровича Кольчева, Василия Григорьевича Телепнева. Разговор продолжался до позднего вечера. Дошел слух, что воевода домогался для своей дочери удельного княжества и известных городов, если великий князь желает, чтобы польское войско ушло из его земли» (*Немоевский С.* Записки // *Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.Вахрамееву. Вып. 6. М., 1907. С. 281–282).

- ⁹⁸ Мнишек Станислав Бонифатий (ум. ок. 1645), польский дворянин, сын сандомирского воеводы Ю.Мнишка. Староста львовский (1613), самборский и глинянский. Вместе с отцом принимал активное участие в авантюрах с Лжедмитрием I и Лжедмитрием II. Прибыл в Москву в свите своей сестры Марины. После убийства Лжедмитрия I находился под стражей в Ярославле, был отпущен в Польшу в августе 1608, затем вместе со своим отцом и сестрой присоединился к Тушинскому лагерю. В январе 1609 уехал с отцом в Польшу, вновь прибыл в Россию в армии Сигизмунда III, был посредником на переговорах Марины с козем.
- ⁹⁹ Осенью 1608 власть Лжедмитрия II признали Замосковные города (попытку сопротивления предприняли только Ростов, Шуя и Кинешма), в октябре — ноябре того же года — Владимир, Муром, Касимов, Шацк, Алатырь, Арзамас, Ярославль, Романов, Пошехонье, Кострома, Вологда, Самара, Саратов, Царицын и др. [ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 82—84; Акты, собранные Археографической Экспедицией (далее — ААЭ). Т. 2. СПб., 1832. № 88, 99; *Hirschberg A. Polska a Moskwa*. S. 196, 197, 205; *Шенелев И.С.* Освободительная и классовая борьба. С. 194—207, 255]. Верными царю Василию Шуйскому оставались фактически лишь Москва, Рязань, Коломна, Смоленск, Великий Новгород, Нижний Новгород и Казань (ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 84). Троице-Сергиев монастырь — крупнейший русский монастырь, расположен к северу от Москвы. Основан в середине XIV в. Сергием Радонежским. С середины XVI в. мощная крепость. С 1561 настоятели монастыря получают сан архимандрита и первое место среди настоятелей русских монастырей. (*Балдин В.И.* Троице-Сергиева лавра. М., 1958; *Шенелев И.С.* Освободительная и классовая борьба. С. 194—207)
- ¹⁰⁰ 19 сентября 1608 Я.П.Сапега был послан перекрыть дорогу на Троице-Сергиев монастырь. 23 сентября он выдержал сражение с ратью И.И.Шуйского у д. Рахманцевой и встал лагерем под монастырем (РИБ. Т. 1. С. 141—142; ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 82; *Белокуров С.А.* Разрядные записи. С. 50, 220—221; *Hirschberg A. Polska a Moskwa*. S. 185, 188, 190—191; *Шенелев И.С.* Освободительная и классовая борьба. С. 104—106).
- ¹⁰¹ Возможно, речь идет о повытном обложении. Вытью называлась малая окладная единица, с которой взималась часть повинностей, налагаемых на крупную вотчину или общину (*Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Централь-

ной России в XVII в. // О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977. С. 22).

- ¹⁰² Более полные сведения об этом посольстве содержит «Дневник» Й.Будилы: «1609 год. Польское войско послало к королю на сейм посольство с таким заявлением: "Светлейший король, милостивый государь наш! Наши братья-рыцарство с их гетманом, князем Романом Наримунтовичем Рожинским, верноподданные вашего величества, вступившие с оружием в Московскую землю для славы царя Дмитрия Ивановича Московского, заявляют вашему величеству и отечеству верноподданничество, искреннюю преданность и нижайшую покорность, желают вашему величеству доброго здоровья, долгого царствования, расширения государства, умножения славы нашего народа и утращения всех врагов вашего величества и Речи Посполитой. Разве новость, что рыцарство государств вашего величества своими рыцарскими делами при каждом случае умножает за пределами королевства славу нашего народа, представляет ее перед глаза других государей, широко разглашает и умножает ее. Оберегая таким образом благо Речи Посполитой, оно иногда выходило за пределы государства без согласия своих государей, на свои собственные средства. Имея и давние и свежие примеры подобного образа действий, кроме того, тронутое и подвигнутое братской любовью, которая требовала, чтоб столь великое пролитие крови наших братий, замученных в Москве, где они обмануты были предлогом дружбы и обобраны в имуществе, было надлежащим образом отмщено, рыцарство вашего величества вышло за границы государства. Опасаясь, чтобы это удаление его не навлекло на него немилости вашего величества и Речи Посполитой касательно верности и преданности престолу вашего величества, сочло долгом засвидетельствовать повинование свое вашему величеству, послало сюда нас своими послами и униженно просит вас ничего дурного не подозревать в нас и смотреть на нас, как на ваших верных подданных и честных сынов государств ваших, которые ни о чем другом не хлопочут, как только о славе и благе Речи Посполитой. Того и другого мы, при Божией помощи, достигли этим выходом нашим за границы государства. Потому что, если посмотрим на славу нашего народа, громко, как бы с горы провозглашенную всему свету, то она не только ни в чем не повреждена нами, но напротив, при Божией помощи, при счастии вашего величества и нашей предприимчивости, через разные битвы, счастливо нами выигранные, приобрела в мире бессмертие, так что, где прежде о ней мало кто слышал,

там теперь она хорошо известна и знакома; пределы ее известности упираются даже в ледовитые моря. Никто не может утверждать, чтобы эта слава не принесла пользы нашему отечеству, потому что, не говоря уже о том, что государства вашего величества, теперь уже умиротворенные, тогда пылали пламенем внутреннего разногласия и без большого вреда не могли бы вынести присутствия столь великого сближения из рыцарства, это рыцарство тогда не могло бы быть столь могущественным щитом против замыслов и войск неприятеля, уже готовившегося тогда выступить к границам вашего величества и даже уже направившегося на них. Далее, без всяких издержек со стороны вашего величества и Речи Посполитой мы, при Божией помощи, собственными нашими средствами отомстили не только за омраченную славу нашего народа, но освободили и отпустили в отечество послов вашего величества, задержанных вопреки обычаю всех народов в течение двух с половиной лет, и многих из наших братьев, отправившихся на свадьбу царя Дмитрия Ивановича с ведома и дозволения вашего величества, из которых одни невинно были замучены, а другие до последнего времени содержались в ужасном заключении (за которых москвитяне требовали огромный выкуп). Мало того, то царство, на которое Речь Посполитая всегда обращала внимание, и того гордого врага, который всегда был пугалом для нашего отечества, мы, почти сев им на хребты, принудили к тому, что они теперь, уstraшенные нами, бьют вашему величеству челом, а тот, которого они теперь носят на руках, которого мы выдвигаем на престол Московский нашею кровью и издержками, через посла своего обещает со своей стороны вашему величеству и всей Речи Посполитой — нашей матери — вечную приязнь и верную, твердую любовь. Бог даст, этими нашими делами благо отечества будет умножаться, и тем более будет процветать в счастливое правление вашего величества, милостивого нашего государя, слава нашего народа. Ободряемые этим, наши братья-рыцарство тем смелее вторично просят низжайше ваше величество, чтобы вы, взглянув королевскими очами на те походы, которые при Божией помощи счастливо нами совершаются, благоволили иметь и ставить нас в числе ваших верноподданных и собственных детей, а не в числе пасынков нашего отечества. Поэтому они низжайше просят ваше величество, милостивого нашего государя, чтобы те из них, которые, находясь в нашей войске, имеют в своем отечестве судные дела, получили вашей милостью и по дозволению всех чинов, продолжение права судиться и переносить

- силье дела свои до своего возвращения. Все рыцарство имеет твердую надежду, что и это получит от вашего величества, и надеется впредь быть у вас в великой милости, именно надеется, что ваше величество, оценив столь хорошие наши намерения, столь важные заслуги, наградите нас обычною своею милостью, отечество наградит благодарностью и потомство бессмертною славой". С этими послами от войска и царь послал к королю своего посла Лопухина-Нехорошего с заверением в вечной дружбе, на что не только царь, но и войско не получили надлежащего ответа, напротив, вышеупомянутый посол царя встретил пренебрежение к себе, уехал, не будучи выслушан, а на посольство от войска послы принесли от короля письмо, запечатанное домашней королевской печатью, и в нем король обещает прислать к войску своих послов» (РИБ. Т. 1, стб. 143–150).
- ¹⁰³ Скопин-Шуйский Михаил Васильевич (1586 – 23 апреля 1610), князь, сын кн. В.Ф.Скопина-Шуйского, родственник царя Василия Шуйского. Стольник (1604), воевода (1606). Участвовал в подавлении восстания И.И.Болотникова. В 1608 вел в Новгороде переговоры с представителями шведского короля Карла IX о союзе против Лжедмитрия II. В 1609 вместе со шведским военачальником Я.П.Делагарди нанес поражение отрядам Лжедмитрия II под Торжком, Тверью, Дмитровом, освободил поволжские города. Снял осаду Москвы и в марте 1610 торжественно вступил в столицу. Однако вскоре внезапно умер; по слухам, он был отравлен женой брата царя – Екатериной Скуратовой-Шуйской (*Абрамович Г.В.* Князя Шуйские и российский трон).
- ¹⁰⁴ 28 февраля 1609 М.В.Скопин-Шуйский подписал текст соглашения со шведским королем Карлом IX. Король обязался поставить России наемное войско, а взамен получал г. Корелу с уездом. 10 мая 1609 Скопин-Шуйский покинул Новгород, с ним было до 3 тыс. русских воинов и 15 тыс. шведов (*Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты. С. 239; *Бутурлин Д.* История Смутного времени. Т. 2. Приложение № 8).
- ¹⁰⁵ По сообщению Й.Будилы, Р.Рожинский был ранен 27 апреля (6 марта) 1609 (РИБ. Т. 1. С. 150).
- ¹⁰⁶ Ср.: «Того же года, [21] 31 мая. Князь Михаил Скопин-Шуйский с Понтусом, князем Аушпурским, немецким гетманом, с 7000 немецкого войска и 14000 московского подступили к Великому Новгороду на помощь Москве. Против них послан был из большого лагеря пан Зборовский и с ним князь Григорий Шаховской с русским войском. Они прямо пошли к Новгороду; но так как на пути лежала

крепость Торжок, которая перешла на сторону Шуйского, то Зборовский осадил ее и сжег город, но когда добывал крепость, на него напали передовые отряды немецкие и русские. Зборовский скоро оправился и поразил их; но добыв языки и узнав, что у Скопина большое войско, 27 июня отступил от Торжка к Твери и послал в великий лагерь за подкреплением. К нему пришли с ротами Хруслинский, Цеклинский, Белинский, Корытко, Януш Тышкевич, Калиновский; из-под Троицы Вилямовский с Ручким, из-под Осипова князь Александр Рожинский, Павала и др.» (РИБ. Т. 1, стб. 155—158).

¹⁰⁷ Ср. ход второго сражения у р. Ходынки по «Дневнику» Й.Будилы: «Того же года, 5 июня. Шуйский, видя, что в большом лагере немного войска, выслал с гуляй-городами войско (причем силою выгонял его из города) с целью уничтожить лагерь. Гетман с войском, какое у него было, не стал дожидаться неприятеля у себя в лагере, а вышел против него из лагеря, встретил на реке Ходынке, мужественно сразился, войско его разорвало гуляй-города, завладело пушками, пехоту и простой народ насекло и остатки их, поражая, гнало до стен. Русские, бывшие в строю под городом, видя малочисленность нашего войска и расстройство его [при преследовании русского войска, напали на него]. Наши смело встретили их, но будучи расстроены и не имея возможности устроиться, бросили не только гуляй-города и отнятые пушки, но и свою пехоту с пушками, которую русские окружили, и одних побили, других живыми загнали в город» (РИБ. Т. 1, стб. 156—157).

¹⁰⁸ Шуйский Иван Иванович (носил прозвище «Пуговка») (ум. 1638), князь, брат царя Василия Шуйского. Боярин с 1596. После свержения брата с престола отправлен в Польшу. Вернулся на родину в 1619. Возглавлял Московский Судный приказ (Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон).

¹⁰⁹ Деллагарди Яков Понтус (1583—1652), шведский полководец и государственный деятель. В соответствии с договором царя Василия Шуйского и шведского короля Карла IX прибыл в Новгород во главе 15 тыс. отряда и поступил в распоряжение М.В.Скопина-Шуйского. Участвовал в освобождении Твери (1609) от польских отрядов Лжедмитрия II, вместе с русскими войсками вошел в Москву (март 1610). Во время сражения под Клушиным (24 июня 1610) большая часть армии Деллагарди перешла к полякам, а сам он с оставшейся частью ушел на север и начал захват русских земель. В 1611 им были захвачены

Корела, Новгород и новгородские земли. Участвовал в шведско-русских переговорах, завершившихся Столбовским миром 1617. (*Форстен Г.* Политика Швеции в смутное время // Журнал Министерства народного просвещения, 1889).

- ¹¹⁰ Мархоцкий ошибочно называет месяц: не сентябрь, а июль 1609 г. Дни недели указаны верно: вторник 10 (20) июля, среда 11 (21) июля, четверг 13 (23) июля, воскресенье 17 (27) июля (РИБ. Т. 1, стб. 155).
- ¹¹¹ Ср.: «Того же года, [11] 21 июля, Скопин пришел под Тверь. Зборовский вышел против него. Обе стороны сражались храбро. Но русские и немцы действовали врозь; русские подались; немцы, не имея подкрепления, тоже двинулись за ними и дали нам одержать победу; наши взяли в этой битве 11 пушек и 14 знамен. Того же года, 23 числа. Когда наши после этой победы беспечно стали жить в Твери, Скопин, узнав об этом через шпионов, ударил на рассвете на нашу стражу, ворвался в город и легко разгромил наших, не ожидавших нападения. Одни из наших, кто мог добежать до коней, убежали в лагерь, а другие, которые не добежали до коней, ушли в крепость и заперлись в ней. Шуйский посылал штурмовать их; четыре раза их штурмовали безуспешно, добывая их в течение полуторы недели, затем, услышав, что против них идет войско из лагеря и Сапега из-под Троицы, отступили от крепости, и направились за Волгу..., наши тоже бросили крепость и выступили в лагерь» (РИБ. Т. 1, стб. 155–158, 1133; *Hirschberg A. S.* 235; *Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба. С. 415–417).
- ¹¹² «Того же года, 13 августа. Сапега и с ним опять Зборовский, Будило, Вилямовский с полками направлены были против немцев, которых 28 августа они настигли у Калязина, при реке Волге, в Никольской слободе, в остроге, в котором они укрепились. Наше конное войско нападало на них и долго выманивало их в поле, но они не хотели выйти из острога, только под самым острогом стояла их конница, которая целый день сражалась с четырьмя нашими ротами — Будилы, Чаплинского, Тышкевича, Калиновского. Наши часто вгоняли его за штакеты, некоторых вгоняли в Волгу и топили, секли. Но так как немцы были непоколебимы в своем хитром решении, не выходили в поле, то трудно было сделать им что-либо с одной конницей без пехоты. Наши, чтобы не выпустить их оттуда, расположились подле них лагерем, через несколько дней они бы и добыли их. Немцы уже от одного голода должны были бы погибнуть, потому что еще не приготовили себе в этом ост-

- роге никакого продовольствия; они только что пришли к нему, не имея с собою вовсе продовольствия, а Скопин был еще на той стороне Волги, у самого монастыря Калязинского, и ему трудно было подать им помощь и снабдить продовольствием; но из нашего лагеря от гетмана пришло известие, что его величество король приближается к московским границам, поэтому наше рыцарство не желало больше добывать Скопина с немцами и пришло в лагерь. Оно стало опасаться, чтобы его труд, которому оно отдавалось в течение нескольких лет, не обратился, со вступлением короля в ничто. С того времени войско перестало работать и слушаться. Поэтому Скопин пошел вверх, а нашим счастьем изменило» (РИБ. Т. 1, стб. 158—160; Смутное время Московского государства. 1604—1613. Вып. 2. № 67. С. 77—79).
- ¹¹³ Король Сигизмунд III прибыл под Смоленск 19(29) сентября 1609 (*Жолкевский С.* Указ. соч. С. 29; *Maskiewicz. S.* 111). Во время, указанное Мархоцким, король лишь приближался к Смоленску.
- ¹¹⁴ Ответ короля послы получили 16 (26) ноября 1609 (Сборник РИО. Т. 142. С. 38—47).
- ¹¹⁵ 2 (12) ноября 1609 королевские комиссары вышли из-под Смоленска (РИБ. Т. 1. С. 163, 467; *Maskiewicz. S.* 122; Сборник РИО. Т. 142. С. 55—58).
- ¹¹⁶ Жолкевский Станислав (1547—1620), великий коронный гетман (с 1613). С 1588 полный коронный гетман. В 1601—1602 руководил военными действиями против шведов. Подавил рокош М.Зебжидовского (1607). С 1608 киевский воевода. В 1609—1610 участвовал в походе короля Сигизмунда III под Смоленск. 24 июня 1610 в битве под с. Клушино разбил войско царя Василия Шуйского, 17 августа того же года в Москве заключил договор с боярским правительством о признании русским царем королевича Владислава. В конце 1610 уехал в Польшу. С 1618 великий канцлер. В октябре 1620 потерпел поражение от турок в битве под Цецорой и был убит во время отступления.
- ¹¹⁷ Крыйский Щенный (Феликс) (1572—1618), коронный подканцлер (с января 1609), позже великий коронный канцлер. Видный оратор, писатель. Поддерживал планы короля Сигизмунда III по подготовке войны с Московским государством. На переговорах с послами тушинского войска требовал полного подчинения королю.
- ¹¹⁸ 4 (14) декабря 1609 комиссары короля прибыли в Тушино. Переговоры длились несколько недель. Король соглашался принять тушинцев на службу и назначить им жалование

- со дня перехода в коронное войско. Одновременно Станислав Стадницкий должен был уговорить Марину Мнишек отказаться от притязаний на московскую корону и вернуться в Польшу, где король назначал ей пожизненно доходы от Самборской экономии. Тушинцы же предлагали выделить Лжедмитрию II княжество в Московском государстве, а «царице» оставить земли, пожалованные Лжедмитрием I. Для себя рыцарство требовало уравнивания в правах с коронным войском и оплаты за 3 четверти, когда король займет Москву (РИБ. Т. 1, стб. 163, 511; Сборник РИО. Т. 142, С. 56–58; Дневник Стадницкого. С. 186).
- ¹¹⁹ Лжедмитрий II бежал в Калугу 27 декабря 1609 (6 января 1610) (РИБ. Т. 1, стб. 503–504, 515–516, 522–525).
- ¹²⁰ Осада Троице-Сергиева монастыря была снята 12 января 1610.
- ¹²¹ После бегства Лжедмитрия II тушинский лагерь окончательно распался. Находясь в Калуге, самозванец слал письма к войску, но гонцы были схвачены, а письма публично сожжены. 13 (23) февраля из Тушина в Дмитров бежала Марина Мнишек, под защиту Я.П.Сапеги — давнего соперника Р.Рожинского. (РИБ. Т. 1, стб. 522–527; Сборник РИО. Т. 142. С. 48–54; *Бутурлин Д.* История Смутного времени. Т. 3. Приложение № 2; Дневник Стадницкого. С. 186).
- ¹²² Мясопустная неделя — 9-я неделя до Пасхи. Пасха в 1610 отмечалась 1 (11) апреля. Вероятно, бунт казачьих отрядов произошел в конце января — начале февраля: 11 (21) февраля об этом стало известно польскому войску под Смоленском. (РИБ. Т. 1, стб. 543).
- ¹²³ Сражение под Дмитровом произошло 11 (21) февраля 1610 [Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (далее — АИ). Т. 2. СПб., 1841. С. 338].
- ¹²⁴ Иосифо-Волоколамский (Волоцкий Успенский Иосифов) монастырь, к северо-востоку от Волока Ламского, основан в 1479 Иосифом Волоцким. Один из крупнейших монастырей Русского государства (Иосифо-Волоколамский монастырь. М., 1973).
- ¹²⁵ Тушинское войско прибыло в Волок Ламский 8 (18) марта. (РИБ. Т. 1, стб. 184, 187).
- ¹²⁶ Для тех, кто остался в Волоке Ламском, А.Зборовский 1 (11) апреля привез условия короля: на службу в коронную армию могли перейти 2–3 тысячи человек, а в будущем выплатить на всех 100 тыс. злотых. Одновременно пришли гонцы от Лжедмитрия II, который обещал выдать

- по 30 злотых на человека. После этого в Калугу выступили 6 польских рот и большая часть донских казаков. Переговоры с Лжедмитрием II завершились 16 (26) мая: 7 тыс. войска Я.П.Сапеги и 2400 «тушинских» поляков остались в Калуге. К армии Сигизмунда III примкнули 2/3 тушинского войска: полки Р.Рожинского, А.Зборовского, А.Млоцкого общей численностью около 5,5 тыс. человек, почти все запорожские казаки и несколько тысяч донцов во главе с И.М.Заруцким. В лагере коронной армии под Смоленском считали, что верными королю остались 6 гусарских хоругвей полка А.Зборовского, роты А.Рожинского, Вильковского, Бобовского, Рудницкого, полк А.Млоцкого (РИБ. Т. 1, стб. 166—178, 187—191, 198, 465—467, 587).
- 127 Р.Рожинский умер 25 марта (4 апреля) 1610 (РИБ. Т. 1. С. 187).
- 128 Григорий Леонтьевич Валуев (в тексте ошибочно называется Волневым, Волковым). Воевода в войске царя Василия Шуйского. Участвовал в подавлении движения И.И.Болотникова. Во время Болховской битвы командовал артиллерией («нарядом»). В июле 1610, осажденный войсками С.Жолкевского под Царевым Займищем, подписал договор о признании государем королевича Владислава. В 1624 воевода в Астрахани (*Белокуров С.А.* Разрядные записи. С. 13; *Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба. С. 69).
- 129 Горн Эвэрт (Эдуард) (1581—1615), шведский военачальник. Участвовал в походах короля Густава Адольфа в Россию. Был смертельно ранен во время осады Пскова.
- 130 Делавиль Петр, француз на службе в шведской армии, командир иноземного отряда в войске царя Василия Шуйского.
- 131 Погорелое Городище — город в 25 верстах от Зубцова, при впадении р. Горянки в р. Держу. На месте Погорелого Городища по преданию стоял город Держеславль, упоминаемый в XVI в.
- 132 Делавиль подошел к Иосифо-Волоколамскому монастырю после 7 (17) апреля.
- 133 Петарда — род разрывного снаряда, наподобие мины.
- 134 Детинец — кремль, наиболее укрепленная внутренняя часть города, последнее убежище.
- 135 Пахолик — слуга-оруженосец. В свите польского дворянина могло быть до трех пахоликов.
- 136 Дата указана ошибочно.

- ¹³⁷ Вознесение — переходящий церковный праздник, празднуется на 40-й день после Пасхи [в 1610 — 11 (21) мая].
- ¹³⁸ Филарет (в миру Федор Никитич Романов) (1554/55—1633), с 1619 патриарх Московский и всея Руси. Отец первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича. В конце 1600 — начале 1601 по приказу царя Бориса Годунова сослан в Антониев Сийский монастырь, где был пострижен в монахи под именем Филарета. Возвращен из ссылки Лжедмитрием I в 1605 и возведен в сан ростовского митрополита. 11 (21) октября 1608 был захвачен тушинскими отрядами при взятии Ростова и отправлен в Тушинский лагерь. В мае 1610 во время штурма Иосифо-Волоколамского монастыря был отбит войском В.Шуйского и вернулся в Москву. В июле того же года принял участие в свержении Василия Шуйского. Участвовал в заключении 17 (27) августа 1610 договора с польским гетманом С.Жолкевским о признании русским царем королевича Владислава. В сентябре того же года возглавил «великое посольство» к польскому королю под Смоленск, которое должно было закрепить условия договора. В ходе переговоров Филарет отказался принять условия короля, в результате чего в апреле 1611 был отправлен под стражей в Польшу. Вернулся в Москву в июле 1619 (по условиям Деулинского перемирия 1618) и был поставлен патриархом. Пользовался огромным влиянием на сына-царя, фактически руководил русским государством.
- ¹³⁹ Ср.: «Дневник» Й.Будилы: «Того же года [11] 21 мая. Взяли Осипов присланные Шуйским немцы, над которыми капитаном был мусир Деланика [Делавиль]. Взяли они его таким образом: Руцкий не мог их сдержать; они сначала овладели деревянной крепостью и уже ворвались было в каменную. Наши насилу сбили их со стен, а так как не могли выбить их из деревянной крепости, то принуждены были зажечь ее, несмотря на то, что там было все их продовольствие. Таким образом они выбили из нее немцев, которые [пострадали от пожара], в особенности, когда не могли попасть назад в калитку, через которую ворвались было в [каменную] крепость с петардой. Когда немцам не удалось взять крепости этим способом, а на штурм трудно им было решиться, то они осадили ее острожками и не допускали получить ни продовольствия, ни известия. [Наше войско], не получая никакого известия о вспомогательном войске, так как наши войска ушли далеко, принуждено было уходить к Зборовскому, который стоял лагерем под Царевым Займищем в [деревне] Шуйске. Немцы и русские, получив известие, что он уходит, преградили ему до-

- рогу у болотистой реки и дозволили войти в нее, то со всех сторон ударили на него. Немало людей у него пало, а остальных немцы взяли в плен, насилиу сам Зборовский ушел, и то пешком. В то время взяты в Москву ростовский митрополит Филарет, находившийся при наших в Осипове, и много знатных бояр; из ротмистров взяли Александра Рожинского, пана Тупальского и немало других, которые, кроме Рожинского, который умер, были выпущены из плена уже после, когда Москва целовала крест королевичу Владиславу» (РИБ. Т. 1, стб. 190).
- ¹⁴⁰ Царево Займище — город недалеко от Вязьмы, на р. Сеже и р. Любигости. В XVII в. пограничная крепость.
- ¹⁴¹ Новодворский Бартоломей (ум. 1624), кавалер Мальтийского ордена. Отличился в походах Стефана Батория, затем руководил вспомогательными войсками в армии Сигизмунда III.
- ¹⁴² Владислав IV Ягеллон (1595—1648), сын польского короля Сигизмунда III, с 1632 король Речи Посполитой. 4 февраля 1610 бояре Тушинского лагеря заключили договор с Сигизмундом III о возведении Владислава на русский престол. После свержения царя Василия Шуйского (17 июля 1610) боярское правительство (т.н. Семибоярщина) подписало договор [17 (27) августа того же года] о признании Владислава царем и в сентябре отправило посольство к Сигизмунду III под Смоленск. Однако воцарение Владислава не состоялось первоначально из-за сопротивления Сигизмунда III, не подписавшего августовский договор, а затем — из-за успехов освободительного движения. В 1617—1618 Владислав пытался добиться русского престола при помощи военной силы, предприняв неудачный поход на Москву. В 1632 возглавлял оборону Смоленска от русских войск, пытавшихся его вернуть. По условиям Поляновского мира 1634 окончательно отказался от притязаний на русский трон.
- ¹⁴³ Клушинская битва — 24 июня (4 июля) 1610. В «Дневнике» Й.Будилы численность войска Д.И.Шуйского показана в 16000 русских и 7000 немцев (РИБ. Т. 1, стб. 195).
- ¹⁴⁴ Жолкевский Адам (ум. 1615), племянник гетмана С.Жолкевского. С 1610 великий коронный обозный. Участвовал в осаде Смоленска (1609), в Клушинской битве.
- ¹⁴⁵ Погорелое Городище (в тексте ошибочно Подгорецкая крепость).
- ¹⁴⁶ Бутурлин Василий Иванович (ум. после 1651), воевода. В 1608—1609 сражался против отрядов Р.Рожинского и А.Лисовского. В июле 1609 воевода во Владимире. Участ-

вовал в Клушинской битве, попал в плен. Освободился, вероятно, после свержения Василия Шуйского и избрания на русский трон королевича Владислава. Находясь в Москве, тайно ссылался с рязанским воеводой П.П.Ляпуновым, затем бежал в его войско. Вел переговоры со стоявшим у Новгорода шведским генералом Я.П.Делагарди о помощи против поляков. В 1611 присоединился к ополчению кн. Д.М.Пожарского. В 1613 был направлен с войском к Новгороду, попал в плен к шведам при взятии Гдова (1614). Поступил на службу в шведское войско, с 1649 подполковник.

¹⁴⁷ 8 (18) июля 1610 «послы от гетмана и от рыцарства справляли перед королем посольство, которое состояло из следующих пунктов: 1) заявив королю об усерднейшей службе и верноподданничестве своего вождя гетмана и всего рыцарства, они говорили, что гетман показал великое благоразумие и доблесть, а все рыцарство подъяло великие труды и показало мужество и что все это сделано ими для славы короля и блага Речи Посполитой; 2) поднесли трофеи победы — булаву Шуйского и несколько знамен, в числе которых было и знамя самого Шуйского, и заявили, какие знамена остались при гетмане; 3) просили, чтобы король по обычной своей милости, какую всегда показывал после одержанной победы, благоволил и им подарил четверть службы; 4) просили короля, чтобы обратил милостивое внимание на раненых и потерпевших убыток в прислуге, лошадях и амуниции и чтобы пожертвовал рыцарству на это какую-нибудь денежную сумму; 5) просили убедительно заплатить им за выслуженную четверть, чтобы они могли удобнее пополнить утраты, понесенные в этой битве; 6) просили также, чтобы король имел милостивое внимание к лицам, находящимся теперь вдали от короля, при гетмане, чтобы они при заявлении своих нужд и открывающихся вакансиях были удовлетворяемы сообразно их достоинству. Все это король принял милостиво и обещал дать ответ по совещанию с сенаторами» (РИБ. Т. 1, стб. 631—632).

¹⁴⁸ 17 июля 1610 в Москве царь Василий Шуйский был свергнут. 17 (27) августа того же года боярское правительство заключило с гетманом С.Жолкевским договор о признании русского царем королевича Владислава (АИ. Т. 2. С. 391—399).

¹⁴⁹ Любомирский Станислав (1583—1649), польский дворянин. Сондецкий староста (с 1599). Участвовал в походе Сигизмунда III под Смоленск в 1609. Коронный подचाший (с 1620). В 1638—1649 краковский воевода.

- ¹⁵⁰ Послы уехали 12 (22) августа 1610 (РИБ. Т. 1, стб. 657).
- ¹⁵¹ Боровск — город к юго-западу от Москвы, на р. Протва, известен с 1356. С XV в. крепость, оборонявшая подходы к Москве с юга. Речь идет о Боровском Пафнутьевом монастыре (основан в 1444) — одном из крупнейших монастырей Русского государства (*Благовещенский В.В., Пухов В.А.* Боровск. Историко-краеведческие очерки. Тула, 1973).
- ¹⁵² Лжедмитрий II двинулся через Медынь к Боровску, захватил Пафнутьев монастырь, затем Серпухов и направился к Москве. По дороге к столице на его войско напал отряд татар численностью около 3 тыс. человек (*Жолкевский С.* Указ. соч. С. 65—66).
- ¹⁵³ Михаил Федорович Романов (1596—1645), первый русский царь из династии Романовых. Сын боярина Федора Никитича Романова (Филарета). 21 февраля 1613 избран на царство Земским собором.
- ¹⁵⁴ Голицын Василий Васильевич (ум. 1619), из рода, происходившего от литовского князя Гедимина. В 1590 воевода в походе на Нарву, в 1596 и 1599 — воевода в Смоленске. В 1604 возглавлял передовой полк в походе против Лжедмитрия I, участвовал в сражении под Новгородом-Северским. После смерти царя Бориса Годунова перешел на сторону самозванца. Участвовал в свержении Лжедмитрия I и Василия Шуйского. Являлся одним из кандидатов на царский престол. Участвовал в Болховской битве (1608). В сентябре 1610 отправился вместе с Филаретом во главе «великого посольства» к королю Сигизмунду III под Смоленск. В марте 1611 взят под стражу и отправлен в Речь Посполитую. Похоронен в соборе Св. Духа в Вильно.
- ¹⁵⁵ 22 августа (1 сентября) 1610 на переговорах с С.Жолкевским воины Сапеги решили от Москвы не отступать, однако вскоре изменили свое решение. 27 августа (6 сентября) Жолкевский прошел со своим войском через Москву, намереваясь напасть на отряды Лжедмитрия II, но тот накануне ночью бежал в Калугу (РИБ. Т. 1, стб. 210; *Maskiewicz. S.* 133; *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 83).
- ¹⁵⁶ Ураз-Магомед (ум. 1610), касимовский царь. В ноябре 1608 с войском, собранным с Понизовых городов, пришел в Тушино на службу к Лжедмитрию II. Летом 1609 под Муромом потерпел поражение от боярина Ф.И.Шереметева, бежал в Касимов; присягнул Василию Шуйскому, затем вновь перешел на сторону самозванца. Убит в Калуге по приказу Лжедмитрия II (ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 89; *Гне-*

вушев. Акты. № 91. С. 146; *Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба. С. 201, 405—407).

- ¹⁵⁷ «Великие послы» должны были добиться одобрения договора 17 (27) августа 1610. Однако условия русской стороны не были приняты Сигизмундом III. В марте 1611 послы были арестованы и отправлены в Польшу (СГГД. Т. 2. № 205, 206; РИБ. Т. 1, стб. 680—684; *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 83).
- ¹⁵⁸ Крым-город и Белые стены — т.е. Кремль и Белый город.
- ¹⁵⁹ 1 (11) октября 1610 С.Жолкевский ввел в Москву свое войско: «Гетману оставалось в столице два дела. Он думал о том, как бы с тем войском, какое при нем было, без опасности занять столицу, ибо, как иначе и быть не могло, были такие (особенно имевшие в виду обманщика и доброжелательствующие ему), которые производили замешательства. Гетман обращал внимание на то, чтобы московская чернь, склонная к возмущениям, не произвела мятежа, не призвала бы обманщика и не расстроила бы всего, в случае ежели бы он отвел войско от столицы. Он заметил в предусмотрительных боярах, что и они опасались того же, ибо свежее было тому доказательство: когда князь Василий Шуйский, воссев на престоле Московского царства, послал в Псков Шереметева, мужа знаменитого, воеводу, и Шереметев уже находился там около полугода, вдруг, без всякого повода, чернь возмутилась и убила Шереметева с его приверженцами. Бояре опасались того же и в столице и желали, чтобы под защитой войска е. в. короля, они могли быть безопасны от ярости народа. Патриарха и чернь, которые сопротивлялись этому введению войска, преодолели различными способами. Наконец дела были доведены до того, что войско вошло: гетман выбрал ему места, удобные на всякий случай, так что войско полками и отрядами расположилось в особенных дворах, чтобы при всякой нечаянности одни другим могли подавать взаимную помощь. Полк Александра Зборовского расположился в Китай-Городе, все вместе, в близком один от другого расстоянии; полк Казановского и Вейера в Бел-Городе, также поблизости друг от друга; сам гетман со старостой Велижским остановился в главной крепости, Крымгороде, во дворе, бывшем некогда царя Бориса, в то время, когда он еще был правителем при царе Федоре. Гетман приказал тщательно наблюдать за тем, чтобы наши не заводили ссор с москвитянами; постановил судей как из наших, так и из москвитян, которые разрешали всякие споры; наши жили так смиренно, что бояре и чернь, знавшие своеволие нашего народа, удивлялись и хвалили, что мы жили так спо-

- койно, не причиняя никому малейшей обиды. Боярами, на то назначенными, распределены были на все войско волости, кто откуда должен был получать съестные припасы. И так мы жили там в добром порядке и при всех удобствах; ни в чем не было недостатка, и за известную цену доставали съестные припасы и все нужное; ибо мы открыли большие дороги от Вологды, Ярославля и с других сторон; от Коломны вверх по реке Москве приплыли суда с хлебом и с различными потребностями» (*Жолкевский С. Указ. соч. С. 89—90*). По другим сведениям польское войско вошло в Москву 9 октября (н. ст.) (*Maskiewicz. S. 135*).
- ¹⁶⁰ 30 октября (9 ноября) С.Жолкевский был уже в лагере коронной армии под Смоленском (РИБ. Т. 1, стб. 698).
- ¹⁶¹ Струсь Николай (ум. 1627), польский дворянин. Староста галицкий и снятынский. Участвовал во всех военных походах польской армии. В войске Сигизмунда III пришел под Смоленск, участвовал в Клушинской битве (1610), затем возглавлял польский гарнизон в Можайске. В начале 1612 поставлен во главе иноземного гарнизона Москвы, осажденной Вторым ополчением кн. Д.М.Пожарского и К.Минина; капитулировал 26 октября того же года. В 1619 был освобожден и вернулся на родину (по условиям Деулинского перемирия 1618).
- ¹⁶² Ляпунов Прокопий Петрович (ум. 1611), организатор и руководитель Первого ополчения 1611. Происходил из рязанского дворянского рода. После смерти царя Бориса Годунова перешел на сторону Лжедмитрия I. После свержения последнего во главе отряда рязанских дворян участвовал в выступлении И.И.Болотникова. В ноябре 1606 перешел на сторону царя Василия Шуйского, пожалован в думные дворяне (1607). В 1608—1610 сражался в Рязанской земле против отрядов Лжедмитрия II. После вступления в Москву войска гетмана С.Жолкевского выступил против поляков во главе Первого ополчения 1611—1612. Летом 1611 Ляпунов стал одним из руководителей образовавшегося в лагере ополчения земского правительства. 22 июля (1 августа) 1611 был убит казаками.
- ¹⁶³ Лжедмитрий II убит в Калуге 11 (21) декабря 1610.
- ¹⁶⁴ Урусов Петр Аросланович (Урусланович), служилый ногайский князь. В 1607 был стольником и воеводой отряда ногайских татар в войске царя Василия Шуйского под Тулой. Вскоре отъехал в Крым, а с осени 1608 находился в лагере Лжедмитрия II, стал его ближним боярином. После убийства самозванца Урусов снова бежал в Крым

- (ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 76; Белокуров С.А. Разрядные записи. С. 91; Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба. С. 35).
- ¹⁶⁵ Т.е. в конце января 1611. Мясопустная неделя — 9-я неделя до Пасхи, праздновавшейся в 1611 24 марта (3 апреля).
- ¹⁶⁶ Ржевский Иван Никитич (ум. 1611), из рязанских дворян. В 1610 изменил царю Василию Шуйскому и присоединился к войску Р.Рожинского, вскоре был пойман и сослан в Ярославль. Подписал грамоту об избрании царем королевича Владислава, но затем поддержал притязания на русский трон короля Сигизмунда III, за что последним был пожалован в окольничии. Затем бежал в лагерь Первого ополчения. Вместе с П.П.Ляпуновым был убит казаками.
- ¹⁶⁷ Голицын Андрей Васильевич (ум. 1611), князь, младший брат В.В.Голицына. Участвовал в сражениях против отрядов И.И.Болотникова, Лжедмитрия II, С.Жолковского (Клушинская битва). По приказу начальника польского гарнизона Кремля А.Гонсевского был взят под стражу и вскоре убит.
- ¹⁶⁸ Т.е. Великий пост.
- ¹⁶⁹ 17 (27) марта 1611 — Вербное Воскресенье, или Вход Господен в Иерусалим, переходящий церковный праздник, отмечается в последнее воскресенье перед Пасхой.
- ¹⁷⁰ Салтыков Михаил Глебович (ум. ок. 1618), окольничий (1598), боярин (1601). В 1600—1602 возглавлял посольство царя Бориса Годунова к королю Сигизмунду III. В 1605 воевода в походе против Лжедмитрия I, после смерти Бориса Годунова перешел на сторону самозванца. В 1606 направлен воеводой в Иван-город, затем в Орешек. В 1608 перешел на службу к Лжедмитрию II. Принимал участие в переговорах тушинских бояр с королем Сигизмундом III об избрании на трон королевича Владислава, затем поддержал кандидатуру самого Сигизмунда. В начале октября 1611 был отправлен вместе с боярином кн. Ю.Н.Трубецким и думным дьяком В.О.Яновым с посольством к Сигизмунду III с целью добиться выполнения королем договора от 17 (27) августа 1610 об избрании на русский трон королевича Владислава. Умер в Польше (СГГД, Т. 2. № 272—274).
- ¹⁷¹ Стрелецкие головы — командиры московских стрелецких полков («приказов»).
- ¹⁷² Львиные ворота Китай-города (Неглинские, или Воскресенские) (*Сытин Н.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. М., 1950. С. 70).

- 173 Великая Пятница отмечается накануне Пасхи.
- 174 Просовецкий Андрей (ум. после 1640), атаман «воровских» казаков, в Тушино пожалован чином стольника. Действовал совместно с отрядами А.Лисовского под Суздаlem и Владимиром, затем в Псковской и Новгородской землях, летом 1610 ушел к Лжедмитрию II в Калугу. После свержения Василия Шуйского не признал избрание на русский трон королевича Владислава и выступил на стороне П.П.Ляпунова. В марте 1611 привел под Москву отряды дворян Суздаля, Владимира, а также донских и запорожских казаков.
- 175 Великий Понедельник — понедельник после Пасхи.
- 176 Симонов Успенский монастырь, расположен к юго-востоку от Москвы на левом берегу Москвы-реки. Основан в 1370. Имел важное оборонительное значение (*Токмаков И.* Историческое и археологическое описание московского ставропигиального Симонова монастыря, в. 1—2. М., 1892—1896).
- 177 Яуза — река, самый крупный приток Москвы-реки.
- 178 Неглинная — река, левый приток р. Москвы, пересекала город с севера на юг.
- 179 Башня о пяти верхах.
- 180 Водяные (или Всехсвятские) ворота Белого города.
- 181 Клементовский острожек и церковь Св. Георгия в Яндове.
- 182 Никольские (или Сретенские), Ильинские (или Троицкие), Всехсвятские (или Варварские) ворота Китай-города.
- 183 Гаковница — огнестрельное оружие, в дульную часть ствола которого вделан «гак» (железный крюк), предназначавшийся для зацепления за крепостную стену, чтобы избежать отдачи при выстреле.
- 184 Прокопий Ляпунов был убит 22 июля (8 августа) 1611.
- 185 Трубецкой Дмитрий Тимофеевич (ум. 1625), князь. В декабре 1608 после боя на р. Ходынке «отъехал» в Тушинский лагерь. Пожалован Лжедмитрием II в бояре. В 1611 был одним из руководителей Первого ополчения, после гибели П.П.Ляпунова остался вместе в И.М.Заруцким под Москвой. В конце сентября того же года присоединился ко Второму ополчению, вместе с Д.М.Пожарским возглавил земское правительство. На Земском соборе 1613 был одним из кандидатов на престол.
- 186 Новодевичий монастырь (женский), расположен к юго-западу от Москвы в излучине Москвы-реки (на Девичьем поле в Хамовниках), основан в 1524 в память взятия Смоленска в 1514. Имел важное политическое значение, яв-

- лялся также мощной крепостью (Историческое описание московского Новодевичьего монастыря. М., 1885). Я.П.Сапега подошел к Москве 7 (17) мая 1611 (*Maskiewicz. S. 162*).
- 187 Соляной двор — располагался в Белом городе на Солянке (*Сытин Н.В. История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 71*).
- 188 Рождество Иоанна Крестителя отмечается 24 июня (4 июля).
- 189 Почт — наименьшая единица в хоругви (rote). Хоругвь составляли следующие почты: ротмистр, поручик, хорунжий, остальные — товарищи (*Cichowski J., Szulczynski A. Husaria*).
- 190 Дата указана Мархоцким неверно, точных известий о времени отхода войска Я.П.Сапеги из-под Москвы нет (РИБ. Т. 1, стб. 247; *Maskiewicz. S. 162*).
- 191 Ходкевич Ян Карл (1560—1621), великий литовский гетман (с 1605). С 1600 литовский польный гетман, участвовал в польско-шведской войне 1600—1611, разбил шведов в битве под Кирхгольмом (1605). Вместе с С.Жолкевским подавил рокош М.Зебжидовского (1607). Возглавлял польско-литовскую армию во время военных действий в Московском государстве (1611—1612 и 1617—1618). С 1616 виленский воевода. Во время войны с Турцией, после разгрома войск Жолкевского под Цецорой (1620), принял командование, успешно оборонялся под Хотинном (умер в ходе сражения, завершившегося победой польских войск).
- 192 Сажень — 216 см.
- 193 Успение Девы Марии — непереходящий церковный праздник, отмечается 15 (25) августа. Это было последнее сражение с участием Я.Сапеги. 3 сентября, будучи уже больным, он остановился в палатах Шуйского, где и умер 14 сентября (РИБ. Т. 1, стб. 254; *Hirschberg A. Polska a Moskwa. S. 313, 319, 325*).
- 194 Состав посольства был следующим: полковники М.Казановский и П.Борковский, ротмистры Мархоцкий и Гречина, поручики Войтковский и Средзинский, товарищи Ян Оборский и Ежи Троян (*Maskiewicz. S. 170*).
- 195 В октябре 1611 войско Я.К.Ходкевича подошло к Москве. В лагере под Новодевичьим монастырем он оставил часть войска, а сам расположился на зиму в с. Рогачево (к северу от Москвы).
- 196 Цеклинский Иосиф, польский дворянин. Служил в войске короля Сигизмунда III поручиком. Участвовал в походе

- под Смоленск в 1609. В 1612—1614 маршалок жолнерской конфедерации. Был приговорен к изгнанию на 7 лет.
- 197 Войска Второго ополчения под руководством кн. Д.М.Пожарского и К.М.Минина 22 октября 1612 штурмом взяли Китай-город, а 26 октября гарнизон М.Струся капитулировал.
- 198 Осенью 1612 Сигизмунд III снова вторгся в пределы Московского государства и подступил к Волоколамску. Адам Жолкевский пытался уговорить москвичей признать государем королевича Владислава, но получил решительный отказ. Не сумев захватить даже Волоколамск, Сигизмунд III вернулся в Польшу.
- 199 В 1617 королевич Владислав во главе большого войска, которым командовал Я.К.Ходкевич, подошел к Москве. В октябре того же года после неудачной попытки взять столицу штурмом ушел в Польшу.
- 200 1 декабря 1618 между Московским государством и Речью Посполитой было заключено Деулинское перемирие сроком на 14,5 лет. К Речи Посполитой отошли Смоленск и Смоленская земля, Северская земля, стороны договорились также об обмене пленными. (*Савич А.А.* Деулинское перемирие 1618 г. // Московский гос. пед. ин-т им. К.Либкнехта. Ученые записки. Серия историческая. Вып. 2. № VI. М., 1939).
- 201 24 декабря 1614 полякам было объявлено, что в Москве «Ивашка за свои злые дела и Маринкин сын кажен, а Маринка на Москве от болезни и с тоски по своей воле умерла» (Сборник РИО. Т. 142. С. 527—528).
- 202 Я.П.Делагарди занял Новгород 17 июля 1611, а 25 июля заключил договор с новгородцами о признании шведского короля покровителем России и избрании одного из его сыновей великим князем Новгородского государства. До прибытия шведского принца управление городом переходило к Делагарди. 27 февраля 1617 между Россией и Швецией был заключен Столбовский мир, по условиям которого Россия утратила Ижорскую землю и г. Корелу с уездом, но вернула захваченные шведами Великий Новгород, Старую Руссу и Ладугу (*Шаскольский И.П.* Столбовский мир и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л., 1964).

ПРИЛОЖЕНИЯ

В приложениях к настоящему изданию помещены документы, уточняющие и дополняющие рассказ автора «Истории» об организации Тушинского лагеря, военных действиях войска Лжедмитрия II против полков царя Василия Шуйского, дипломатических переговорах о приглашении на русский трон королевича Владислава.

Помещенные в приложениях документы извлечены из изданий XIX — начала XX в., многие из которых стали библиографической редкостью. Тексты источников переданы в том виде, в каком они были опубликованы, лишь с некоторым упрощением орфографии. Чтение некоторых имен и передача отдельных слов в этих публикациях может не совпадать с принятой в настоящем переводе «Истории».

I.

ЛЖЕДМИТРИЙ II. ТУШИНСКИЙ ЛАГЕРЬ

№ 1.

Из грамоты Лжедмитрия II в Смоленск (1607)

[...] Аз милосердый и праведный и щедрый прырожденный Великий Государь ваш Царь и Великий Князь Дмитрий Иванович всяя Руси сходил от их [Шуйских] злокозненного умыслу в Литовскую землю, и был в Литовской земли Богохраним и здаров, и прышол з Литовские земли в вашу отчыну в Московскую землю в преславущый град Старадуб во 12 недель, и не хотел я себе воскоре объявить и назвал я себя Андреем Нагим для своих изменников Василья Шуйскаго и его советников, и меня, Государя вашего прырожденного и милосердаго и правед-

наго и щедраго и Скипетра Державца, Великого Государа и Великого Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича всея Руси узнали нас прырожденные нашы люди многих городов, и добили нам челом и вину свою принесли, что аз истинной и праведной и щедрой прыроженный Великий Господарь ваш Царь и Великий Князь Дмитрей Ивановичь всея Руси не токма правых людей жалую, но и винным своим прыроженным вину отдаю и жалую их своим Царским великим жалованем. И вы, прырожденные нашы люди всего Московского нашего Государства, разумеите, свет ли лутче, или тьма; нам ли прыроженному Великому Государу своему Цару и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Росии служыти, или изменнику нашему холопу, а своему вам брату Василию Шуйскому; грех ли лутчее творить, или правду содевать; кровь ли Христианская неповинная проливать, или утолить; и кому будет в той неповинной Хрестиянской крови ответ Богу дать и на ком та неповинная Хрестиянская кровь взыщется, и суди тому Господь Бог, хто на наш Царской благоплодной корень посегнул и хто нашему Царскому благоплодному корени гонитель и губитель стал. Ты, Боярын наш и Воевода, и Дворане и Дети Боярские и всего нашего Московскаго Государства, и сами о том подлинно ведаете, что преж сего Господь Бог выдал был нам изменника нашего и богоотступника и еретика Василья Шуйского за его злокозненный умысл, что он на нас злой совет совещевал; и аз милосердый и праведный и щедрый и прыроженный Великий Государь ваш Царь и Великий Князь Дмитрий Ивановичь всея Руси той его страдничей вине не помстился, и вину ему отдати и казнить его не велел, по своему Царскому милосердому обычаю. И вы, прырожденные наши люди, о том разумеите, что ужо изменнику нашему и богоотступнику и еретику и попраделю веры Хрестиянской Василью Шуйскому тленное его житие скончевается, за множество нечестие его и за высокоумие великое и за превозношение и за гордость и за пированья неверное и за его лукавые сатанинские дела гроб его отверзается, и ад приняти его готовитца за его лестное к нам глаголанья; и вы б, прырожденные наши люди всего нашего Московского Государства, помня Бога

и души свои и наше Царское крестное целованье, отовратилися б вы от изменника нашего от Василья Шуйскаго и от его тленного прелестного жития и обратилися б к Царскому великому Величеству.[...]

(Оболенский М. Сборник князя Оболенского.
М., 1838. С. 12—13)

№ 2.

Из отчета кн. Г.К.Волконского и дьяка А.Иванова о посольстве в Польшу

29 мая 1606 — 13 февраля 1607*

[...] Да пристав же говорил про вора, что он однолично жив в Сеньдомире у воеводиной, а вышел де в старческом платье; и воеводина платье на него все искупила и людей к нему принела з 200 человек. Да при нем же некоторой Заболоцкой Москвитин выезжей.

И посланники отговаривали, что тот вор по своим злым делом от Бога месть принел, убит при наших очех, и ваши то видели, которые были на Москве, а то нехто другой вор таким же именем называется.

И пристав говорил: которые де приехали с Москвы полские и литовские люди, и они сказывают, что от ваших же слышали, что убит и лежал на пожаре; а подлинно не ведают: его ли убили или ково в его место. И диво то есть, толко он жив и ушел: либо его Бог скрыл явно, але бо каким бесовскими мечты и чорнокнижеством в свое место кого подменил.

И посланники спрашивали пристава: видел ли хто вора, которой ныне называется таким именем, и каков он рожем и волосом.

И пристав сказал, что де он рожем смугол, а волосом черен, ус не велик, и бороды выседает и он стрижет; а по полски говорить горазд и по латыне знает.

* Посольство было направлено в Польшу сразу после вступления на трон царя Василия Шуйского и имело целью урегулирование вопросов, связанных с задержанием в Москве подданных Речи Посполитой, поддерживавших Лжедмитрия I.

И посланники говорили, что подлинно вор Михалко Молчанов таков рожеем, а прежней был вор рострига рожеем не смугол, а волосом рус.

[...] А как ехали до Кракова и по станом говорили посланником литовские и полские люди, шляхта и мещане, про вора, которой назывался Дмитрием, будтось он жив в их земле; иные сказывали слухом, а иные сказывали, что сами видели, как он приехал. И посланники отказывали, что тот злодей чернец Гришка Отрепьев, которой назывался царевичем Дмитрием, по своим злым делам убит при наших очах, а то нехто иной вор называется таким именем; и спрашивали тех, которые сказывали видели, каков он рожеем и волосом и возрастом. И они сказывали, что возрастом не мал, рожеем смугол, нос немного покляп, брови черны не малы, нависли, глаза не велики, волосы на голове черны курчевавы, ото лба вверх взглаживает, ус чорн, а бороду стрижет, на щеке бородавка с волосы, по полски говорит и грамоте полской горазд, и по латыне говорить умеет. И по тем признаком Михайло Молчанов. И о том посланники рыцарским и всяким людем сказывали, что то иной вор, збежав от смерти, Михалком зовут Молчанов, таким именем называется, и они б тому не верили; а тот прежней вор рострига подлинно убит при нас. [...]

*(Сборник Русского исторического общества.
Т. 137. М., 1912. № 12. С. 306, 313)*

№ 3.

Из Баркулабовской летописи*

[...] Того ж року 607, месяца мая, после семой субботы, ишол со Шклова и з Могилева на Попову Гору якийсь Дмитр Иванович. Менил себе быти оным царем

* Баркулабовская (Варколабовская) летопись — западно-русская летопись, составленная в начале XVII в. священником белорусского селения Баркулабово (близ г. Быхов) Федором Филипповичем. Охватывает события с 1553 по 1608. Содержит как сведения о событиях местного значения, так и материалы общего характера, о литовских и польских сеймах и др.

московским, который первой того Москву взял и там же оженился. Бо тот Дмитр Нагий был напервей у попа, шкловского именем, дети грамоте учил, школу держал, а потом до Могилева пришел, так же у священника Федора Сасиновича никольского у селе дети учил; а сам оный Дмитр Нагий мел господу у Могилеве у Терешка, который проскуры заведаль при церкви Святого Миколы, и прихожувал до того Терешка час немалый, каждому забегаяючи, послугуючи, а мел на себе оденье плохое: кожух плохий, шлык баряный, в лете в том ходил. А коли были почали познавати оного Дмитра Нагого, в тот час з Могилева на село Онисковича Сидоровича аж до Пропойска увышел. Там же у Пропойску были его поймали, во вязню сидел. А потом пан Рагоза, врядник чечерский, за ведомостью пана своего его мл. Зеновича, старосту чечерского, оного Дмитра Нагого на Попову Гору, то ест за границу московскую пустил, со слугами своими его попровадил. А коли приехал до Москвы, то от Поповой Горы, там же его Москва, по знаках царских и по писаных листах, которые он, утекаючи з Москвы по замках написавши давал, через тые уси знаки его познали, иж он ест правдивый, певный царь восточный Дмитр Иванович, праведное солнце. Тут же почали радоватися, в шаты, уборы коштовные одели. Потом конного люду семь сот до него прибегло. Тут же почал листы писати до Могилева, до Орши, до Мстиславля, Кричева, до Минска и до всих украинских замков, абы люди охотные до онаго Дмитра Нагого прибывали, гроши брали его. И заразом с Поповой Горы оный Дмитр Нагий, сей мнимый царь Московский, осел московский замок Стародуб. Тепер же почался люд гулящий, люд своевольный; скоро Дмитро. то и молодцы. Якийсь наймит з Мстиславля до него пришел. На тот же час на Москве царем князь Андрей Шуйский. Тогды собравши войско Дмитраш, и почал войну творити з Москвою и з князем Шуйским. Нижли одны москвичи признавали его царем быти и самая Москва и вси большие бояре и иные многая Москва, которая первой его добре знала быти царем Московским; ино дей якийсь вор московский; а другие поведали быти и называли его так: плут. И так до оного Дмитра Нагого Москва писала быти

его таким — царь вор, Гриша Отрепич, рострига. Потом зась явился другой царь на Москве, именем Недведок, тот Недведок з людом немалым сам приеднался на Москву царю Андрею Шуйскому. Теперь же почали войска до царя Дмитрия прибывати, войска великие, войска сильные. Отсея из Литвы Руцкий з ротою. Там же польских, подольских панов зацных з ротами, а с Польши пан Стадницкий з ротами великими. Там же на Москве в тот час Бог ведает, што ся там деяло. Места, замки малые выплендровали. Але но под столицею все лето стояли, много штурмов утратили, не достали. [...]

(Кулиш П.А. Материалы для истории воссоединения Руси. Т. 1. М., 1877. С. 87)

№ 4.

Из грамоты смоленского воеводы М.Б.Шейна царю Василию Шуйскому (1608)*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Михалко Шеин, Петрушка Горчаков, Ивашка Бунаков, Никонко Алексеев челом бьют. Писали к нам, холопом твоим, августа в 17 день в Смоленск из Белского уезда от Пречистые из Верховья твои государевы воеводы Борис Собакин да Воин Дивов, да диак Дмитрей Раковской: которые деи, государь, с ними посланы были с Москвы дети боярские беляне, вязмичи, дорогобужане, смолянне для посолского провожання ите деи, государь, дети боярские от них розъехались по своим поместьем; а про воров деи, государь, им ведомо учинилось, что хотят на них, на послов и на них приходити. И мы, холопи твои, по той отписке послали к ним из Смоленска на встречу голов с сотнями Елизарья

* Грамота находилась в составе корпуса документов, относящихся к посольству польских посланников С.Витовского и князя Я.Соколинского (22 мая 1607 — август 1608), прибывших в Москву для переговоров об отпуске на родину задержанных после свержения Лжедмитрия I послов Н.Олесницкого, А.Гонсевского и семьи Мнишков.

Безобразова с смоляны, с дворяны и детми боярскими, Олексея Зубова с брянчаны и с серпяны. Да августа ж, государь, в 18 день писал к нам, холопом твоим, Воин Дивов, что стояли деи посол Миколай Олеснитцкой и воевода Сендомирской в Белском уезде у Пречистой в Верховье упрямясь на одном стану два дни, а их деи не слушали; и августа ж, государь, в 16 день учали деи посол и Сендомирской с стану подыматца, а он деи Воин да с ним дьяк Дмитрей Раковской с передними людьми пошли с стану наперед, а Борис деи Собакин и приставы остались на стану ждать посла и Сендомирского, а с ними дворян и детей боярских 50 человек да сотник стрельцкой с стрельцы Будаи Болтин. И как деи он, Воин, отошел от стану верст с 5, и учинился деи на стану шум, и учали от стану бежати дети боярские и стрельцы, а за ними деи гонят литовских людей два прапора, уганивая деи твоих государевых людей побивают, а посолских людей верховных и которые в возкех мимо скачут, и гонили деи за ним за Воином от стану 20 верст; а дьяк деи Дмитрей Раковской кинулся к литвину в возок; и всего деи с ним, с Воином, утекло 6 человек детей боярских. И мы, холопы твои, тотчас по Воиновой отписке Дивова послали из Смоленска, на прибавку голов же с сотнями Григорья Кокошкина, Ивана Бестужева с дворяны ж и с детьми и с архиепискупли и с монастырскими служками, а велели, государь, головам про посла и про Сендомирского проведывати: где они и куда их походу чаяти? И августа ж, государь, в 20 день писали к нам, холопом твоим, головы Елизарей Безобразов, да Олексей Зубов, что посол Миколай Олеснитцкой и Сендомирской из Белского уезда из села Верховья пошли в Царево Займище к вору. Да и Борис Собакин с Белой писали к нам, холопом твоим головы Елизарей Безобразов, да Олексей Зубов, что посол Миколай Олеснитцкой и Сендомирской из Белского уезда из села Верховья пошли в Царево Займище к вору. Да и Борис Собакин и посол Миколай Олеснитцкой с товарыщи из села из Верховья с воровскими людьми пошли на Царево Займище к Можайску. [...]

*(Сборник Русского исторического общества.
Т. 137. М., 1912. С. 731—732)*

№ 5.

**Жалованная грамота Лжедмитрия II
Юрию Мнишеку, Сandomирскому воеводе,
от 4 (14) октября 1608**

Димитрий Иванович, Божию милостию Царь всея России, Князь Дмитровский, Углицкий, Городецкий и проч., и проч., и проч., и иных многих государств и Татарских Орд, Московской Монархии подвластных Государь и дедич.

Объявляем, что мы, будучи благодарны ясневельможному господину Юрью-из Великих Кончиц Мнишке, воеводе Сендомирскому, нашему искреннолюбезнейшему отцу, за его к нам благосклонность, коей вечный залог имея при себе и многократно чрезвычайно ощущая отеческую его к нам милость, разсудили равным образом и с своей стороны изъявить ему таковое ж искреннее усердие. А дабы он не токмо из вышереченных слов, но особливо из щедроподатной нашей Царской руки был уверен, обещаемся, как скоро Господь Бог поможет нам прибыть в столицу нашу, повелеть ему немедленно из казны нашей выдать триста тысяч рублей. Для вышшего же удостоверения сих слов наших, прилагаем нашу печать при собственноручном подписании. Дана в лагере под столичным городом Москвою во владениях наших, 14 октября 1608.

Димитрий Царь.

*(Бутурлин Д. История Смутного времени
в России в начале XVII в.
Т. 2. СПб., 1841. Приложение № IX. С. 71)*

№ 6.

**Жалованная грамота Лжедмитрия II
Юрию Мнишеку, Сandomирскому воеводе
на владение городами Северского княжества**

Димитрий Иванович, Божию милостию Царь всея России, Князь Дмитровский, Углицкий, Городецкий и проч., и проч., и проч., и иных многих Государств и

Татарских Орд, Московской Монархии подвластных, Государь и дедич.

Роспись городам северского княжества.

Чернигов	Рыльск
Смоленск	Карачев
Брянск	Почеп
Стародуб	Трубчевск
Путивль	Комарск
Новгородок	Рославль
Курск	Моравск

Таковая роспись городам Северским со всеми волостями надлежать имеет к привилегии, от нас данной ясневельможному господину Юрью из Великих Кончиц Мнишке, воеводе Сендомирскому и проч., государю отцу нашему, нам усердно и верно любезному.

Димитрий Царь

(Бутурлин Д. История Смутного времени в России в начале XVII в. Т. 2. СПб., 1841. Приложение № X. С. 72)

№ 7.

**Челобитная гетману Сапеге
жителей Юрьева Польского о притеснениях от панов,
собирающих кормы, и от загонных людей
27 декабря 1608**

Государю пану Яну Петру Павловичю Сапеге, каштеляновичу киевскому, старосте усвятицкому и кирепецкому, и ближнему Государеву Цареву и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Руси приятелю и земскому правителю, биют челом Юрьева Полского и всего Юрьевского уезду нищие Государевы богомолцы и твои Государевы архимарит и протопоп и весь священнический чин, и дворяне, и дети боярские, и посадцкие людишка, и всего Юрьевского уезду всякие черные людишка. В нынешнем, государь, в 117 году, декабря в 17 день, приехали, государь, в Юрьев Полской, по Государеву Цареву и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Руси указу и от

тебя Яна Петра Павловича, пан Петр Михалевский с товарищи, и нам, нищим Государевым твоим богомолцом, и к дворяном и к детем боярским и посадцким и всяким черным волостным людишкам, что велено, государь, в Юрьеве на посаде и во всем Юрьевском уезде сбирати кормы пану Петру Михалевскому на шесть рот твоего государева полку твоим государевым ратным людем; а твоего государева уложения в твоей государеве грамоте не написано, по чему на роту, на сто коней и на сто человек корму давати. А мы, государь, нищие Государевы Царевы и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Руси и твои государевы богомолцы, архимарит, и протопоп, и попы и весь священнический чин, и дворяне, и дети боярские, в Юрьевском уезде от ратных от загонных людей и от Полских казаков пограблены, и церкви Божии разорены, Божие милосердие образы ободраны и переколоты; и всякое церковное строение поимали, и животинишко всякое, лошади и рогатую животину загонные люди повыгна-ли, и хлебешко все перемолотили и повывезли, все до конца разорили; а сами мы, холопы Государевы, с женишками и с детишками, скитаемся на посаде душею да телом; а крестьян, государь, за нами нет ни одного бобыля, толко жили своими дворишками, и те ныне дворишка наши все разорены, и хлебешко все загонные люди повымолотили, и людишка в полон поимали, а иные повысекли.

А посадцкие, государь, людишка от кормов и от подвод вконец погибли, что, государь, ездят изо всех Понизовных городов всякие литовские и полские люди и государевы посланники, и кормы и подводы емлют многие; и тех, государь, подвод не воротитца ни единая лошадь. И нам, государь, нищим Государевым и твоим государевым богомолцом, и холопом Государевым дворяном и детем боярским и посадцким и всяким черным людишкам твоих государевых твоего полку ратных людей, шти рот, прокормити невозможно, что государь, место не великое, и людишка, государь, бедные и разорены до основания. А преть, государь, сего, Государевы Царевы и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Руси всякие столовые запасы возили; да с нас же, государь, взято в государеву казну, с бедных и с разоренных, по двадцати по семи

рублев с сохи за Государевы ж за столовые запасы; да с нас же, государь, бедных и разоренных, велено взять пану Хвощу на две роты, на двесте человек, всякого запаса и конского корму, и мы, по твоему государеву указу, те кормы послали все сполна. Милосердый государь, пан Ян, пожалуй нас разоренных, умиласердися над нами, не вели на нас, в Юрьеве на посаде и во всем Юрьевском уезде для кормов тех, которым паном, по Государеву указу, пожаловал ты, государь, велел быти с ротами, пану Михалевскому с товарищи, что, государь, досталные людишка, наши крестьянишка и людишка наши, от Литвы настрашены и бегают по лесам, и сыскати их не мочно, и твоим государевым паном кормов взяти не на ком. А что, государь, ты пожалуешь нас уложишь про литовские люди, и каких кормов, и на колко панов и лошадей, и мы, государь, по Государеву указу и по твоему уложению, ради на те роты корм давати и возити в таборы, покаместа силы и мочи нашии станет; а тем, государь, паном, которые здесе в Юрьеве приехали для кормов, вели, государь, им быти к себе в таборы, из Юрьева посаду и из Юрьевского уезду; а от них, государь, Юрьев посад и Юрьевской уезд до конца запустошены. И вели, государь, дати роспись, и свою Государеву грамоту к Государеву воеводе к Федору Миничю Болотникову, да к пану к Миколаю к Роженскому, по чему им те кормы собирая посылати к тебе, к государю, в таборы, на те роты; и мы, государь, ради возити тотчас, чтоб наши досталные помещишка и посад от тех пахолков досталь разорены не были, и людишка бы наши и крестьянишка досталные розно не розбрелись, и женишка бы наши и детишка не опозорены были: и так от загонных людей все вконец погибли и разорены. Государь Ян Петр Павлович, смилуйся пожалуй! А от панов, государь, нам прожити не мочно, разве розбрестись, покиня женишка свои и детишка и домишка свои кой-куды, чтоб еще досталные вконец не погибли.

*(Акты исторические,
собранные Археографической экспедицией.
Т. 2. СПб., 1841. № 119)*

№ 8.

**Листы смоленских лазутчиков
о вестях из Литвы и Тушина. Март 1609.**

**Из списка с литовского листа, что привез
Гриша Хохряков марта в 13 день 117 году, а деи дал
ему во Мстиславле мстиславец Костя Москов**

[...] С войска Северского, от того плута Лжедмитрия II привезли пана Хмелевского жолныря, забитого под Тройцою, зятя моего, с ним приехал жолнырь Иван Новицкой с роты Велемовского, а другой с большого обозу с полку Подгородецкого Станислав Робитцкий, и приехали и кажут, як там што ведетца: тот крути-голова Дмитрей, што зоветца цариком, хочет оттуль с того обозу рушитца прочь от Москвы за три мили, за пятнадцать верст, стать на новом месцу, потому што на весне смрад и воня войско подушит, а певне ждет весны и просухи, хочет огнем Москвы добывать и жечь. Сапега и Велемовской и Лисовской монастыря Троецкого конечно добывать уже мают через штурм, и педарды дубовые три, железными обручами збитые, вместо пушок болших, наготовили, пяти сажон, а мают зелья по три осмины у них сыпати, а по три кули набить, сталную и железную и третью огненную. А копалисе сем недель под мур, ино черньцы доведались, и уллучили, в коем месте копали, ино рвом великим окопались; а людей под тым монастырем двадцать тысячей и полторы тысячи, а Сергеев монастырь весь выпленили наголову. А иншие жолныри четыре тысячи и триста пошли аж за Белое озеро, плендруючи и пустошачи землю Московскую. [...]

[...] И теперь много приехало с-под Москвы купцов, сказуют, што вор хочет побежати и боитца Ружинского и с козаками; у таборех будки покрыты соломою, а двои ворота, въехати и выехати; и уже скучилося у войску, и вору платить нечим, говорил своей жене Марине: «знаю летниками платить жолнером, а не заплатим». Иные купцы сказуют: коли бы Царь Московский заплатил нам, всем желнырем, и мы бы воров выдали и из земли Московское выступили; и коли бы вы поеднали козаков Дон-

ских, а поляков нечего их и бить вам, ужо у войску нет. А ваши побили Руцкого со всем людом, под монастырем в Осиповом, тысячи с три, и Руцкого ранили самого и гайдуков немного, аже два сорока, и Пятигорцов побитых з монастыря Троетцкого. Ещо ж бы Зарутцкого коли бы перееднали гетмана и Донских казаков, то бы ваше полепшело, або зожгли табор. [...]

*(Акты исторические,
собранные Археографической экспедицией.
Т. 2. СПб., 1841. № 174. С. 200—203)*

№ 9.

Распросные речи, отобранные от московских выходцев в Тушинском стане (8 мая 1609)

Маия в 8 день, Московского Судного Приказу молодой подъячей Матвей Денисов сын Чюбаров в роспросе сказал: вышел он с Москвы, на Государево Царево и Великого Князя Дмитрея Ивановича всеа Русии имя, маия в 6 день, а вышел в Тверские ворота, Болшого Приходу с подъячим с Васильем Скурыгиным, а шли с ним вместе до деревни Пироговы, а от Пироговой в другую деревню до Казанского дворца подъячего, а которая деревня имянем и как зовут подъячего, чья она, того не ведает; и в той деревне ночовал, а наутрее из тое деревни крестьянин допровадил его Матвея до села до Черкизова, а из Черкизова отослали его до села Братошина, а из Братошина привели его сюды. А товарищь его, которой с ним пошел из Москвы, Василей Скурыгин, отстал от него первые деревни Пироговой и пошел лесом, а хотел пыатца в таборы ко Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии. А вышел он Матвей на Государево имя с тем: приходил к нему, в Приказ, сын боярской москвитин Сава Тороканов, тому четвертой день, а сказывал: которые бояре, и дворяне, и дети боярские, и торговые люди, были в заговоре с Иваном с Федоровичем с Колычевым, и хотели Шуйского убить на Вербное воскресенье, и тогда не лучилося; из их думы один Иван Федоро-

вич был на пытке и ни на кого из них не говорил, потому одного и казнили; а их никого казнить не велел: и оне же своим старым заговором умышляют и хотят его убить на Вознесенев день из самопала; а на Николин день какая заматня будет ли, того не ведает. А дети боярские и черные всякие люди приходят к Шуйскому, с криком и вопом, а говорят: до чего им досидеть? хлеб дорогой, а промыслов никаких нет, и ничего взять не где, и купити не чем. И он у них просит сроку до Николина дни, а начается де на Скопина, что будтось идет к нему Скопин с немецкими людьми, а немец де с ним семь тысяч: Король будтось дал четыре тысяч, а еще де нанял три тысяч; и как де он к Москве с силою подойдет, и ему де Шуйскому с своею силою его встретить и приходить на болшие таборы. А весть де про Скопина на Москве есть, что пошел из Новагорода; а в котором городе ныне, и того неведомо подлинно. А про Шереметева сказывают, что в Нижнем, а из Нижнего ждут его в Володимер, а из Володимеря ждут к Москве; а сказывают, что с ним с Шереметевым идет вся Понизовная сила, а ждут на просуе, как вода сольет и коньской корм поспеет. А се идет на Украину Крымской Царь, а из земли де уж вышел; а весть про то пришла к Москве недели с две, пригнал из Полских городов гонец, а кто имянем, и того не ведает; а слышел он про то не в Розряде, в миру. А болших бояр на Москве: князь Дмитрей да князь Иван Шуйской, да Ортмей Измайлов, да Ростовские, шурья Шуйского, да дьяк Василей Янов, да Истома Корташов, да Томила Луговской. А из бояр прямят Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси: князь Борис Лыков, князь Иван Куракин, князь Василей да князь Ондрей Голицыны, да князь Иван Дмитриевич Хворостинин, а с ним дворяне и дети боярские, и торговые люди, а сколко их человек и кто имянем, и того не упомнит. [...]

*(Акты исторические,
собранные Археографической экспедицией.
Т. 2. СПб., 1841. № 212)*

№ 10.

**Письмо князя Р.Рожинского королю Сигизмунду III
от 17 (27) февраля 1610**

Со вторника на среду Царица отправилась в Калугу, переодевшись в мужское платье в сопровождении только одной служанки и одного служителя. Сбившись с дороги, она заехала в Дмитров, где и теперь находится. Здешнее войско сильно бунтует и если на положенный срок не получится известия, могущего удовлетворить рыцарство, то трудно будет удержать оное от дальнейшего беспорядка. Несколько бояр, выбежавших из столицы, показывают согласно с уведомлениями лазутчиков, что москвичи имеют большую склонность к В.К.В., и молят Бога, только чтобы В.К.В. изволили поспешнее прибыть к ним. Василий Шуйский в распре с Михаилом Скопиным и каждый из них промышляет сам о себе. Не мешало бы написать письмо Скопину; по имеемым мною от лазутчиков уведомлениям, нетрудно было бы его привлечь на сторону В.К.В. Боярам, оставшимся с Патриархом у нас, весьма не нравится, что не получили ни одной грамоты от В.К.В.; желательно бы доставить им сие утешение дабы удержать их при прежних замыслах. Они также весьма обижаются действиями запорожцев, которые в Зубцевском уезде грабят и убивают братьев их и жен отбирают, хотя Зубцевские уездные люди более всех прочих преданы В.К.В. За сим предаю, с верноподданническим и покорнейшим послушанием, нижайшую службу мою воззрению В.К.В. Милостивого государя нашего. Писано в стане под столичным городом Москвою 27 февраля 1610. Касимовский Царь усиленно просит позволения предстать перед В.К.В.

В.К.В. верный подданный и нижайший слуга
Рожинский Роман

*(Бутурлин Д., История Смутного времени
в России в начале XVII в.
Т. 3. СПб., 1841. Приложение № 11. С. 27—28)*

№ 11.

Из «Дневника похода Сигизмунда III в Россию»

[...] 1610 г. Январь.

1 [января]. Отозвались, наконец, послы из Дмитриева лагеря, в который вступили 14 декабря довольно торжественно: при них было 3800 пехоты и 400 отборных копейщиков; остальных людей послы оставили в нескольких милях для удобства в продовольствии, потому что Скопин, подступив к лагерю, так стеснил войско Димитрия в продовольствии, что оно подверглось и дороговизне, и недостаткам, да и немалой тревоге. Навстречу послам выезжал Зборовский в сопровождении 200 человек, а затем, ближе к лагерю, выехал на санях (по причине болезни) князь Рожинский с Саноцким старостой. При въезде в лагерь один русский, некий Плещеев, встретил послов от имени Димитрия. Третьего дня они были на аудиенции. [Сановники Димитрия] сначала убеждали послов почтить прежде своим посольством их государя, но так как послы не имели к нему никакого дела, да и напрасно они вступали бы с ним в сношения, то [сановникам Димитрия] самим пришлось слушать посольские речи королевских послов. Речь с успехом сказал им перемышльский каштелян. Знатнейшие были довольны речью, но другие или не хотели понять ее, или наконец не дослышали ее и потому не понимали, поэтому требовали от послов их инструкции. Послы дали им пункты — изложение причин прибытия посольства и вступления короля в эти страны.

На следующий день они сошлись [с нашими послами] и вместо совещания с ними нападали на Яниковского, который, говорят, самовольно изменил инструкцию их послов к королю. Они чуть не изрубили его, укоряя его таким образом: «ты не достоин распоряжаться нашею честью, когда и своей чести ты не умел уберечь», потому что он был осужден на бесчестие. Послы пишут, что при этом было большое смятение и разнесена была окружавшая собравшихся решетка. Насилу их усмирили старшие. Яниковский советовал, чтобы королевским послам дать словесный ответ и отправить их сейчас же, но ему не

дали сказать ни слова. Говорят, между ними есть очень много желающих служить своему государю и отечеству. Хотя там едва ли не каждый ротмистр высчитывает, что выслужил сто тысяч; но видя, что невозможно это получить, и видя ослабевшие свои силы, потому что Скопин берет над ними верх, они дешевле оценивают свою прошедшую службу и [рады были бы], если бы на их долю хоть что-нибудь пришлось. Приезжающие из того войска и наши, пишущие оттуда к нам, утверждают, что если бы король не наступил на русских, то [полякам, находящимся при Димитрии] пришлось бы сделать позорное и вредное отступление; но это нашествие [на Россию] королевского войска, а также и то войско, которое пришло с послами в тот лагерь и которое они преувеличивают, потому что вышедших от нас 2000 человек они превратили в 7000, придали им храбрости и увеличили тревогу Скопина. Но более рассудительные пишут, что хотя бы наши послы и пришли к соглашению с ними и если бы нам передались и те русские, которые держатся там того человека [самозванца], то и тогда мы еще не кончим дела, а придется нам силою оружия побивать Скопина и заключать с Шуйским основательный договор. 27 декабря приказано было из каждой роты выслать на переговоры [с королевскими послами] по два товарища. Полк Сапеги и люди г. Вильковского, а также г. Копыцинского не подписались на конфедерацию. Это много будет содействовать хорошему окончанию переговоров и скорейшему установлению согласия.

Царица с тем выдуманном Димитрием равнодушно смотрели на послов. [Они] въезжали в свой лагерь в тот день, кончив посольство. Этот царь настойчиво заявил желание проехаться под Москву. Вишневецкий, слышно, противился этому; велено было запереть и коней, но не могли удержать его. Он выехал с 400 донцов и с таким же числом [других] русских. Из наших никто не поехал с ним. Рожинский поспешил за ним и привел его в лагерь. Рожинский не доверяет ему. Царь этот некрепко держится. Хотя [наши, находящиеся при нем] помогают, чтобы и при этих переговорах сделано было что-нибудь в пользу его и царицы, но так как почти все вообще,

как пишут нам, страшно ругают его и так как ему это известно, то он не доверяет нашим и хочет бежать.[...]

11 [января]. Получены известия от наших послов из-под Москвы с 24 по 31 декабря. Прежде всего они извещают, что после того, как Перемышльский каштелян изложил перед тушинцами посольское дело, они назначили 27 декабря на то, чтобы из каждой роты явились по два товарища, которые узнают от послов волю короля и объявят свои мысли. Послам пришлось дожидаться назначенного дня, и когда в этот день съехались эти выборные, то прежде всего сказали, чтобы король взял от ложного Дмитрия, которого они поддерживают, Северскую землю и Смоленск, довольствовался этим и помог им посадить этого Дмитрия на престол. Когда им было доказано, что и то, что они предлагают, ненадежно, потому что эти волости труднее взять, чем столицу, и что недостойно государя сажать на престол человека, который не может иметь на это ни малейшего права, то они отказались от этого предложения, но сказали: «так пусть король заплатит на 20000000 [злотых], которые мы заслужили, и пусть удовлетворит того [Дмитрия] и царицу; тогда мы готовы служить Речи Посполитой». Тогда мы им выставили на вид самую невозможность дела и доказывали, что такой громадной суммы не может вынести ни Россия, ни полсвета. Затем они предложили, чтобы король 5000000 [злотых] обеспечил [на своих имениях] в Польше, а остальные деньги пусть они получают с северской земли. Послы поставили им на вид, что нашим государям — королям не дано права закладывать своих столовых имений, а они могут только пользоваться их доходами, потому на это требуется согласие всех чинов; но если бы на это и согласились чины, то такой суммы нельзя было бы получить, потому что такой суммы нельзя найти в польском королевстве; ей едва ли равняется годичный доход Испанского флота. Послы представляли им и то, что они тут имеют дело с собственным королем, что это дело касается не его блага, а блага общего их отечества, что они в этом случае всем тем, что делают, сослужат службу Речи Посполитой, а не кому чужому. Затем тушинцы сделали такое решительное предложение — чтобы

король заплатил им наличными за две прошедшие четверти года и за одну новую четверть и обеспечил уплату остальных заслуженных денег на Северском княжестве, когда овладеет тем государством [русским]. Послы и на это возразили: прежде всего, — почему бы королю платить за две [прошедшие] четверти, когда они в это время не служили ему, а на третью четверть откуда взять денег? Затруднения короля и малость доходов они сами знают. Послы напомнили им и то, что они больше обязаны отечеству, нежели чужим людям, которым однако служили так долго, даром и так храбро. Они справедливо домогаются уплаты за службу с того государства, но эта плата не должна быть столь дорога, как они домогаются, и тех, кому следует платить, не столь много, как они написали в списках этого счастливица Димитрия. Самая невероятность могла бы уничтожить это требование, но если должна произойти уплата за выслуженное время, то, во-первых, по той цене, какую получает от короля остальное рыцарство и сообразно тому, кто сколько служил, а не потому, кто как записал себя в список. И касательно даровых четвертей нужно еще посчитать [людей] и определить возможный способ уплаты, а не противный правде. Решено еще собраться и переговорить. Но и теперь от главнейших лиц мы выведали, что придется проверять число людей в отрядах, придется уступить им даровые четверти, обдумать уплату из русских доходов, что во всяком случае они будут домогаться наличных денег за одну четверть и безопасности Димитрия и царицы. Между тем, они согласились, хотя, впрочем, с досадой, и на то заявление, что послы снесли с Шуйским и хотят вести с ними переговоры касательно вреда и тиранств, какие он сделал Речи Посполитой и ее людям. Об этом же послы отнесли и к думным сенаторам, боярам и к духовенству. наших людей в том лагере считают до 7000. Есть множество русских, которые желают, чтобы мы пришли с собою к соглашению и готовы идти туда, куда пойдет польское войско, потому что они разбиваются на разные партии, и в самой Москве русским стало ненавистно правление Шуйского. Множество бояр, а мир чуть ли не весь, хотели иметь князем Голицына,

пока не узнали о нашествии короля. Воины, находящиеся со Скопиным в походе, называют его царем.

Послал в столицу своих шпионов г. Домарацкий, который имел сношения с некоторыми русскими, с которыми сблизился, когда был в Москве. Он получил известие, что наши купцы — злодейская Русь — сказали миру и духовенству русских, что король хочет наступить на их веру и церкви, поэтому пусть они не склоняются на его сторону. Шуйский тоже пустил молву, что король воюет не ради царства, а из-за веры, что он желает лишь приманить к себе русских. Наши послы отправили однако снова шпионов, которые должны как можно больше успокоить мир, бояр и духовенство касательно их обрядов и веры; то же самое тайно, но усердно делают и послы, сносясь с русскими, находящимися в лагере, и обещая им крестным целованием, что король не обманет их. Хуже всего то, что под Троицей Скопин берет верх над Сапегой, которому князь Рожинский из личной ненависти отказывается до сих пор помогать; потому что если Сапега принужден будет отступить из-под Троицы, то тамошние русские сильно ободрятся, а здешние упадут духом. Ежедневно наши ожидают дальнейших известий и просят Бога, чтобы он сильной своею рукою поддержал предприятие, направленное к прославлению его имени и к распространению св. веры. О том своем подставном государе наши сами громко говорят, что он не Димитрий; русские — тоже, что не тот; но, не имея другого лица, наши держатся его, чтобы добиться уплаты за выслуженное время, а несчастные русские, боясь тиранства Шуйского, рады быть при ком угодно, лишь бы спасти свою жизнь. Особенно удивительно вот что: наши, зная, что он — не тот Димитрий, за какого они выдают его, и, что еще хуже, зная, что он человек ничтожный, необразованный, без чести и совести, страшный хульник, пьяница, развратник, что он ни сам не придумает ничего дельного, ни советов не принимает, не бывает ни на каком богослужении, о поляках или, как они говорят, о Литве, ничего хорошего не думает и не говорит, и если бы имел силу и возможность, то всех их истребил бы, относятся однако к нему с уважением, хотя какое это уважение, убереги Бог от такого уважения. Так, недавно,

князь Рожинский в его присутствии ударил по щеке и бил палкой Вишневецкого, которого Димитрий очень любит. [...] Другой на месте этого царя, при первой возможности бежал бы, и он действительно думает об этом, но его стерегут. Решительно можно сказать, что они держатся имени Димитрия, а не человека.[...]

15 [января]. Дано знать, что ложный Димитрий, заметив, что польские люди [в его войске] готовы вступить в соглашение с послами его королевского величества и заключить в скором времени договор с ними, бросил царские регалии и жену и бежал из лагеря в Калугу 6 января, под вечер, после того, как протрубили пароль.[...]

25 [января]. Приехали от того войска [самозванца] князь Збаражский, гг. Скумин, Домарацкий, а уже вечером Людовик Вайер. Они так рассказывают ряд своих трудов и стараний: прежде всего, во все то время, пока тот ложный Димитрий не бежал (а, может быть, он спрятался), [тушинцы] занимали их спорами и пирами, а когда он бежал 15 января, в то время, как трубили пароль, то [тушинцы] во время смятения разнесли все царские украшения, — уносили, кто что мог, причем досталось некоторым богатым боярам. 17 января они составили коло недалеко от помещения князя Збаражского, где делали разные нападки то на князя Рожинского за то, что он своим пьянством отпугнул его [самозванца], то на гг. послов, что они были причиной его бегства. Все люди гг. послов, как пехота, так и конница, стояли под ружьем, потому что те то и дело кидались искать Димитрия в их возах из-под казны и денег от короля. Так продолжалось до вечера. Только уже после многих споров г. Бучинский добился, что его стали слушать, и стал нападать на тех, которые поднимали бунты, — это пахолики, портные, сапожники, забравшиеся на службу в число товарищей, а таких там немало. В этом помогли Бучинскому Андрей Млоцкий, г. Яйковский и многие другие. Затем они распустили коло и на следующий день составили новое подле лагеря. Там князь Рожинский оправдывал себя, а гг. послы, чтобы не испытывать больше презрительного обращения с ними, стали собираться в путь. Те, заметив это, стали вести себя смиреннее и послали к послам

просить, чтобы остались три дня, и обещали дать королю хороший ответ. Послы легко дали убедить себя. И быстрые сборы они делали лишь для виду, потому что эти, столь почтенные люди, избранные королем для этого дела, видели, что в подобных обстоятельствах не следует из-за этого уезжать, а нужно думать о более важных делах. Между тем, с послами стали беседовать русские и явно начали высказывать свою расположенность к королю. Увидев это, послы просили русских собраться в круг. Это охотно сделали патриарх с духовенством, Заруцкий со своими военными и Салтыков с думными боярами и дворянами. На этом совещании хотел быть тоже и князь касимовский. Сюда пришли гг. послы. Они и в инструкции имели на это полномочие и имели особые грамоты, писанные по-русски и с подписью короля, в которых объявлялась этим людям милость короля. Перемышльский каштелян сказал от имени послов прекрасную и довольно обширную речь, в которой доказывал, что король пришел сюда не для того, чтобы разрушать их законы и веру, и не для гибели этого народа, а для того, чтобы остановить пролитие христианской крови и поддержать эти государства и русский народ. Поэтому, если они не хотят пренебрегать божиею милостью и покровительством короля, то так как у них прекратился царский род, король готов взять их под свою защиту и освободить их от рабства у тех тиранов, которые помимо всех прав и правды вторгаются на их престол.

Русские сильно радовались и много плакали. Начиная с патриарха, [все] с благодарностью слушали эту речь, с благодарностью приняли [грамоты], целовали подпись короля, хвалили Речь Посполитую [и прославляли Бога], что послал им время замирения. Они сейчас же вступили в конфедерацию [договор] с польским войском не разлучаться и не передаваться ни на сторону вора, так как он бежал, ни на сторону Шуйского и его братьев, а частным образом многие из них целовали крест на имя короля. Войско тоже возвратилось к благоразумию, — все обещают быть верными и доброжелательными его королевскому величеству и отправляют к королю послов с некоторыми требованиями. Между тем, тот человек [самозванец]

отозвался из Калуги и к царице, извещая ее, что уехал на охоту, и к другим, тайно посредством писем заявляя желание возвратиться, если поляки обяжут себя новою присягой, а изменившие русские будут казнены смертью. Эти письма разносил Казимирский и некоторые из них уже пораздавал. Это заметили, закричали идти в коло, обязали Казимирского клятвой [не делать этого], отняли у него не розданные письма и издали приказ, что если кто не возвратит их и не принесет в коло, а это легко будет узнать, потому что Казимирский должен будет сказать [кому раздал их], то будет казнен жестокой смертью. Сейчас же эти письма были принесены и брошены в огонь, а Казимирскому объявлено, что будет казнен смертью, если впредь будет тревожить и волновать войско. Затем царица прислала просьбу, чтобы ей дозволили уехать к мужу. Ей это дозволили, но под страхом смерти запретили кому-либо двинуться от войска с знаменем. Царица сейчас одумалась и просила, чтобы ей дозволили жить в Можайске до тех пор, пока не придет король. Ей и этого не дозволили, опасаясь, как бы не пришел к ней тот обманщик (у него после побега нашли талмуд). Итак, поляки и русские отправляют [к королю] послов со своими требованиями. Посылает [посла] и царица, которая все права свои вверяет вниманию, рассуждению и совести его королевского величества. Требования наших [тушинцев] суровы, но их можно будет умерить. Ввиду того, что войско разделилось и ввиду усиления Скопина нельзя было иначе поступать, но есть надежда и средства [иначе устроить дело], а те подонки [негодных людей], которые теперь заправляют делами, можно будет уничтожить.[...]

*(Русская историческая библиотека.
Т. 1, стб. 500—528)*

№ 12.

Письмо Лжедмитрия II к Яну Петру Сапеге из стана под Москвой от 18 (28) июля 1610

Великими и важными обстоятельствами, особенно во время таковых возмущений в областях наших, мы приве-

дены были выдерживать различные не только набеги и опустошения областей наших от пограничных Государей, но и должны были сносить необузданность собственных подданных наших, измену столь заразительную, что без помощи и пособия обоих народов трудно было бы оную уничтожить. Находясь в таком положении и зная, что границы областей Короны Польской почти соединены с Государством Московским, нашею отчиною и наследственным государством нашим, мы обратились касательно помощи к знаменитой Короне Польской: представляя, чтобы она в такие бурные времена воздержалась от неприятельских нападений на Государство, наказанное от Бога внутренними раздорами, но чтобы лучше по любви христианской и соседственной, к дальнейшему укрощению своевольства (дабы впоследствии свет не имел такого примера) подали бы помощь от столь могущественного Королевства Польского; оба сии пункта нами получены, и они от насильственного завладения областей наших удержались. Итак, приняв во уважение надлежащим образом таковое доброжелательство знаменитого народа непобедимого Королевства Польского относительно нас и областей наших, мы предприняли и постановили свято, — утвердись на престоле нашем, искать с Королевством Польским прочной дружбы и заключить ее постоянным образом. Что же касается теперешнего доброжелательства его, которое оказано нам в этом несчастии, не щадя для нас ни крови своей, ни даже имущества, обещаем, и как несомненный долг на себя словом нашим царским принимаем: Королю Польскому тотчас же по восшествии на престол, дать триста тысяч золотых, а в Казну Речи Посполитой в продолжении десяти лет будем давать ежегодно по триста тысяч золотых. Сверх того Королевицу так же ежегодно в течение сего времени по сту тысяч золотых. Всю землю Ливонскую своим коштом обратно завоевать Короне Польской обещаем. Также касательно Королевства Шведского собственным коштом нашим помочь Королю Польскому обещаем, и пока будет продолжаться эта экспедиция, 15000 войска, способного к бою, из народа здешнего ставить будем обязаны, обещая притом против каждого из неприятелей Короны Польской помогать

равным образом своими людьми, в чем и они нам против неприятелей наших помогать должныствуют. А так как между нами и Королевством Польским есть недоразумения касательно земли Северной, то мы не прочь от того (когда, даст Бог, благополучно воссядем на престол предков наших), чтобы вести о сем посредством великих послов наших переговоры; и ежели окажется, что действительно будет что-либо кому следовать, то (желая сохранить любовь и согласие) от должного отступать не будем; но лучше будем желать, чтобы каждый остался при своем. И на будущее время во всех выгодах Короны Польской и народа сего вспоможенствовать обещаем, и все то, что добровольно на себя мы приняли, постоянно сдержать обещаем, равно как удовлетворить всех обещаем и присягаем верою, совестью нашей и словом нашим Царским; также обещаем утвердить то, воссев на престол с согласием и подписью Думных бояр наших. К чему ныне для большей достоверности собственной рукой подписались. Писано в стане под столичным городом Москвою, июня 28 дня 1610.

Дмитрий Царь.

(Бутурлин Д. История Смутного времени в России в начале XVII в. Т. 3. СПб., 1841. Приложение № XII. С. 42—44.)

№ 13.

Распросные речи двух Романовских татар в Московском стане об убиении в Калуге Лжедмитрия II. 14 декабря 1610

119 году декабря в 14 день, приехали к Москве из Колуги выходцы Романовские татровя Чорныш Екбеев, Ян Гурчеев, а в роспросе сказали: тому ныне четвертой день, выезжал вор из Колуги, во вторник, декабря в 11 день, за острог, гулять на поле к речке Яченке, а с ним ездили гулять русские люди да Юртовские тотаровя и того ж часу прибежали с поля, в острог, русские люди да Юр-

товские тотаровя, и учили говорить всем людям вслух: «вор де побежал», а иные говорили, что вора убил Юртовской тотарин. И на то смотря, зазвонили в сплошные колокола; а дворяня и дети боярские, и посадские и всякие люди, не поняв тому веры, ездили того воровского тела смотреть, а они Чорныш и Ян ездили с ними ж; и того вора видели они за речкою за Яченкою, на горке, у креста, лежит убит, голова отсечена прочь, да по правой руке сечен саблею. И увидев казаки, что вор подлинно убит, прибежали в слободу, где стояли Юртовские тотаровя, и лутчих мурз, Алея мурзу Шейдякова, да Сопраля мурзу, да Кара богатыря и иных лутчих мурз казаки побили наголову многих, а дворы их розграбили. И на завтрее того, в среду ввечеру, хотел бежати из острогу Ивашко Зарутцкой, и его изымали миром, а из острогу не упустили. И они розсмотря того вора подлинно, побежали к Москве; а отъехав от Колуги верст с десять, слышали они, что в Колуге выстрелил из пушки одиножды, а тело ворово взяли, а где дели, того не ведают. А как вора убили, и князь Петр Урусов с татары из Колуги побежал вниз по Оке, а того не ведают, куды побежал; а в Колуге остались князь Григорей Шеховской и все лутчие воровские люди. И назавтрее того, после воровского убивства, в среду, говорил князь Григорей Шеховской миру, чтоб его отпустили из Колуги, с повинною к Москве, и ему не поверили; а кого с повинною хотят к Государю прислать, про то не слышали, а ворова жена при них была на воровском дворе, а где ныне, про то не ведают. А Царь Касимовский убит тому недели с две; а жена его с детми за приставы. А про Сопегу слышали они, что стоит в Мещевску; а сколько с ним людей и что его умышление, про то не слышали.

*(Акты исторические,
собранные Археографической экспедицией.
Т. 2. СПб., 1841. № 307)*

II. КЛУШИНСКАЯ БИТВА

№ 1.

Из записок С. Жолкевского «История Московской Войны»

[...] Гетман пришел под Белую 14-го июня; там, отдохнув два дня, на шестой присоединился к своему войску, которое уже собралось под Шуйском и остановилось над протекавшею там рекою, окружил свой лагерь рогатками. К ним присоединились, вследствие письма гетмана, два полка вольных казаков, один с Пясковским, слугою князей Збаражских, а другой с некоторым Ивашиным. В тех полках находилось более трех тысяч разных людей.

Близость неприятеля была причиною тому, что наши окружили себя рогатками, ибо, хотя князь Дмитрий Шуйский еще находился в Можайске, ожидая Понтуса, оставшегося в Москве и торговавшегося с царем о деньгах, но прислал в Царево-Займище, лежащее в двух милях только от Шуйска, войско с князем Елецким и Григорием Волуевым, которого войска, как потом рассказывал сам Волуев, распорядившийся всем, было десять тысяч. Мы полагали его в восемь тысяч конницы и пехоты.

Князь Димитрий намеревался вытеснить нас успешным фортелем, употребленным Скопиным; поэтому он приказал Волуеву построить городок при Цареве [Займище], что и было сделано Волуевым с большой поспешностью.

Переночевав только под Шуйским, на следующий день гетман двинулся к Цареву, ибо поспешал, дабы не дать Волуеву укрепиться в этом городке. Обходя мосты, которые там весьма длинны, гетману пришлось сделать крюк. Поелику солдаты полка Зборовского были непослушны, привыкнув к этому во время долгого пребывания в своевольном войске, гетман принужден был останавливаться и посылать к ним; но несмотря на то, они все-таки с ним не пошли. Гетман, взяв с собою полки Казановского и Дуниковского и казаков, успел только прой-

ти одну милю в направлении к Цареву. Расставив войско, желая собрать сведения, чтобы не идти слепо наудачу, и лично рассмотреть, как расположился неприятель, гетман под вечер взял с собою около тысячи человек и подъехал к Цареву.

Царево Займище основано Борисом над рекою, близ которой он устроил пруд и насыпал плотину чрезвычайно широкою (великолепную, как и все его строения) так, что по ней могут идти рядом около ста лошадей; за этой плотиной, на расстоянии нескольких стадий, на выстрел из хорошего фальконета, Волуев построил городок.

На пути от нашего стана пришлось нам спускаться к местечку, которое было зажжено. Волуев, увидев нас на этой горе, вывел до трех тысяч конницы и пехоты на упомянутую плотину, на которой начали сражаться с нашими; нашим удалось убить до десяти москвитян и захватить одного ротмистра и другого стрельца, а наши не понесли никакой потери, только двое или трое ранено, и то легко. Москвитяне не узнали бы о том, кто мы таковы, если бы от нас не передался к ним изменник москвитянин; узнав от него, что здесь гетман, они опасались засады, которой не было; впоследствии опытные воины порицали гетмана за то, что он подвергся такой опасности, однако Волуев, опасаясь засады, не смел напасть; а напротив того, приказал людям возвратиться к городку. Гетман, который уже рассмотрел все, что ему было нужно, приказал дать сигнал трубой к отступлению. В час от начала ночи мы возвратились в свой стан.

На следующий день, 24-го июня, т.е. в день Св. Иоанна, гетман двинул войско к Цареву. Стан расположился на той горе, с которой видно было местечко; на сказанном выше пепелище в конце плотины он приказал остановиться пехоте. Казаки стали несколько ниже на другой стороне местечка, подле болота. Намерение гетмана было днем стоять на этом месте, а уже ночью перейти через плотину и там за городком, на Можайской дороге, расположить войско, чтобы отнять у Волуева средства и надежду на помощь, но как в прочих делах, а в особенности в делах военных, не всегда бывает, как кто задумает, то и в это время случилось то же. Волуев держал своих

людей в городке, может быть, числом до ста всадников, которые разъезжали подле самого городка. На плотине над спуском был мост, который он велел разобрать, а на самой плотине в стороне, в рывтинах, образовавшихся от дождевой воды, и в чаще, которая была внизу плотины и почти как бы стеною соединялась с ней, засадил несколько сот стрельцов, которых нам видеть было невозможно, пока они не начали двигаться. Волуев, зная стремительность наших людей, сделал это в надежде, что они въедут на эту плотину, так, как вчера, беспечно, и претерпят поражение от стрельцов, находящихся в засаде. Но это не удалось, ибо, хотя не было видно людей на плотине, но гетман, коему чаща, находящаяся подле нее, казалась подозрительною, запретил выходить и выезжать на эту плотину. Москвитяне, находившиеся в засаде в этих рывтинах подле плотины, видя, что наши останавливаются и не идут на плотину, соскучивши, начали из рывтин перебегать друг к другу. Наши, которые за этим наблюдали, приметили их; потом, чтобы не осрамить себя и не впасть в подозрение у неприятеля за то, что мы, стоя так близко, не осмеливаемся на него напасть, пан гетман велел пехоте стать в боевой порядок; несколько сот казаков спешились, одни зашли с другой стороны плотины, как бы через пруд, ибо место было доступно, потому что пруд был прорван. Москвитяне, находившиеся на другой стороне плотины, не заметили, что наши к ним подкрадываются, и как скоро поравнялись с ними, то одни подскочили к ним открыто на плотину, а другие из-под плотины выбежали на нее, начали стрелять, сражаться; москвитяне тотчас бросились бежать той чащею, наши стали их преследовать. Пехота быстро напала, пройдя реку, через которую конные не могли пройти, ибо мост, как было упомянуто, был разобран неприятелем. Гетман, опасаясь, чтобы пехота от своей быстроты не подверглась опасности, приказал скорее устроить мост, что было исполнено немедленно; он велел тотчас коннице проходить реку для подания помощи пехоте, и немедленно переправилась тысяча конных. Когда Волуев увидел, что его пехота бежит от плотины, наши же быстро преследуют ее, то он, желая и своим подать помощь, и истребить нашу пехоту, видя

ее одну без конницы, вывел из городка до трех тысяч людей конных и пеших. Но так как наша конница переправилась скоро, то наши и вступили с ними в бой на том поле, которое находилось под городком, и поразили их так, что одни побежали в городок, а другие в сторону около городка; так пехота наша была спасена.

Однако в этой стычке не обошлось без урона; наших убитых и раненых было с лишком двадцать, а между прочими был застрелен и положил голову Мартин Вейгер, любезный юноша, придворный е. в. короля. Москвитяне потеряли несравненно более, притом десяток человек их было взято в плен.

Поелику это сражение произошло более случайно, нежели с намерением, и наши завладели плотиною, взятие коей по предположению гетмана было сопряжено с большею трудностью, то он велел как наилучше починить мост, и тотчас на противоположной стороне плотины, против городка, поставил отряд; на следующий же день со всем войском перешедши через плотину, расположился на большой дороге, идущей от Можайска, откуда Волуев ожидал подкрепления; полк Зборовского, услышав, что гетман сражается с неприятелем, в тот же день к нему присоединился; в этом полку было много храбрых людей, которые сожалели, что не участвовали в сражении.

Мнение некоторых было штурмовать городок; в доказательство представляли, что неприятель, приведенный в смятение, не выдержит нападения; но гетман, видя, что дело опасно и сопряжено с большими трудностями (ибо неприятель хорошо укрепился, а Московский народ весьма упорно защищается), и зная от пленных, что войска имеют весьма большой недостаток в съестных припасах, ибо они тем только и питались, что каждый из них принес с собою в сумках или мешках, гетман хотел обложением принудить их к сдаче. Чтобы воспрепятствовать привозу съестных припасов как для них, так и для лошадей, приказал строить небольшие городки в местах удобных и окопать их рвом; эти укрепления, окруженные рвами, могли вмещать до ста человек, особенно против того места, откуда брали воду. В этих укреплениях поместил частью пехоту, частью казаков, а по недостатку пехоты

конница, видя необходимость, пахоликами своими препятствовала выходить неприятелю. Ибо они покушались каждый день, делая по несколько раз вылазки, но весьма неудачно, ибо наши из оных городков отстреливались от них, в особенности у речки. Как после рассказывал сам Волуев, у них было убито до пятисот человек; и у нас, особенно в пехоте, при частых стычках не обошлось без урона.

Волуев, будучи стеснен таким образом, посылал и посылал гонцов, которые ночью прокрадывались лесами к князю Дмитрию Шуйскому, находившемуся под Можайском, на расстоянии двенадцати миль оттуда, давая знать о своей опасности, и уведомляя, что ежели вскоре его не выручат, то по недостатку съестных припасов он не будет в состоянии удержать войска, ибо и теперь уже некоторые начали совещаться с москвитянами, находящимися при гетмане.

После чего князь Дмитрий Шуйский, собравшись как со своим, так и с иноземным войском (ибо Понтус из Москвы уже пришел вслед за ними), двинулся к Цареву Займищу, полный доброй надежды, что многочисленности и силе его рати, на которую он весьма полагался, не будет в состоянии противостоять наша, коей незначительное число ему было известно. Он пошел не по большому тракту, но сделав небольшой крюк к Клушину, ибо с той стороны ему было удобнее иметь сношения с Волуевым; по той же причине избрал сию дорогу и Эдуард Горн с иностранным войском, с которым он недавно пришел из Ржева к Погорелой.

Распространилась молва в нашем войске об огромности и силе неприятельского войска, и некоторые боялись, чтобы оно не подавило нас своею громадою. В войске также происходили неблагоприятные толки о гетмане, что ему постыла жизнь и что он вместе с собою хочет погубить и свое войско. Гетман же, зная, что в трудных обстоятельствах, как для е. в. короля, так и для Речи Посполитой, все зависело от успеха, с коим Бог сподобит окончить дело с Дмитрием Шуйским, решился испытать с ним счастья, ибо отступление не только было бы постыдно, но и опасно. Через посланных гетман разведывал

беспрестанно о движении князя Шуйского от Можайска. Ротмистр Неведоровский, отправленный для получения известий о неприятеле, захватив несколько боярских детей, посланных в сторону за съестными припасами, возвратился утром 3-го июля с сими пленными, от которых достаточно узнали, что в следующую ночь князь Дмитрий будет ночевать под Клушиным.

В это время пристали к нам пять французов и шотландцев; они принадлежали к тому войску, над которым начальствовал Эдуард Горн, и также известили нас, что войска уже собрались.

Еще перед этим в Белой, как выше было упомянуто, несколько человек, а потом и несколько десятков этих иноземных воинов передались к нам и обнадеживали, что еще большее число их сотоварищей последовали бы за ними, если бы только гетман написал к ним. Гетман, желая воспользоваться случаем, чтобы привести их в замешательство или поссорить, наградив одного француза, который взялся за это дело, написал к ним письмо на латинском языке, которое по краткости его я передаю здесь слово в слово:

«Между нашими народами никогда никакой не происходило вражды. Короли наши всегда были и теперь остаются во взаимной дружбе. Когда вы не оскорблены со стороны нашей никакою обидою, то несправедливо, чтобы вы действовали против нас, и подавали помощь москвитянам, природным врагам нашим. Что касается до нас, то мы всегда готовы на то и на другое; вы же сами рассудите, желаете ли лучше быть нашими врагами или друзьями. Прощайте».

Этот француз был отведен к войску Горна еще перед соединением сего последнего с князем Дмитрием, но бедняку не посчастливилось, ибо Горн, узнав о нем, приказал его повесить. Следствием сего было однакож то, что возникли семена раздора между солдатами и вождем их.

Когда таким образом, как выше было упомянуто, и от французов, и от захваченных языков были собраны сведения о приближении неприятельского войска, гетман созвал все рыцарство на совет; на коем представивши полученные уже известия, что часть неприятельского войска

находится при Клушине, отстоявшем на четыре мили, предлагал вопрос: выгоднее ли выступить, оставив для осады городка часть войска, и встретить неприятеля на дороге, или дожидаться его на месте.

Мнения были различны, как это обыкновенно бывает, ибо одни, по малочисленности нашего войска, утверждали, что его раздроблять невозможно, потому что, когда мы разделением ослабим наши силы, неприятель может нас истребить, и к тому же по выступлении нашего отряда, москвитяне, находящиеся в городке, узнав о том и полагая, что в лагере нашем слабая защита, могли бы напасть на оный. Однакож немало было таких, которые предлагали, оставив, по возможности, отряд в лагере, встретить неприятеля на марше, ибо, ежели позволишь ему приблизиться, то он, может быть, не вступая в сражение, стал бы теснить нас городками и отнял бы возможность получать съестные припасы, как это случилось под Александровской слободой, под Троицей и под Дмитровым, и таким образом, не принимаясь за оружие, мог бы легко нас победить.

Гетман, не преклоняясь окончательно ни на ту, ни на другую сторону, предоставил это себе на дальнейшее размышление, однако приказал, чтобы были готовы к походу, ежели он будет объявлен. Хотя собственно в уме своем решил он встретить неприятеля на марше, однакож медлил, сколько возможно, открыться в этом, опасаясь, чтобы какой-нибудь изменник (он более всего остерегался москвитян, которых в лагере было немало) не предостерег и не дал знать войску князя Шуйского и Волуева. За час только перед выступлением он разослал приказы войску двинуться без труб и барабанного боя, в таком порядке, какой был назначен в письменных повелениях, данных полковникам; ибо Волуев, услышав барабанный бой, легко мог бы догадаться, что наши тронулись с места.

Из тех, кои были в виду городка, никто не двинулся, чтобы не подать неприятелю ни малейшего подозрения. Гетман поручил лагерь и осаду городка ротмистру Якову Бобовскому, оставив при нем семьсот человек конницы, всю пехоту е. в. короля и два полка казаков; сам же он

за два часа до захода солнца, соблюдая тишину, двинулся с войском, приготовленным к бою. В это время ночи бывают коротки; всю ночь мы шли лесом эти четыре мили; дорога была дурная; мы однако подошли к неприятелю, когда еще не начало рассветать. Неприятель пренебрегал нами по причине малочисленности нашего войска и никак не ожидал, чтобы у нас достало смелости отважиться против столь великой силы; напротив того, он полагал, что мы намеревались бежать, не дожидаясь их под Царевым Займищем. С вечера Понтус был у князя Шуйского на пиру, и при получении денег, ибо в этот день дано было иноземцам триста тысяч с половиной злотых, говорил с хвастовством: «Когда я был взят в плен с воинами Карла в Вольмаре, гетман подарил мне рысью шубу; а у меня теперь есть для него соболья, которой я его отдарю». Он надеялся захватить в плен гетмана.

Так как неприятели пренебрегали нами, то и не приняли против нас никаких предосторожностей; мы застали их спящих, и если бы все войско наше подоспело, то мы бы разбудили их еще не одетых; но наше войско не могло выбраться из леса; два фальконета, взятые гетманом с собою, загородили дорогу так, что войско не могло пробраться. Было и другое препятствие, помешавшее нам немедленно ударить на них, именно: все поле, через которое нужно было проходить к неприятельскому лагерю, было перегорожено плетнями, между которыми находились две деревни. Поэтому пришлось нам дожидаться, пока не подоспело все войско и пока не изломали этих плетней. Гетман приказал зажечь эти две деревни, обращенные к полю, опасаясь, чтобы неприятель не занял их застрельщиками, которых у него было много, и чтобы не вредил нам из-за тынов. Только тогда пробудился неприятель; но как москвитяне и иноземцы не знали причины, по которой нападение наше было так замедлено, то и приписывали это великодушию гетмана, который, имея возможность, не хотел напасть на спящих, но подал им знак и дал время приготовиться; но если бы не вышеупомянутые причины, то, кажется, не случилось бы это замедление.

Между тем, прежде, нежели подоспело остальное наше войско, полк Зборовского, шедший впереди, вы-

строился в боевой порядок на правом крыле; подошел потом полк Струся, старосты хмельницкого, который стал на левом крыле, полки Казановского и Людовика Вайгера, над коими начальствовал Самуил Дуниковский, расположились в боковых и запасных колоннах правого крыла, гетманский полк, состоявший под начальством Януша Порыцкого, занял позицию на левой стороне, также в боковых колоннах; в густых колоннах, на всякий случай, стояли некоторые роты, как бы в строю, гетман наблюдал повсюду. Были также легковооруженные казаки, человек до четырехсот, они назывались погребещанами, потому что в этом отряде наиболее было людей из Погребещ, имения князей Збаражских, над которыми начальствовал Пясковский. Гетман приказал казакам стоять при кустарнике, как бы возле левого крыла; пехотная гетманская хоругвь с двумя фальконетами еще не прибыла.

Когда войско таким образом уже было устроено к бою, гетман объезжал все отряды, одушевлял их, представляя, сколь затруднительно их положение, и что вся надежда в мужестве, а спасение в победе; после чего приказал барабанным боем и трубами подать знак к бою.

Неприятель уже приготовился к битве; иноземное шведское войско, вероятно, состоявшее не более как из восьми тысяч (хотя считалось и получало деньги на 10000 конных и пеших), расположилось по правую руку, а московское — по левую, которого, по словам самого князя Дмитрия Шуйского, было более 40000 конницы и пехоты.

Между нами, как было выше упомянуто, находился длинный плетень с небольшими промежутками, и нам, когда мы повели атаку, пришлось проходить сквозь сии промежутки. Сей плетень был для нас большим препятствием, ибо Понтус поставил при нем же свою пехоту, которая весьма вредила нашим, как наступавшим через сии промежутки, так и возвращавшимся через оные назад. Битва продолжалась долго; как наши, так и неприятель, особенно же иноземцы, несколько раз возобновляли бой. Тем из наших, которые сразились с московскими полками, было гораздо легче, ибо москвитяне, не выдержав на-

падения, обратились в бегство, наши же преследовали их. В это время подоспели к нам фальконеты с небольшим числом пехоты, и принесли большую пользу. Ибо пушкари выстрелили из малых пушек в немецкую пехоту, стоявшую подле плетня, а подоспевшая наша пехота, хотя немногочисленная, но опытная и бывшая во многих сражениях, бросилась на них, и тотчас между немцами пало несколько человек, убитых выстрелами наших малых пушек и из ружей; немцы также выстрелили в оную пехоту и убили двоих или троих из гетманова полка, но увидев, что наши смело к ним подступают, бросились бежать от плетня к лесу, который был неподалеку. Конница французская и английская, подкрепляя друг друга, сражалась с нашими ротами; но когда удалилась немецкая пехота, которая, стоя подле плетня, была для нас большим препятствием, на эту иноземную конницу, соединившись, напали несколько наших рот, вооруженных копьями (у тех, у кого еще были), саблями и кончарами. Конница, не поддержанная москвитянами и немецкою пехотою, не могла устоять, пустилась бежать в свой стан, но и там наши на них напали и, рубя, гнали через собственный их стан; тогда Понтус и Горн обратились в бегство. Еще оставалось иноземцев до трех тысяч или более; они стояли на краю, подле леса. Гетман начал обдумывать, каким бы образом выгнать их из сей крепкой позиции. Но они, будучи уже без начальников, помышляя о своей безопасности, послали к гетману, прося его вступить с ними в переговоры; они видели себя в необходимости решиться на сие еще и потому, что москвитяне бежали и только немногие из них остались в деревне, обнесенной частоколом и находившейся подле лагеря князя Дмитрия, там был и сам князь Дмитрий. Гетман, видя, что дело было преисполнено трудности и что нелегко выбить их из упомянутого кустарника, согласился на их желание вступить в переговоры; кончилось тем, что они сдались добровольно; большая часть их обещались поступить на службу е. в. короля; все же они присягнули и утвердили присягу сперва поданием руки знатнейшими капитанами, а потом и письменно, что никогда не будут служить в Московском государстве против е. в. короля. Гетман обе-

щался оставить им как жизнь, так и имущество; а тем, кои бы не пожелали служить, обещал исходатайствовать у е. в. короля свободный пропуск в их отечество.

Между тем как делался сей договор, князя Андрей Голицын и Данило Мезецкий, которые с поля битвы убежали в леса и, сделав объезд, так, чтобы не встретиться с нашими, в числе нескольких сот явились снова в деревню, обнесенную частоколом, в коей, как было упомянуто, остался сам князь Дмитрий; с ними возвратились Понтус и Горн, и видно, что Понтус готов был заключенный договор объявить недействительным, но солдаты сохраняли его настойчиво. Князь Дмитрий и князь Голицын, видя (ибо это происходило пред их глазами), что иноземные воины пересылаются с гетманом, быстро побежали в лес заднюю стороной деревни, через свой лагерь, который находился позади деревни, разложив на виду в своем лагере драгоценнейшие вещи, кубки, серебряные чаши, одежды, собольи меха; хотя наши пустились в погоню, немногие, однакож, преследовали неприятеля, бросившись в лагере на эту добычу, ибо москвитяне сделали это для отклонения наших от преследования. При нашем выступлении с нами находились только небольшие пушки и карета гетмана; а на обратном пути повозок, колясок было числом едва ли не более нас самих, ибо московские повозки стояли запряженные, которые наши, нагрузив добычей, увезли с собой; множество их завязло в том трудном для прохода лесе, так что коннице с трудом приходилось обходить их. Гетман, опасаясь, чтобы во время его отсутствия лагерь не подвергся какой-нибудь опасности от Волуева, спешил и возвратился в тот же день в стан.

Князь Дмитрий бежал поспешно, хотя немногие его преследовали, он увязил своего коня в болоте, потерял также обувь, и босой, на тощей крестьянской кляче, приехал под Можайск в монастырь. Достав там лошадь и обувь, немедленно отправился в Москву. Жителям Можайска, которые к нему пришли, приказал просить милости и пощады у победителя, ибо защищаться не было средств; и действительно, жители Можайска послали к

гетману, предлагая ему покорность от своего имени и от имени других городов: Борисова, Вереи, Рузы.

Битва сия происходила 4-го июля. Иноземцев погибло до 1200 человек, москвитян же наиболее погибло во время преследования оных, в разных местах; и у нас также не обошлось без потери: был убит ротмистр Ланцкоронский; одних товарищей, кроме пахоликов, погибло более ста; лошадей строевых, за исключением тех, коих вылечили, погибло более четырехсот.

Волуев ничего не знал о выступлении и возвращении гетмана до тех пор, пока ночью пехота не начала кричать из-за окопов, извещая их об успехе битвы. Они не верили этому, пока на следующий день утром гетман не приказал показать им знамена и пленников, советуя Волуеву, ежели он не верит, послать на то место, где происходило сражение; и действительно Волуев посылал туда.

Между тем, на следующий день пришли иноземные воины, которые оставались при знаменах, ибо множество их разбежалось по лесам, не зная, что происходило с их товарищами; они скитались по разным местам и медленно, понемногу, по несколько десятков присоединялись к своим; Понтус же и Горн, быв соучастниками измены, учиненной е. в. королю в Швеции, и опасаясь за то наказания, подговорили с лишком сто человек и ушли к Великому Новгороду, быв однакож обобранны своими солдатами, которые после отъезда гетмана, укоряя их в том, что завладели их жалованьем, бросились на них, ограбили и едва не убили.

Волуев, увидев иностранных воинов, которых знал хорошо, ибо с ними, как выше упомянуто, брал у наших Осипов и другие города, просил вступить в переговоры. Гетман, видя, что брать сей городок дело трудное, ибо впоследствии при осмотре нами шанцев, которыми они окопались и защитили себя, мы нашли оные весьма хорошими, и мы потерпели бы большой урон, если бы надлежало, как некоторые советовали, брать их приступом. Дабы принудить их голодом к сдаче, для этого нужно было бы много времени, ибо московский народ (в чем ни один с ним не сравнится) довольствуется весьма малым. Гетман же по двум важным причинам (о которых будет

сказано ниже) преимущественно помышлял о том, чтобы немедленно подступить к столице. Он согласился вступить с Волюевым в переговоры тем охотнее, что предлагались хорошие условия, ибо москвитяне довольствовались тем, на что уже согласился е. в. король в переговорах под Смоленском с Салтыковым и другими боярами. На тех же самых условиях гетман заключил с ними договор, и они присягнули королевичу Владиславу на верность и подданство. Вследствие сего они немедленно присоединились к нашему войску и остались довольно верными (хотя Шуйский имел еще верховную власть) и доброжелательными. Они часто приносили гетману из столицы многие известия, входя в сношения со своими, и переносили письма, которые гетман писал в столицу к некоторым лицам, как равно и универсалы, писанные с намерением погубить Шуйского. [...]

(Жолкевский С. История Московской войны. 2 изд. СПб., 1871. С. 44–64)

№ 2.

Донесение

гетмана С. Жолкевского королю Сигизмунду III о Клушинской битве

Пресветлейший и милостивейший государь, государь наш милостивый.

Нижайшую мою службу поручив благосклонной милости В. К. Величества, государя моего милостивейшего.

Причины, по которым не так часто пишу к В. К. Величеству с донесением о том, что здесь делается, суть следующие: во-первых, для посланцев дорога небезопасна по причине разбоев; вторая причина, пока еще дела не решены, всегда питаюсь ожиданием; о предметах же сомнительных писать к В. К. Величеству не желаю. Каким образом пришел сюда, под этот острожек и под находящееся в нем неприятельское войско, я уже известил В. К. Величество. Так как предметом ожидания их (находившихся в острожке) была помощь вспомогательного войска, которую надеялись они получить от князя Дмитрия Ива-

новича Шуйского, то я, сколько позволяли тому средства, стеснил их, воздвигая около них городки, обставляя бдительными караулами, соделав для них выход совершенно невозможным, воспрепятствовав получение съестных припасов и возбраняя пастбища для лошадей. Беспреестанно также посылаемы были от меня отряды к Можайску для разведывания о князе Дмитрие, о чем старался тоже узнать и посредством лазутчиков. Но я должен писать к В. К. Величеству кратко, опуская многое, ибо беспреестанно занят, немного остается мне времени для написания письма, да и В. К. Величеству, государю моему милостивейшему, не хочу причинить скуки чтением длинного письма. Я однакож употребил Домарацкого, Львовского подстолия, для написания им подкоморию коронному даже и подробностей.

Главные же обстоятельства суть следующие: июля 3, часа два или три пополуночи, получил я известие, что князь Дмитрий Шуйский, выступивший из Можайска, ночевал в восьми от меня милях. С пятницы на субботу неприятель стянул к себе все силы, московские и иноземные, какие только имел; войска чужеземного с Понтусом Делагарди и Эдуардом Горном находилось более, нежели пять тысяч человек, хорошо вооруженных и, как оказалось потом на деле, отличных смельчаков. Московских же людей было с лишком тридцать тысяч, немало было людей знатных и воевод: Андрей Голицын, Данило Мезецкий, Яков Борятинский, Василий Бутурлин и другие. С таковыми сами они надеялись уничтожить войско В. К. Величества и намеревались сим же войском заставить снять осаду Смоленска. Я немедленно созвал к себе полковников и ротмистров войска В. К. Величества; по многим сильным и важным причинам (которых не привожу теперь, ибо далеко бы завело) не заблагорассудилось мне ожидать неприятеля; однако мне хотелось бы лучше провlechь до шестого июля, по наступлении коего дня, поручив бы себя Господу Богу, намерен был попытать счастья. И так, оставив часть войск при этом острожке со всею В. К. Величества пехотой и казаками, налегке, без повозок, того же дня, т.е. 3-го июля, под вечер, я выступил к Клушину, где надеялся застать неприятельское

войско, бывшее на расстоянии от нашего лагеря миль около четырех, мы шли всю ночь. На рассвете передовая стража по шуму лагерному заметила неприятельское войско, которое было ближе к нам, миновав Клушин. Мы же явились перед неприятелем неожиданно (ибо он не взял на счет нас ни предосторожности, ни же имел какого-либо известия) и застали бы его верно еще на постели; но как по причине дурной и тесной дороги войско не могло поспешить, то я должен был ждать час или более, покамест войско выбилось из худой дороги, а в это время проснулся уже неприятель, и увидела нас его стража. Таким образом, вчерашнего дня, 4 июля, мы вступили с ним в бой, еще пред восхождением солнца: великою помощью для нас было, что неприятель пришел в смятение от нечаянного появления нашего, ибо он пренебрегал всеми нами по причине малочисленности нашей, а тем менее ожидал, чтобы мы, осадив достаточно здешний острожек, имели еще столько отваги, чтоб на них идти. Сначала против нас выстроились в особенности иноземцы, французы, вооруженные довольно хорошо, как прилично людям воинским; битва продолжалась по крайней мере три часа, с переменным счастьем. Можно почестъ за диво в нынешнем веке (когда сражения решаются только натиском), что трудно было судить, чья сторона выиграла. Но Господь Бог, по милосердию своему, благословил, что после столь многих переворотов на их сторону и на нашу, неустрасимость и мужество войск В. К. Величества превозмогли неприятеля: сначала пустились в бегство москвитяне, а потом и иноземцы. Воины В. К. Величества, рубя и поражая иностранную конницу, въехали на ее плечах в самый их лагерь, откуда потом погнали ее в лес; пехота однако чужеземная стояла в боевом порядке при изгибе леса так, что сделать нападение на нее коннице было затруднительно. Моей пехоты и пехоты старосты Хмельницкого не было и сотни, ибо остальную мы должны были оставить при лагере; а посему не было никаких средств опрокинуть сих людей; кроме того, было несколько рот конных французов, но предводители их, Понтус и Эдуард Горн, ушли еще в первом порыве; Делавиль же оставался больным в Погорелой; следовательно

но, при них не было почти никого из начальников. Московские воеводы: Голицын и другие также бежали; сам Дмитрий Иванович Шуйский остался в острожке, устроенном им в продолжение одной ночи. Этот острожек и лагерь Шуйского соединялись со станом солдат иноземных.

Согнав неприятельское войско с поля битвы, я стал обдумывать, каким бы образом, с помощью Божией, можно было одержать над неприятелем совершенную победу. Коль скоро возвратились солдаты из погони, я хотел было приказать снова устремиться в лагерь иноземцев, но в то же время начали передаваться французы по два и по три, обнадеживая меня в том, что и другие равно желают предаться милости В. К. Величества. Когда же я вступил с ними в переговоры, тогда Понтус и Эдуард Горн, скрывшиеся до сих пор в лесу, возвратились опять в свой лагерь, и если бы могли, охотно бы прервали сии договоры; но солдаты воспротивились тому, ибо видели, что москвитяне поуходили и что их довольно перебито, а потому желали с нами согласия. Дмитрий Шуйский также хотел было прервать сей договор и посылал к ним с неслыханными обещаниями, но ему в этом не удалось; иностранные солдаты сии принудили и Понтуса, и Эдуарда Горна принять участие в этом договоре, который состоял в следующем: что все они должны остаться в совершенной, как личной, так и относительно имущества своего безопасности; желающим поступить на службу В. К. Величества — имеет быть позволено; а тем, которые захотят возвратиться в свое отечество, — учинить свободный пропуск; они же со своей стороны и начальники их присягою и рукоданием обет свой учинили, что никто против В. К. Величества, особенно же в войске Московском, оружия поднимать не должен. Дмитрий Шуйский, приметив, что иноземцы договариваются со мной насчет его (их было несколько тысяч), не дождался окончания переговоров: из острожка, в котором он было окопался и укрепился с остальными удержавшимися при нем московскими людьми, бросился с величайшею быстротою уходить в лес, находившийся там в недалеком расстоянии; наши пустились в погоню, а другие с иностранцами бросились в лагерь

Шуйского, который был обширен и изобилен: здесь между другими повозками осталась и собственная Шуйского карета; его сабля, шпашак и булава были взяты. В преследовании, как обыкновенно то бывает, наиболее их погибло; Салтыков сказал мне, что видел между убитыми Якова Борятинского, Василий же Бутурлин взят в плен. Также взят один разрядный дьяк Яков Декудов, который только что привез из Москвы деньги для иноземцев: и действительно, в субботу, предшествовавшую сражению, он дал им десять тысяч деньгами; а кроме сего привезено было двадцать тысяч рублей в соболях и сукнах, каковые вещи, еще не разобранные, в лагере Шуйского захвачены нашими. И подлинно пахолики — погребщицы, выжидавшие сего, получили великую добычу. Воины В. К. Величества понесли большие потери, как собственно сами, так и в лошадях, и для них необходима милость В. К. Величества касательно денежного на это пособия, посредством которого они могли бы оправиться. Каким образом кто отличал себя при этой службе В. К. Величества, я теперь никого называть не буду, ибо и без того, начиная писать, я полагал, что письмо мое будет коротко, но пришлось распространиться. Однако о всех вообще не только я, с моей стороны, но и самое дело свидетельствует, что при этой службе В. К. Величества стояли мужественно, как прилично то воинским людям, я уверен, что В. К. Величество изволите это принять от них благосклонно. Фальконетов при неприятельском войске было одиннадцать, из коих в мои руки дошло только семь, но и те с трудом были привезены, ибо я не имел на чем везти их; другие находятся здесь же между ротмистрами. Хоругвей осталось несколько десятков, в числе которых и Бутурлина, начальствовавшего передовым войском, также хоругвь самого Шуйского, весьма отличная, штофная с золотом. В. К. Величество изволили писать ко мне, чтобы я Ивана Салтыкова отослал к В. К. Величеству. Догадываюсь, от чего это происходит: отец его думает, что он тяжело ранен; но Салтыков здоров, и теперь, находясь со мною в этой битве, хорошо старался для В. К. Величества, равно как и другие в это время бывшие тут московские

бояре. Теперь более ничего другого, только мои услуги В. К. Величеству свидетельствую.

Писано в лагере из Царева Займища, 5 июля 1610.

Записка:

Иностранцы, которые были в неприятельском войске: немцы, испанцы, французы, англичане, шотландцы все пришли сюда в лагерь В. К. Величества. Вчерашнего дня, после расставания моего с Понтусом, англичане чуть не убили его, так что убежавшие с ним Эдуард Горн и некоторые финляндцы и шведы насилу удержали это на него нападение за деньги, которые он у москвитян взял, а им не дал. Понтус пошел к Погорелому с намерением взять с собой находящегося там больного француза — капитана Делавиля и пробиваться к границе Ливонской, он обещал и дал мне руку, что не будет служить у москвитян; в Швецию также ехать не хочет, а желает направить путь в Нидерланды. Эдуард Горн также просил меня весьма убедительно, чтобы я предстательствовал за них об исходатайствовании милости В. К. Величества.

В. К. Величеству неизвестно, какую показал пан Зборовский В. К. Величеству верность и готовность при вступлении в военную службу; сколь же много выиграли от этого дела В. К. Величества, показывает также самое время. И в бывших здесь по сие время делах, равно и в данном теперь сражении, в коем по поручению моему предводительствовал правым крылом, отличился мужественным духом совершенно шляхетным и явил в себе осторожность воителя; почему и даю о доблести его должное удостоверение. А поелику по причине давнего отсутствия из дома (как иначе быть не могло) все у него перевелось, и теперь в битве понес немалую потерю; по сим причинам и в особенности по слабости здоровья думает ехать домой; нижайше прошу, чтобы В. К. Величество, благосклонно уважив столь ревностные и храбрые его заслуги, изволили порадовать его своей милостью и щедротою.

*(Жолкевский С. История Московской войны.
2 изд. СПб., 1871. Приложение № 27)*

№ 3.

**Запись на чем был договор и целовал крест
гетман Станислав Жолкевской в Цареве Займище
воеводе князю Федору Елетцкому да Григорью Волуеву
и всем ратным людям***

Целую сеи животворящий крест Господень великого государя Жигимонта короля полскаго и великаго князя литовского и сына его королевича его милости Владислава Жигимонтовича, я, гетман в полковников и ротмистров, в полских и в литовских, и в черкас и в гайдуков, и за всех служилых полских и литовских людей, и за немец и иных земель, которые ныне при мне, гетмане, в их место, своею душею, воеводам князю Федору Елетцкому да Григорью Волуеву и дворяном и головам стрелецким и казачьим, и сотником, и детям боярским, и атаманам, и стрельцом и казаком, и пушкарям и даточным, и тем, которые станут приезжати ко государю с Москвы всяким чином и всем служилым людем Российского государства, на том, что мне, гетману, с полским и с литовским рыцарством веры христианские у московских людей не отымати, престолов Божиих не разоряти, и костелов римских в Московском государстве не строити, и шкоты умышленьем никакие над московскими людьми не зделати, а быти государем королевичу Владиславу на Московском государстве, как и прежние природные государи, и правити во всем Российском государстве. А бояром прирожденным московским и всяких чинов быти по-прежнему, и в Московском государстве в города полских и литовских людей на воеводство не посылати, и в староство городов не отдавать, и у дворян, и детей боярских, и у всяких жилых людей четвертного и городского денежного жалованья и поместья и вотчин их старых окладов поместных и вотчин, которые даваны при прежних государех по се время, не отымать и животов их и статков не

* Текст договорной записи был опубликован также в приложениях к «Истории Московской войны» С.Жолкевского (2 изд. СПб., 1871. № 24) и «Сборнике Русского исторического общества» (Т. 142. № 8. С. 89—90).

грабить и на боех что имано: литовских лошадей, и платья, и збури и всякия рухляди, того у них не отымати, и всяких московских людей меж себя не побивати и не грабити, и в полон в Полшу и в Литву, и иные государства не отсылати, и засылкою и иною никоторою хитростью и умышленьем, убивством и грабежом не чинити, и жен их и детей не позорити, и в полон к себе не имати, и з женами их и з детьми не разводити, и людей их и крестьян не отымати, а служити людем и крестьяном по прежнему обычаю. Да которых дворян и детей боярских в полону в Полше и в Литве: отцы и матери, и сестры, и жены, и дети, и люди, и крестьяне сведены, и государю нашему королю и королевичу Владиславу Жигимонтовичу тех людей сыскивати, и сыскав отдавати.

А которой вор называется царевичем Дмитриевым имянем, и на того стояти, и битися, и промышляти над ним заодно; и которые города за вором, и те города очищати к Московскому государству; а как даст Бог, добьет челом государю нияснейшему королевичу Владиславу Жигимонтовичу город Смоленск, и Жигимонту королю полскому и великому князю литовскому идти от Смоленска прочь со всеми ратными полскими и литовскими людьми, и порухи и насильства на посаде и в уезде никакие не зделати, и поместья, и вотчины смолянном и в иных городех, которые государю королевичу добили челом, очистити, и городом всем рубежным быти к Московскому государству по-прежнему.

Целую яз гетман и во всех товарищей своих место, всего рыцарства, которые ныне при мне, сей святой животворящий крест Господень на том на всем, как в сей записи писано.

*(Бутурлин Д. История Смутного времени
в России в начале XVII в.*

Т. 3. СПб., 1841. Приложение № VIII.

С. 29—31)

III.

ИЗБРАНИЕ НА РУССКИЙ ТРОН
КОРОЛЕВИЧА ВЛАДИСЛАВА

№ 1.

**Договорная запись, данная польскому гетману
С.Жолкевскому о упрощении Польского королевича
Владислава Сигизмундовича к принятию российской
короны (август 1610)***

По благословению и по совету святейшего Ермогена патриарха Московского и всея Руси, и митрополитов, и архиепископов, и архимандритов, и игуменов и всего освященного собора, и по приговору бояр, и окольных, и дворян, и дьяков думных, и стольников, и дворян, и стряпчих, и жильцов, и дворян из городов, и голов стрельцких, и всяких приказных людей, и детей боярских, и гостей, и торговых людей, и стрельцов, и козаков, и пушкарей, и всех чинов служилых и жилецких людей великого Московского государства, мы бояре, князь Федор Иванович Мстиславской, да князь Василей Васильевич Голицын, да Федор Иванович Шереметев, да окольных князь Данило Иванович Мезетцкой, да думные дьяки Василей Телепнев, да Томило Луговской, съезжалися великого государя Жигимонта короля польского и великого князя литовского с Станиславом Желтковским с Жолкви, с воеводою киевским, с гетманом короны польския, с старостою рогатынским, каменетским и калуским, и говорили и советовали о обирании государском на Владимирское и Московское и на все великия государства Российского царствия, и приговорили на том: что святейшему Ермогену патриарху Московскому и всея Руси, и митрополитам, и архиепископам, и епископам, и архимандритам, и игуменам и всему освященному собору, и нам боярам, и окольным, и дворянам, и дьякам дум-

* Оригинал документа не сохранился. Текст приводится по опубликованному в «Сборнике Русского исторического общества» (Т. 142. № 9) списку второй половины XVIII в., хранившемуся в Архиве Санкт-Петербургской духовной академии.

ным, и стольникам, и дворянам, и стряпчим, и жильцам, и дворянам из городов, и головам стрелецким, и всяким приказным людям, и детям боярским, и гостем, и торговым людям, и стрельцам, и козакам, и пушкарем, и всех чинов служилым и жилетским людям Московского государства послати бити челом к великому государю к Жигимонту королю польскому и великому князю литовскому, и к сыну его к королевичу ко Владиславу Жигимонтовичу, чтоб великий государь Жигимонт король пожаловал, дал на Владимирское и Московское и на все великия государства Российского царствия сына своего Владислава королевича; о чем святейший Ермоген патриарх Московский и всея Руси, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь освященный собор Бога молят, и государя Владислава королевича на Российское государство хотят с радостью.

А мы все бояре, и окольнічие, и дворяне, и стряпчие, и жильцы, и дворяне из городов, и головы стрелецкие, и всякие приказные люди, и дети боярские, и гости, и торговые люди, и стрельцы, и козаки, и пушкари, и всех чинов служилые люди, и дети боярские, и гости, и торговые люди, и стрельцы, и козаки, и пушкари, и всех чинов служилые и жилетские люди Московского государства великому государю королевичу Владиславу Жигимонтовичу и детям его целовали святой животворящий крест Господень на том, что нам ему государю и детям его вовеки служитьи и добра хотети во всем, как прежним прирожденным великим государем царем и великим князем всея Руси; а лиха ему Государю и детям его не хотети, ни думати, ни мыслити, и иного никого из Московского государства и из иных государств на Московское государство, опричь государя Владислава королевича не хотети. А на которой мере государю королевичу Владиславу Жигимонтовичу быти на Российском государстве, и о том мы бояре князь Федор Иванович Мстиславской с товарищи дали гетману письмо по статьям, и по тому письму во всех статьях с гетманом Станиславом говорили; и о которых статьях мы бояре с гетманом договор учинили и постановили, и на те статьи дал нам боярам князю Федору Ивановичу Мстиславскому с товарищи

гетман запись и утвердил своею рукою и печатью, и на той записи целовали крест гетман и все полковники, и ротмистры за великого государя Жигимонта короля, и за его сына за великого государя королевича Владислава Жигимонтовича, и за великое государство Коруну Польскую и за Великое Княжество Литовское, и за себя и за всю рать, которая с великим государем Жигимонтом королем и с ним с гетманом; а мы бояре против того дали гетману сее запись за своими руками и за печатями о тех же статьях: как благоволит Бог и пречистая Богородица и великие чудотворцы московские Петр и Алексей, и Иона, и все святые, а великий государь Жигимонт король пожалует даст на Владимирское и на Московское и на все великия государства Российскаго царствия сына своего королевича Владислава Жигимонтовича, и государю королевичу Владиславу Жигимонтовичу, колико государь придет в царствующий град Москву, венчатись на Владимирское и на Московское государство и на все великия и славныя государства Российскаго царствия царским венцом и диадимою, от святейшаго Ермогена патриарха Московского и всея России и ото всего освященного собору Греческия веры, по прежнему чину и достоянию, как прежние великие государи цари московские венчались. А будучи государю королевичу Владиславу Жигимонтовичу на Российском государстве, церкви Божия на Москве и по всем городам и по селам в Московском государстве и во всем Российском царствии чтити и украшати во всем по прежнему обычаю, и от разоренья ото всякого оберегати, и святым Божиим иконам и пречистыя Богородицы и всем святым и чудотворным мощем поклонятися и почитати, и святительскому и священническому (чину) и всем православным христианам быти в православной христианской вере Греческаго закона по-прежнему, и Римския веры и иных розных вер костелов и всяких иных вер молебных храмов в Московском государстве и по городам, и по селам нигде не ставити; а что говорил гетман по королевскому ответу, чтоб в царствующем граде Москве хотя б один костел быти мог для людей польских и литовских, которые при государе королевиче мешкати будут, о том государю королевичу с патриархом

и со всем духовным чином и с бояры, и со всеми думными людьми говорити; а христианския нашия православныя веры Греческаго закона ничем не рушати и не безчестити, и иных никаких вер не вводити, чтобы наша святая православная вера Греческаго закона имела свою целость и красоту по-прежнему; и Российскаго государства людей православных христиан от Греческия веры в римскую и ни в которую иную веру силою и нужею, и иными никакими мерами не отводити; и жидом в Российское во все государство с торгом и никоторыми иными делы не въезжати; целбоносные гробы и мощи святых государю королевичу Владиславу Жигимонтовичу имети в великой чести; а святейшаго Ермогена патриарха Московского и всея Руси, также и митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов, попов и дьяконов, и священнических, и иноческих чинов, и весь освященный собор христианския нашия православныя веры Греческаго закона чтити и беречи во всем, и в духовныя во всякия святительския дела не вступатися, и иных вер, опричь Греческия веры, в духовной чин не поставляти.

А что дано церквам Божиим и в монастыри вотчин или угодей, и того данья всех прежних государей московских и боярскаго, и всяких людей данья у церквей Божиих и у монастырей не отымати, быти всему по-прежнему, ни в чем не нарушаючи; и церковных всяких монастырских чинов ни в чем не рушати, и ружные всякие оброки церковные и монастырские, которым преж сего давано из государския казны, то все давати по-прежнему из государския казны; и милости ради великаго Бога к церквам и к монастырем всякаго даяния прибавливати. Боярам, и окольничим, и дворянам, и дьякам думным, и чашникам, и стольникам, и стряпчим, и дьякам, и приказным всяким людям во всех приказех у всяких государственных, у земских расправных дел, и по городам воеводам и дьякам и всяким приказным людям и всяким чинам быти по-прежнему, как повелось в Московском государстве при прежних великих государех; а польским и литовским людям на Москве ни у каких земских расправных дел, и по городам в воеводах и в приказных людех не быти и в наместничество и в староство городов польским и литов-

ским людям не давати; а о том, чтобы обоих государств думою быти и польским, и литовским людям в приказех на рубежных городех до достаточного успокоенья российского государства, о том бы государю приговор учинити с бояры думными во свое время, и Московскаго государства всех чинов люди про ту статью великому государю челом бьют, чтоб того не было, кроме дела. А которые польские и литовские люди будут при государе королевиче, и тех государю королевичу устроить и пожаловати денежным жалованьем и поместьем, по их достоинству, кто чего достоин. Московскаго государства бояр, и окольничих, и дворян, и дьяков думных, и стольников, и дворян, и стряпчих, и дьяков, и жильцов, и дворян из городов, и голов стрелецких, и приказных людей, и детей боярских, и гостей и торговых людей, и стрельцов, и козаков, и пушкарей, и всех чинов служилых, и жилецких людей Российскаго государства имети государю королевичу всех по достоинству, в чести и в жалованьи и в милости, как было при прежних государех царех московских; и прежних обычаев и чинов, которые были в Московском государстве, не переменять; и московских княженетских и боярских родов приезжими иноземцы в отечестве и в чести не теснити и не понижати. А жалованье денежное, оброки и поместья и вотчины, кто что имел до сех мест, и тому быти по-прежнему; и родительских вотчин ни у кого не отымати, и вперед всяких людей Российскаго государства жаловати, смотря по службе и кто чего достоин. Иноземцов всяких, которые выезжали из розных государств к прежним московским государем, жаловати по-прежнему, и оброков, и поместей, и вотчин у них не отымати; боярам и дворянам, и стольникам, и стряпчим, и детям боярским, и всяким приказным и служилым людям государское жалованье велети давати из чети по всякой год, по прежнему обычаю. А будет что кому прибавлено вотчин и поместей или денежных оброков не по их достоинству, или будет у которых убавлено без вины, о том государю советовать и думать с бояры и с думными людьми; и как государь приговорит с бояры, и по тому так учинити, как достоин. А которые дворяне и дети боярские государское жалованье емлют с городом, и тем жалованье давати, как

преж сего бывало при прежних государех; на Москве и в городех ружникам и оброчникам, которым при прежних великих государех для их службы жалованье давали, и тем давати жалованье денежное и хлебное из государския казны по-прежнему. На Москве и по городам суду быты и совершатись по-прежнему обычаю и по судебнику Российскаго государства; а будет похотят в чем пополнити для укрепления судов, и государю на то поволити с думою бояр и всей земли, чтоб было все праведно. Великому государю Жигимонту королю польскому и великому князю литовскому, и его великим государствам Коруне Польской и Великому Княжеству Литовскому быти с великим государем королевичем Владиславом Жигимонтовичем и со всеми государствами Российскаго царствия в миру, в дружбе, в любви навеки недвижно, и промеж себя рати и войны не вчинати никоторыми делы; а которые недруги похотят наступать на Российское государство или на Королевство Польское и на Великое Княжество Литовское, и против тех всех недругов стояти обоими государствами заодно. На татарских крайнах только надобно будет держати обоих государств ратных людей, и как будет государь королевич на Московском государстве, и о том говорить с бояры, сошлется с великим государем Жигимонтом королем, как тому делу пригоже с обе стороны быти. Умышлением никаким, ни засылкою шкоты никакия и убивства над людьми Московскаго государства не делати, и дворов, и животов, и иного ничего у всяких людей не отымати; и в Польшу, и в Литву, и в иныя государства Московскаго царства людей не разсылати, и из Польши и из Литвы на их места никаких людей не приводити; и жен и детей ничьих не позорити ни в чем, и в полон не имати и не ссылати, и с женами и с детьми никого не разводити. А кто винен будет, из котораго чину ни будь, и казни будет достоин в государских и в земских делех, того по вине его казнити, осудивши наперед с бояры и с думными людьми; а жены, дети, братья, которые того дела не делали и не ведали, и не хотели, и тех не казнити, и быти им во всем по-прежнему, и вотчин, и поместей, и животов, и дворов у них не отымати; а не сыскав вины и не осудивши судом всеми бояры, никого

не казнити, и чести ни у кого не отымати, и в заточенье не засылати, поместей и вотчин, и дворов не отымати.

А кто бездетен умрет, и то все, что останется, отдавати ближним его, или кому он прикажет; и о всем о том делати государю с приговору и с совету бояр и всех думных людей, а без думы и приговору таких дел не совершати. Как розстригу убили всем Московским царством, и в те поры на Москве многие русские люди побиты от польских и от литовских людей, а от русских людей также побиты польские и литовские люди, и того дела ныне и вперед не всчинати и не мстити с обе стороны. Которые польские и литовские люди, полковники и ротмистры, и шляхта, и всякие люди были в полону в Московском государстве, и те из Московского государства отданы гетману без выкупу; а которые буде польские и литовские люди остались еще в Московском государстве, а взяты в нынешнюю ж смуту, и тех сыскав, из московскаго государства отпустить в Польшу и в Литву без выкупу ж, а которые дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и козаки, и пушкари, и всякие служилые и неслуживые люди, и дворянские, и детей боярских, и стрельцов, и козаков, и пушкарей, и всяких служилых и неслуживых людей матери, и сестры, и жены, и дети, и всякие люди Российскаго государства мужеска полу и женска в нынешнюю смуту, при бывшем царе Василье, взяты в полон в Польшу и в Литву, и тех королевскому величеству велеть всех сыскав от мала до велика отдать в Московское государство без выкупу ж. Доходы государские с городов, с волостей, также с кабаков и с тамог деньги и всякие доходы велети государю сбирати по-прежнему, как было при прежних великих государех; а сверх прежних обычаев, не поговоря с бояры, ни в чем не прибавлявати. А которые города от войны запустели, и в те города и уезды послати государю описати и дозировать, много ль чего убыло, и доходы велети имати с живущаго по описи и по дозору; а на запустошенныя вотчины и поместья дати льготы, поговоря с бояры; а на невоеванныя города что будет перед прежним доведется прибавити, и о том с бояры и с думными людьми поговорить. Купцам Московского государства всех городов в Польше и в Литве, а

польским и литовским купцам в Московском государстве торговати повольно по-прежнему, и тамга на Москве и во всех городех Московскаго государства, также в Польше и в Литве во всех городех велети имати по прежнему же обычаю, как имано преж сего, и продаж, и насильства с обе стороны торговым людем не чинити. Торговым и пашенным крестьянам в Литву с Руси, а из Литвы на Русь выходу не быти; также и на Руси промеж себя христианам выходу не быти. Боярам и дворянам и всем чинам держати крепостных людей по прежнему обычаю, по крепостям. На Волге, на Дону, на Яике и на Терке козаки будет надобе, или не надобе, о том государю королевичу говорити с бояры и думными людьми, как будет на государстве. А про городы, к Московскому государству належачие, так тые, в которых теперь польские и литовские люди, яко тые, которые ныне за вором, с нами бояры гетман приговорил, что великому государю Жигимонту королю и сыну его государю Владиславу королевичу городы со всем, как были до нынешния смуты, к Московскому государству очистить; а великим послам Московского государства с великим государем Жигимонтом королем вперед договор учинить про кошт и наклад королевской, на ратное дело учиненным, и про за плату польским и литовским людем, как было про то дело сее статью совершить. А про вора, что называется царевичем Дмитреем Ивановичем, гетману Станиславу Станиславовичу думати и промышляти с нами бояры, как бы того вора изымати, или убити; а как вор изыман, или убит будет, и гетману со всем королевским войском от царствующего града от Москвы отойти в Можаяск, или где пригоже, по договору с нами бояры, и там великих московских послов поворотки и указу королевского ждати. А только вор царствующему граду Москве похочет какое воровство или насильство чинити, и гетману Станиславу против того вора стояти и биться с ним, а Яна Сапегу с польскими и с литовскими людьми от того вора отвести. А будет вор с русскими людьми пойдет прочь, а что при нем польских и литовских людей останется немного, и гетману Станиславу над ним и людьми, которые при нем будут, с королевским войском вместе с нами бояры промышляти

вскоре, чтоб крови христианския больши не разливал, и земля б в тишине стала. А сендомирскаго воеводы дочери Марине, которая была за убитым розстригою Гришкою Отрепьевым и с нынешним вором в Московском государстве ходит, государынею московскою не называтися, и смуты никоторыя впредь в Московском государстве не делать, и отвести ее в Польшу, и во всем государю королевичу Владиславу Жигимонтовичу делати по нашему прошенью, и по договору послов с великим государем Жигимонтом королем, и по сей утвержденной записи. А гетману Станиславу Станиславовичу в город Москву польских и литовских и неметских и всяких ратных людей, которые с ним и которые с Яном Сапегою, без повеления бояр и без дела не впускать. Для покупки в город Москву из польских и из литовских и изо всех обозов с гетманскими проезжими листы, человек по двадцати, или мало больши; а без проезжих листов и больши того в город Москву не въезжати. А про Смоленск гетману бити челом и отписати к великому государю Жигимонту королю, чтоб король по Смоленску бити не велел, и тесноты б городу никакия учинити не велел. А о крещеньи, чтоб государю королевичу Владиславу Жигимонтовичу пожаловати креститися в нашу православную христианскую веру Греческаго закона, и быти в нашей в православной христианской Греческой вере; и о иных недоговорных статьях и о всяких делех, что ся делало меж государств издавна до нынешния смуты, как бы меж государями и их государствами о всем договор и докончание учинилося; а любовь, милость и приязнь на обе стороны множилася навеки. О чем сказал гетман, что тепере от короля науки не имеет, и о том гетман с нами бояры приговорил, что нам послати о том бити челом и договор чинити к великому государю Жигимонту королю и к королевичу. А для утверждения, к сей записи мы бояре, князь Федор Иванович Мстиславской, да князь Василей Васильевич Голицын, да Федор Иванович Шереметев, да окольничей князь Данило Иванович Мезетской печати свои приложили; а мы дьяки Василей Телепнев, да Томило Луговской руки свои приписали.

Писан в царствующем граде Москве лета 7118, августа месяца.

*(Сборник Русского исторического общества.
Т. 142. № 9. С. 101—109;
Собрание государственных грамот
и договоров. Т. 2. № 200)*

№ 2.

Договорная запись польского гетмана С.Жолкевского, заключенная в обозе под Москвой с российскими боярами 17 (27) августа 1610*

Наияснейшего и великого государа Жигимонта третего, Божью милостью короля польского и великого князя литовского, руского, пруского, жомойтского, мазовецкого, киевского, волынского, подольского, подляского, лифлянского, естонского и иных, и дедичного короля шведского, кротского, вандалского, кнежати финлянского и иных, воевода киевский, гетман коруны Полское, староста рогатынский, каменации и калуский, я Станислав Станиславович Жолкевский з Жолквы ведомо сыню сею моею прыговорною и утвержденною записью, што по все-силного, в Троицы славимого Бога милости и воли, а по благославенью и по совету светеишого Ермогена патрыархи Московского и всея Руси, и митрополитов, и архиепископов, и архимандритов, и игуменов и всего освященно-го собора, и по приговору всих бояр, и окольничих, и дворан, и дьяков думных, и столников, и дворан, и стряпчих, и жылцов, и дворан из городов, и голов стрелецких, и всяких приказных людей, и детей боярских, и гостей, и торговых людей, и стрелцов, и козаков, и пушкарей, и всих чынов служылых и жылецких людей великого Московского государства, бояре князь Федор Иванович Мстиславской, да князь Василей Васильевич Голи-

* Сохранился подлинник документа, подписанный С.Жолкевским (текст опубликован также в «Сборнике Русского исторического общества». Т. 142. № 9. С. 93—101).

цын, да Федор Иванович Шереметев, да околничьй князь Данило Иванович Межецкий, да думные дьяки Василей Телепнев, да Томило Луговской, зъездчались со мною и говорыли и советовали о обранью господара на Владимирское и Московское и на вси великия государства Росийские, и прыговорыли и дали мне гетману свою утвержденную прыговорную запись за своими руками и печатми; и светый животворящии крест Господень целовали они и вси бояре, и околничые, и дворане, и дьяки думные, и столники, и дворане, и страпчые, и жылцы, и дворане из городов, и головы стрелецкие, и всякие приказные люди, и дети боярские, и гости и торговые люди, и стрельцы, и козаки, и пушкары, и всех чынов Служылые и жылецкие люди Московского государства на том: што светеишому Гермогену патрыарху Московскому и всея Руссии, и митрополитам, и архиепископам, и епископам, и архимандритам, и игуменам и всему освященному собору, и нам бояром, и околничым, и дворанам, и дьяком думным, и столником, и дворанам, и страпчим, и жылцом, и головам стрелецким, и дворанам из городов, и приказным людем, и детем боярским, и гостем, и торговым людем, и стрельцам, и козаком, и пушкарем, и всих чынов служылым и жылецким людем Московского государства послати бити чолом к великому государю наияснейшему Жыкгимонту королю, и к сыну его королевское милости к королевичу наияснейшему Владиславу Жыкгимонтовичу, штоб наияснейший государь Жикгимонт король пожаловал их, дал на Владимирское и Московское и на все великии государства сына своего наияснейшого Владислава королевича; о чом святейшии Гермоген патрыарх Московский и всея Руси, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь освященный собор Бога молят, и господара Владислава королевича на Росийское государство хотят с радостью. А вси бояре, и околничые, и дворане, и дьяки думные, и столники, и дворане, и страпчые, и жылцы, и головы стрелецкие, и дворане из городов, и приказные люди, и дети боярские, и гости, и торговые люди, стрельцы, и козаки, и пушкары, и всих чынов служылые и жылецкие люди Московского государства наияснейшому государю Влади-

славу королевичу и потомком его целовали святыи животворящий крест Господень на том: што им ему государу и потомком его вовеки служыть и добра хотети во всем, как прежним прыроженным великим государем царем и великим князем всея Руси; а лиха ему государу и потомству его не хотети, ни думати, ни мыслити, и иного никого из Московского государства и из иных государств на Московское государство, опрычь государа Владислава королевича не хотети. А ему государю по которой мере государю королевичу Владиславу Жигимонтовичу быти на Российском государстве, и о том бояре князь Федор Иванович Мстиславской с товарищи дали мне, гетману, по статьям письмо, и я гетман по тому письму во всех статьях з бояры говорыл; и о которых статьях я гетман з бояры договор учинили и постановили, и на тыи статьи дал я бояром князю Федору Ивановичу Мстиславскому с товарищи свою запись и утвердил своею рукою и печатью, и крест целовали я гетман и вси полковники и ротмистры за великого государа нашего Жыкгимонта короля, и за его сына за великого государа королевича Владислава Жигимонтовича, и за великие государства за коруну Польскую и за Великое Княжество Литовское, и за себя и за всю рать, которая с королем его милостью и со мною гетманом, на том: как благоволит Бог и пречистая Богородица и великие чудотворцы московские Петр и Алексей и Иона и вси светые, а великий государь наш Жигимонт король пожалует даст на Владимирское и на Московское и на вси великия государства Российскаго царствия сына своего королевича Владислава Жыкгимонтовича, и государу королевичу Владиславу Жыкгимонтовичу, коли он государ прыидет в столичные город Москву, венчати на Владимирское и на Московское государство и на все великия и преславные государства Российскаго царствия царским венцем и диадимою, от святейшаго Гермогена патрыарха Московского и ото всего освященного собора Греческое веры, по прежнему обычаю и достоянию, як прежние великие государи цари московские венчались. А будучы государу королевичу Владиславу Жыкгимонтовичу на Российском государстве, церкви Божьи на Москве и по всим городам и по селам в Московском государстве

и во всем Российском царствии чтити и украшати во всем по прежнему обычаю, и от разоренья ото всякого оберегати, и светым Божьим иконам и пречыстое Богородицы и всим светым и чудотворным мощем поклонятися и почитать, и светительскому и священническому и иноческому чыну и всим православным христианом быти в православной христианской вере Греческаго закона по-прежнему, и Римское веры и иных розных вер и всяких иных вер молебных храмов в Московском государстве и по городам и по селам нигде не ставити; але штоб в столном городе на Москве хотя один Римский костел быти мог для людей польских и литовских, которые пры государу королевичу мешкати будут, о том государу его милости с патрыархом и всим духовным чыном и с бояры и со всеми думными людми намова быти мает; и христианское православное веры Греческаго закона ничем не рушить и не безчестить, и иных никаких вер не вводити, штоб светая православная вера Греческаго закону мела свою целость и красоту по-прежнему; и Российскаго государства людей православных крестиян от Греческое веры в Римскую и ни в которую иную веру силою и нужею и иными никакими мерами не отводити; и жыдом в Российское во все государство с торгом и некоторыми иными делы не ездити; целбоносные гробы и мощи светых государю королевичу Владиславу Жикгимонтовичу мети в великой чести; а светейшого Гермогена патрыарха Московского и всея Руссии, также и митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов, попов и дьяконов, и священническии и иноческии чын, и весь освещенный собор христианское православное веры Греческаго закону чтити и беречы во всем, и в духовныя во всякия святиТЕЛЬСКИЯ дела не вступатися, и иных вер, опрычь Греческое веры, в духовный чын не поставляти. А што дано церквам Божьим и в монастыри отчыны или угодей, и што шло при прежних государех ружного хлеба и всяких угодей, и того данья всих прежних государей московских и боярскаго и всяких людей данья у церквей Божиих и у монастырей не отнимати, быти всему по-прежнему, ни в чем не нарушаючи; и церковных всяких монастырских

чынов ни в чем не рушати, и ружные всякие оброки церковные и монастырские, которым преже сего давано из государское казны, то все давати по-прежнему из государское казны; и милости ради великаго Бога к церквам и к монастырем всякаго даяния прыбавливати. Бояром, и околничым, и двораном, и дьяком думным, и чашником, и стольником, и страпчим, и дьяком, и приказным всяким людем во всех приказех у всяких государственных, у земских расправных дел, и по городом воеводам и дьяком и всяким приказным людем и всяким чыном быти по-прежнему, как повелосе в Московском государстве при прежних великих государех; а полским и литовским людем на Москве ни у каких земских расправных дел, и по городом в воеводах и в приказных людех не быть и в наместничество и в староство городов польским и литовским людем не давать; а штоб обоих государств думою быть и полским, и литовским людем в приказех на порубежных городех до достаточного успокоенья того государства, о том государ его милость прыговор учинит с бояры думными на часе своем, ведь же вся земля про ту статью государу его милости чолом бьют, штоб того не было, опрычь дела. А которие полские и литовские люди будут при государу королевичу, и тых государу королевичу устроити и пожаловати денежным жалованьем и поместьем, по их достоинству, хто чого достоин. Московского государства бояр, и околничых, и дворан, и дьяков думных, и столников, и дворан, и страпчих, и дьяков, и жыльцов и дворан из городов, и голов стрелецких, и всяких приказных людей, и детей боярских, и гостей и торговых людей, и стрельцов, и козаков, и пушкарей, и всех чынов служылых и жылецких людей Российскаго государства мети государу его милости всих по достоинству, в чести и в жалованью и в милости, как было при прежних великих государех московских; и прежних обычаев и чынов, которые были в Московском государстве, не переменять; и московских княженецких и боярских родов прыездчими иноземцы в отечестве и в чести не теснити и не понижати. А жалованье денежное, оброки и поместья и отчыны, хто што мел до сех мест, и тому быти по-прежнему; и родительских отчын ни

у кого не отымати, и вперед всяких людей Российскаго государства жаловати, смотря по службе и хто чего достоин. Иноземцов всяких, которые выезжали из розных государств к прежним московским государем, жаловати по-прежнему, и оброков и поместей и вотчин у них не отымати; бояром, и дворяном, и стольником, и страпчим, и детем боярским, и всим приказным служилым людем государское жалованье велети давати из четверти по всякий год, по-прежнему обычаю. А будет што кому прыбавлено отчын и поместей или денежных оброков не по их достоинству, или будет у которых убавлено без вины, о том государю его милости советовати и думати с бояри и с думными людми; и как государь его милость прыговорит с бояры, по тому так и учинить, яко достоин. А которые дворяне и дети боярские государское жалованье берут за городом, и тым жалованье давати, як през сего бывало при прежних государех; на Москве и в городех ружником и оброчником, которым при прежних великих государех для их службы жалованье давали, и тым давати жалованье денежное и хлебное из государское казны по-прежнему. На Москве и по городам суду быти и совершатись по-прежнему обычаю и по судебнику Российскаго государства; а будет похотят в чем пополнити для укрепления судов, и государю на то поволити с думою бояр и всее земли, чтоб было все праведно. Великому государю Жигимонту королю польскому и великому князю литовскому, и его государствам коруне Польской и Великому Князству Литовскому быти с великим государем королевичем Владиславом Жигимонтовичем и зо всеми государствами Росийскими в миру, в дружбе, в любви навеки недвижно, и промеж себя рати и войны не вщынати ниякими делы; а которые недруги толко похотят наступать на Росийские государства или на Королевство Полское и на Великое Князство Литовское, и против тех всех недругов стояти обоими государствами заодно. На татарских украйнах только надобно будет держати обоих государств ратных людей, и как будет государь королевич на Московском государстве, и о том говора с бояры, зошлется з великим государем Жигимонтом королем, як тому делу прыгоже з обе стороны быти.

Умышлением нияким, ни засылкою шкоты никакое и убивства над людьми Московского государства не делати, и дворов и животов и иного ничего у всяких людей не отымати; и в Полску и в Литву и в ыные государства Московского государства людей не розсылати, и из Полски и из Литвы на их месце никаких людей не приводити; и жен и детей ни чых не позорыти ни в чем, и в полон не имати и не зсылати, и с женами и с детьми никого не разводити. А хто винен будет, из котораго чыну ни будь, и казни будет достоин в государских и в земских делах, того по вине его казнити, осудивши наперед с бояры и с думными людьми; а жены, дети, братья, которые того дела не делали и не ведали и не хотели, и тех не казнити, и быти им во всем по-прежнему, и отчин, и поместей, и животов, и дворов у них не отнимати; а не сыскав вины и не осудивши судом всеми бояры, никого не казнити, и чести ни у кого не отымати, и в заточенье не засылати, поместей и отчин и дворов не отымати. А хто бездетен умрет, и то все, што останется, отдавати ближним его, или кому прикажет. А все то делати государу с приговором и советом бояр и всих думных людей, а без думы и прыговору таких дел не совершати. Як рострыгу убили всим Московским царством, и в ту пору на Москве многие русские люди побиты от полских и от литовских людей, а от русских людей также побиты польские и литовские люди, и того дела ныне и вперед не вщынати и не мстити с обе стороны. Которые польские и литовские люди, полковники и ротмистры, и шляхта и всякие люди были в полону в Московском государстве, и тые з Московского государства отданы мне гетману без выкупу; а которые польские и литовские люди остались еще в Московском государстве, а взяты в нынешнюю ж смуту, и тех зыскавши из московскаго государства отпустить в Полску и в Литву без выкупу ж; а которые дворане, и дети боярские, и стрельцы, и козаки, и пушкары, и всякие служылые и неслужылые люди, и дворанские, и детей боярских, и стрельцов, и козаков, и пушкарей, и всяких служылых и неслужылых людей матери, и сестры, и жены, и дети, и всякие люди

Российскаго государства мужеска полу и женска в нынешнюю смуту, при бывшем государу Василью, взяты в полон в Польску и в Литву, и тых государу королю его милости велети, сыскав, от мала до велика отдати в Московское государство без выкупу ж. Доходы государские с городов, с волостей, также с кабаков и с тамог деньги и всякие доходы велети государю сбирати по-прежнему, як было при прежних великих государех; а сверх прежних обычаев, не поговоря с бояры, ни в чем не прибавлявати. А которые города от войны запустели, и в те города и уезды послати государю описати и дозировать, много ль чого убыло, и доходы велети имати с живущего по описи и по дозору; а на запустошенные отчины и поместья дати льготы, поговора с бояры; а на невоеванные города что будет перед прежним доведется прибавити, и о том с бояры и с думными людьми поговорить. А купцом Московского государства всех городов в Полще и в Литве, а польским и литовским купцам в Московском государстве торговати по-вольно по-прежнему, и тамги в Московском государстве и в Полще и в Литве велети брати по-прежнему ж обычаю, как брано преж сего, и продаж и насильства с обе стороны торговым людем не чинити. Торговым и пашенным крестьянам в Литву с Руси, а из Литвы на Русь выходу не быти; также и на Руси промеж себя христианам выходу не быти. Боярам и дворянам и всем чыном держати крепостных людей по-прежнему обычаю, по крепостям. На Волге, на Дону, на Яике и на Терке козаков будет надобе, или не надобе, о том государю королевичу говорыти с бояры и думными людьми, как будет на господарстве. А про города, к Московскому государству належачые, так тые, в которых теперь полские и литовские люди, яко тые, которые ныне за вором, гетман приговорил с паны бояры, што наияснейшому государу королю его милости, и сыну его королевское милости наияснейшому Владиславу королевичу тьи города со всем, как были до нынешния смуты, к Московскому государству очистить; а великим послам Московского государства с великим государем Жигимонтом королем вперед договор учинить про кошт и наклад государа короля его милости, на ратное дело учиненныи, и про заплату пол-

ским и литовским людям, как было про то дело сюю статью совершыти. А про вора, што называется царевичем Дмитрием Ивановичем, мне гетману вместе с бояры думати и печал мети, як бы того вора изымати, или убити; а коли вор изыман, или убит будет, и мне гетману з войском его королевское милости от столного города от Москвы отойти к Можайску, или где прыгоже, по договору с паны бояры, и там великих московских послов повернення и росказу егò королевское милости ождатьи. А толко вор против столного города Москвы похочет какое воровство или насильство чынити, и мне гетману против того вора стояти и биться с ним, а Яна Сапегу с польскими и с литовскими людьми от того вора отвести. А будет вор с русскими людьми пойдет прочь, а что при нем польских и литовских людей немного zostало, и мне гетману над ним и людьми, которые при нем будут, з войском короля его милости сполне с паны бояры промышляти вскоре, чтоб крови христианское больши не разливал, и земля бы в тишине стала. А Марыне Мнишковне, которая была за убитым рострыгою Гришком Отрепьевым и з нынешним вором в Московском государстве ходит, государынею московскою не называтися, и смуты никоторыя впредь в Московском государстве не делать, и отвести ее в Полску. И во всем государу королевичу Владиславу Жыкгимонтовичу делати по их упрошенью, и по договору послов с великим государем его милостию Жыкгимонтом королем, и по сей утвержденной записи. А про Смоленск мне гетману бити челом и отписати к королю его милости, штоб по Смоленску бити не велел, и тесноты б городу никакия учинити не велел. А о крещенью, штоб государу его милости Владиславу Жыкгимонтовичу королевичу пожаловати креститися в православную христианскую веру Греческого закону, и быти в православной христианской Греческой вере; и о иных недоговорных статьях и о всяких делех, что ся делало меж государств издавна до нынешния смуты, как бы меж государями и их государствами о всем договор и докончание учинити; а любовь, милость и приязнь на обе стороны множыласе и задержаласе навеки. О чом гетман тепере от государа короля его милости науки и порученья

не маю, и о том я гетман прыговорил с паны бояры, что им послати о том бити челом и договор чинити к государу Жигимонту королю его милости и королевичу его милости Владиславу Жыкгимонтовичу. А гетману в город Москву полских и литовских и немецких и всяких ратных людей, которые с ним и которые с паном Яном Сапегою, без поволенья бояр и без дела не впускати. А для покупки, прыездчати в город в Москву из польских и из литовских и изо всех обозов с гетманскими проежчыми листы, человек по двадцати, или мало больши; а без проежчих листов и больши того в город Москву не въездчати. А для утверждения, к сей записи я гетман Станислав Станиславович Жолкевский печать свою прыложил и руку подписал; также и панове пулконики и ротмистры, которые на тот час при мне, к сей грамоте руки свои подписали. Писан в обозе под столным городом Москвою, лета от нароженья Исуса Христа Господа Бога и Спаса нашего тисеча шестьсот десятого месяца августа двадцать сегого дня.

Станислав Жолкевский, воевода киевский,
 гетман корунный
 Януш с Збараж Порицкий
 Николай Гербурт
 Станислав Доморацкий, подстолий львовский
 Юрий с Кракова Щуций
 Мартын Казановский
 Александр Балабан
 Андрей Млоцкий
 Васичинский Криштоф
 Ян Жебридовский
 Адам Олизар Волчкевич, ротмистр короля его милости
 Николай Козаковский
 Николай Удрицкий, подचाший бельский
 Войцех Рудницкий
 Гощиковский Марциан
 Марко Виламовский
 Самуил Дуниковский
 Николай Малуский
 Ян Невядовский, ротмистр короля его милости
 (Собрание государственных грамот и договоров.
 Т. 2. № 199)

Географический указатель*

- Александрова слобода — 182
- Белая, г. — 45, 80, 181
Бельский уезд — 155, 156
Болхов, г. — 30, 34—38, 42
Боровск, г. — 79
Братошино, с. — 162
Брацлавское воеводство — 29
Брянск, г. — 29, 158
- Верея, г. — 187
Верховье, с. — 156
Владимир, г. — 163
Волга, р. — 49, 56, 61, 62, 64, 96, 97, 99, 203, 212
Вологда, г. — 49
Волок Ламский (Волоколамск), г. — 64, 65, 71
Вольмар, г. — 183
Вязьма, г. — 51, 65, 104
- Дмитров, г. — 59, 62—65, 164, 182
Днепр, р. — 78
Дон — 86, 203, 212
Дорогобуж, г. — 57
- Звенигород, г. — 39
Зубцовский уезд — 164
- Иосифо-Волоколамский мон. — 64, 65, 66, 72, 89, 107, 162, 187
- Калуга, г. — 38, 58, 60, 61, 64, 80, 84, 85, 164, 170, 171, 174, 175
- Калязин, г. — 56, 59
Карачев, г. — 28, 29, 158
Киевская Украина — 29
Клушино, с. — 73, 74, 180—182, 189, 190
Козельск, г. — 28, 38
Коломна, г. — 51, 80
Комарск, г. — 158
Корела, г. — 50
Кострома, г. — 49
Краков, г. — 83, 156
Кричев, г. — 154
Кромы, г. — 30, 31, 34
Крым — 25, 82
Курск, г. — 158
- Ладога, г. — 50
Лама, р. — 71
Ливонская земля — 173
Литва — 106, 160, 161, 169, 195, 201—203, 211, 212
- Мещевск, г. — 175
Минск, г. — 154
Могилев, г. — 153, 154
Можайск, г. — 38, 39, 73, 80, 84, 90, 156, 171, 176, 179—181, 186, 189, 203, 213
Монастыревский острог — 158
Москва, г. — 24—27, 30, 36, 38—40, 46, 47, 51—53, 72, 78, 80—84, 88—105, 108, 150, 152, 154, 157, 161—164, 166—169, 171, 174—176, 180, 186, 192, 194,

*Указатель составлен к тексту публикуемого источника.

- 203, 204, 207, 208, 211, 213, 214
 Москва, р. — 39, 40—41, 88, 91, 92, 94, 96, 98, 99, 101
 Мстиславль, г. — 154, 161
 Неглинная, р. — 92, 102
 Новгород Великий, г. — 47, 50, 51, 163, 187
 Новгород-Северский, г. — 25, 30, 31, 35
 Новодевичий мон. — 95, 99
 Ока, р. — 175
 Орел, г. — 28—31, 34, 35
 Орша, г. — 106, 154
 Осипов, см. Иосифо-Волоколамский мон.
 Переяславль Рязанский, г. — 59, 85
 Пирогово, с. — 162
 Погорелое Городище, г. — 66, 77, 180, 190, 193
 Погребнице — 184
 Польша — 25, 38, 45, 46, 80, 84, 93, 105, 106, 167, 195, 201—204, 211, 212, 213
 Попова Гора, г. — 153, 154
 Почеп, г. — 156
 Пропойск, г. — 27, 154
 Путивль, г. — 25, 27, 29, 37, 158
 Рогачево, с. — 105
 Рославль, г. — 158
 Россия — 167
 Руза, г. — 50, 187
 Русь — 203, 212
 Рыльский, г. — 158
 Рязанская земля (Рязанское княжество) — 27
 Самбор, г. — 35
 Сандомир — 152
 Северская земля — 27, 40, 44, 82, 106, 167, 168, 174
 Серпухов, г. — 88
 Симонов Успенский мон. — 91
 Смоленск, г. — 44, 47, 56, 57, 65, 72, 77, 78, 80, 83, 85, 86, 93, 106, 108, 150, 155, 156, 158, 167, 188, 189, 195, 204, 218
 Стародуб, г. — 27, 150, 154, 158
 Тайнинское (Тонинское), с. — 40
 Тарнополь, г. — 86
 Тверь, г. — 51, 54—56
 Терек — 203, 212
 Торжок, г. — 51, 52
 Троице-Сергиев мон. — 47, 51, 56, 58, 59, 62, 161, 162, 169, 182
 Трубчевск, г. — 158
 Тушино, с. — 41, 161
 Углич, г. — 24
 Угра, р. — 38
 Украина — 163
 Химка (Хинка), р. — 40, 43, 53
 Ходынка, р. — 41, 43, 52, 53
 Царев-Борисов, г. — 38
 Царево-Займище, г. — 72—74, 156, 176, 177, 180, 183, 193, 194
 Черкизово, с. — 162
 Чернигов, г. — 30, 158
 Швеция — 66, 187, 193
 Шклов — 153
 Шуйск — 176
 Юрьев-Польский, г. — 158—160
 Юрьевский уезд — 158—160
 Яик, р. — 205, 212
 Яуза, р. — 92
 Яченка, р. — 174, 175

Указатель имен*

- Алексеев Никонко — 155
- Балабан Александр — 214
- Безобразов Елизарий, стрелецкий голова — 155—156
- Берингер Якоб, француз — 70
- Бестужев Иван, сотник — 156
- Бобовский Якоб, ротмистр — 51, 182
- Бобровницкий — 98
- Бобровский, ротмистр — 44, 98, 99
- Боженцкий Адам — 53, 107, 108
- Болотников Федор Минич, воевода Лжедмитрия II — 160
- Болтин Будаи, стрелецкий сотник — 156
- Борковский Анджей — 76, 83
- Борковский Петр, полковник — 39, 76, 89, 101, 104
- Борятинский Яков — 189, 192
- Бунаков Иван — 155
- Бутурлин Василий Иванович, боярин, воевода — 77, 164, 189, 192, 195
- Бучинский — 41, 170
- Валуев Григорий Леонтьевич, воевода — 65, 66, 71—73, 176—180, 182, 186—188, 194
- Валявский Валентин, полковник — 29, 30, 34, 45
- Васичинский Кшиштоф — 75, 214
- Вейер (Вайер, Вейгер) Мартин — 73, 179
- Вейер Людвиг, полковник — 57, 96, 170, 184
- Вильковский, ротмистр — 75, 166
- Вилямовский Марк, полковник — 44, 161, 214
- Витковский (Войтковский), поручик — 82
- Вишневецкий Адам, князь — 24, 29, 34, 166, 170
- Вишневецкий Константин, князь — 24
- Владислав, польский королевич — 73, 77, 79, 80, 84, 86, 90, 106, 173, 188, 194, 196—198, 201, 203, 204, 206—208, 210, 212—214
- Войтковский — 104
- Войцех, ксендз — 100
- Войшик Анджей — 67, 68
- Волконский Г.К., князь — 152
- Восичинский (Васичинский) Кшиштоф, ротмистр, полковник — 75, 88, 214
- Волчекевич Адам Олизар — 214
- Гедроций (Гедройц) Федор, литвин — 37, 42, 43
- Гербурт Николай — 214

*Указатель составлен к тексту публикуемого источника.

- Гермоген (Ермоген), патриарх — 164, 171, 196—199, 205, 206, 208
- Годунов Борис, царь — 24, 25, 29, 177
- Годунова Ирина, царица — 24
- Голицын Андрей Васильевич, князь — 87, 88, 163, 186, 189, 191
- Голицын Василий Васильевич, князь, боярин — 79, 80, 163, 169, 204—206
- Гонсевский Александр, литовский референдарий — 25, 39, 45, 80, 83—88, 91, 92, 94, 95, 101, 103—106
- Горн Эдвард (Эверт), шведский военачальник — 66, 180, 181, 185—187, 189, 190, 191, 193
- Горчаков Петр — 155
- Гочановский — 68
- Гошиковский Марциан — 214
- Григорий Отрепьев, см. Лжедмитрий I
- Грицко, лавочник — 24, 27
- Гурчеев Ян — 174, 175
- Декудов Яков, дьяк — 192
- Делавиль Петр, француз, военачальник — 66, 69, 70, 190, 193
- Делагарди Яков (Понтус), шведский военачальник — 54—56, 75, 76, 106, 176, 180, 183—187, 189—191, 193
- Дембинский Эразм — 68
- Дивов Воин, воевода — 155
- Дмитрий Иванович, царевич — 24
- Добжинецкий Войцех — 67
- Домарацкий Матвей (Мацей), львовский подстолий — 41, 169, 170, 189, 214
- Дорогостайский, литовский маршалок — 78
- Дудзинский Вжеш — 57
- Дуниковский Самуил, полковник — 176, 184, 214
- Елецкий Федор, князь, воевода — 176, 194
- Жебридовский Ян — 214
- Жолкевский Адам, полковник — 76
- Жолкевский Станислав, коронный гетман — 57, 72, 73, 76, 77, 79—82, 84, 176—178, 180—188, 194—197, 203—205, 213, 214
- Забжицкий — 71
- Заболоцкий — 152
- Залусковский Ежи — 68
- Заруцкий Иван Мартынович, атаман донских казаков — 34, 53, 60, 80, 83, 85, 86, 91, 106, 162, 175
- Збаравский (Збаражский) Кшиштоф, коронный коныйший — 57, 170
- Збаражские, князья — 176, 184
- Зборовский Александр, полковник — 44—46, 51, 52, 54—56, 58, 60, 64, 65, 77, 81, 91, 97, 111, 165, 176, 179, 183, 193
- Зенович — 154
- Зубов Алексей, стрелецкий голова — 156
- Иван IV Грозный, царь — 24, 105
- Иванов А., дьяк — 152
- Ивашин — 176
- Измайлов Артемий — 163
- Казановский Мартин — 57, 104, 176, 184, 214
- Казимирский — 171

- Каменский Самуил, ротмистр — 41, 42
Кара, мурза — 175
Карл IX, шведский король — 50, 183
Кишка, ротмистр — 99
Козаковский Николай — 214
Кокошкин Григорий, стрелецкий сотник — 156
Колычев Иван Федорович, князь — 162—163
Конешпольский, ротмистр — 99
Концешкевич Миколай — 50
Копыцинский (Копычинский), ротмистр — 163
Корташов Истома, дьяк — 163
Коссаковский Вавжинец — 67
Коссаковский Миколай, полковник — 67, 89, 97, 100
Коссовский Анджей — 68
Костюшкевич Миколай — 105
Крензеляваский — 63
Круликовский — 28
Крыйский Щенный (Феликс), коронный подканцлер — 57
Куракин Иван, князь — 163
Ланцкоронский-Бонк Станислав, ротмистр — 49, 76, 187
Лжедмитрий I, самозванец — 24—26, 29, 81, 82, 95, 105, 152—155, 159, 204, 211, 213
Лжедмитрий II, самозванец — 27—35, 37—39, 44, 48, 56—62, 64, 78—80, 83—86, 108—110, 150—152, 157, 161—163, 165—172, 174, 175, 195, 202—204, 213
Лисовский Александр, полковник — 34, 47, 161
Ловчавский-Добек Ян, голец — 57
Луговской Томила, дьяк — 163, 196, 204, 206
Лыков Борис Михайлович, князь, воевода — 163
Любомирский Станислав, сондецкий староста — 78
Ляпунов Прокопий Петрович, воевода — 85, 88, 91, 94, 95, 106
Максимилиан II, император Священной Римской Империи — 105
Малуцкий Николай — 214
Мархоцкий Адам, ротмистр — 75, 96
Мархоцкий Миколай — 107
Масальский (Мосальский), Василий Михайлович, князь — 41, 42, 46
Мезецкий Данила Иванович, князь, воевода — 186, 189, 196, 204, 206
Мелешко — 29
Меховецкий, гетман Лжедмитрия II — 28, 29, 31, 32, 33, 47, 48
Мизинов Матиас (Матьяш), литвин — 28
Михаил Федорович (Романов), царь — 79
Михалевский Петр, ротмистр — 159, 160
Миховский Ян — 63, 69, 70
Млоцкий Анджей, полковник — 44, 49, 51, 82, 93, 170, 214
Мнишек Ежи (Юрий), сандомирский воевода — 24—26, 45, 46, 51, 82, 85, 93, 156—158, 170, 204, 214
Мнишек Марина, супруга Лжедмитрия I — 25, 26, 45, 46, 58, 59, 62—64, 106, 161, 164, 168, 171, 204, 213

- Мнишек Станислав, саноч-
кий и львовский старос-
та — 46
- Модреньский — 63
- Молчанов Михалко (Михаил
Андреевич) — 152
- Мольский — 102
- Москов Костя — 161
- Мстиславский Федор Ивано-
вич, князь — 196, 197,
204, 205, 207
- Нагой Андрей Андреевич —
27, 150
- Неведоровский, ротмистр —
181
- Невядовский Ян, ротмистр —
214
- Недведок — 155
- Новицкий Иван — 161
- Новодворский Бартоломей,
кавалер — 72, 78, 93, 98
- Оборский Ян — 104
- Олесницкий Миколай, мало-
гощский каштелян — 25,
39, 45, 156
- Онискович Сидорович — 154
- Пачановский Станислав —
54
- Пашницкий — 68
- Пеньонзский, ротмистр — 98
- Плещеев, воевода Лжедмит-
рия II — 165
- Подгородецкий — 161
- Порваницкий — 63
- Порыцкий Януш, полков-
ник — 184, 214
- Потоцкие — 106
- Просовецкий Андрей, каза-
чий атаман — 91
- Пясковский, казачий ата-
ман — 176, 184
- Рагоза, урядник чечерский —
154
- Раковский Дмитрий, дьяк —
155, 156
- Ржевский Иван Никитич,
окольничий — 87
- Робицкий Станислав — 161
- Роговский, ротмистр — 101
- Рогожинский, бургграф — 27
- Роженский Миколай — 160
- Рожинский Адам, князь —
41
- Рожинский Роман, князь —
29—36, 41—43, 47, 48, 50,
51, 58, 60, 61, 62—65, 82,
111, 164—166, 169, 170
- Ростовские — 163
- Рудницкий Войцех, рот-
мистр — 214
- Рудский, ротмистр — 36, 102
- Ружинский — 161
- Русецкий Веспасиан, рот-
мистр — 50, 65, 67
- Руцкий Кшиштоф — 68
- Руцкий (Рудский), полков-
ник — 64, 65, 67, 68, 155,
162
- Салтыков Михаил Глебович,
боярин — 88, 171, 188,
192
- Салега Ян Петр Павел, пол-
ковник — 44, 47, 51, 56,
58, 59, 62—64, 78—82,
93—96, 99—101, 103, 105,
158—161, 166, 169, 171,
175, 203, 204, 213
- Сигизмунд III, польский ко-
роль — 27, 50, 56, 58, 61,
69, 73, 77, 80, 82, 84, 86,
87, 93, 104, 106, 108,
109—111, 163—169, 171,
173, 188, 194, 196—198,
201, 203, 204, 206, 207,
210, 212—214
- Сидор, казачий голова — 94
- Скопин-Шуйский Михаил
Васильевич, князь, воево-
да — 50, 51, 54, 55, 59,

- 62, 79, 163—165, 169, 171, 176
- Скумин — 170
- Скурыгин Василий, подьячий — 162
- Слядковский — 57
- Собакин Борис, воевода — 155, 156
- Сокол, поляк — 98
- Сопралей, мурза — 175
- Средзинский Войцех — 104
- Стадницкий, ротмистр — 155
- Стадницкий Станислав, перемышльский каштелян — 44, 57, 165, 167, 171
- Стефан Баторий, польский король — 24
- Струсь Миколай, хмельницкий староста, полковник — 77, 84, 90, 91, 93, 96—98, 106, 184
- Сулишевский Станислав — 50
- Телепнев Василий Григорьевич — 196, 204, 206
- Телефус — 63
- Терешко, проскурник — 154
- Тороканов Савва, сын боярский — 162
- Тромбчинский — 34
- Троян Ежи — 104
- Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, князь, воевода — 95
- Тупальский, ротмистр — 36
- Тышкевич, ротмистр — 61
- Тышкевич Самуил, ротмистр — 29
- Удрицкий Николай — 214
- Ураз-Магомет, касимовский царь — 80, 84, 164, 175
- Урусов Петр Урусланович, ногайский князь — 85, 175
- Федор Иванович, царь — 24
- Федор Сасинович, священник — 154
- Филарет (Федор Никитич Романов) — 71, 80, 106
- Фирлей Енджей, ротмистр — 75
- Харлинский, маршалок — 34
- Хворостинин Иван Дмитриевич, князь — 163
- Хвощ — 160
- Хмелевский — 161
- Хмельницкий — 190
- Ходкевич Ян Карл, литовский гетман — 99, 104, 105, 106
- Хохряков Гриша — 161
- Хруслинский Станислав, полковник — 29, 33, 41
- Цеклинский Юзеф (Иосиф), поручик, маршалок — 75, 105
- Чиж, полковник запорожских казаков — 51
- Чорныш Екбеев — 174, 175
- Чубаров Матвей Денисов сын, подьячий — 162
- Шаховской Григорий, князь, воевода — 175
- Шейн Михаил Борисович, воевода — 93, 155
- Шейдяков Алей, мурза — 175
- Шемберг, инженер — 72
- Шереметев Федор Иванович — 163, 196, 204, 206
- Шкот — 63
- Шуйские — 80, 84, 150
- Шуйский Андрей, князь — 154, 155
- Шуйский Василий Иванович — 25—30, 34, 36, 38, 48, 53, 61, 77, 79, 87, 108,

-
- 109, 150—152, 155, 162—
164, 166, 168, 169, 171,
183, 188, 202, 212
- Шуйский Дмитрий Ивано-
вич, князь, воевода — 34,
75, 163, 176, 180—182,
184—186, 188—189, 192
- Шуйский Иван Иванович —
53, 107, 163
- Шумский, бернардинец —
100
- Щавинские — 63
- Щавинский, пахолик — 97
- Щавинский Якоб — 68
- Щущий Юрий — 214
- Юрковский — 91
- Яйковский — 170
- Яниковский — 165
- Янов Василий, дяк — 163
- Янчинский — 75

Содержание

Пером и саблей	5
Причина Московской войны	24
1607	27
1608	30
1609	50
1610	60
1611	85
Дополнения	107
Комментарии	112
Приложения	150
Географический указатель	215
Указатель имен	217

Николай Мархоцкий
ИСТОРИЯ МОСКОВСКОЙ ВОЙНЫ

Художественное оформление *А.Сорокин*
Компьютерная верстка *В.Юрченко*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.07.2000.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 1500 экз.
Заказ № 554

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

ППП типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

